

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ПРИРОДОМОРФНОЙ
МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ИНВЕСТИЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

САКРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ
В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ВЛИЯНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ
КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

2023 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2023 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., МГОПУ

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., МГОПУ

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, МГОПУ

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., МГОПУ;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., МГОПУ;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., МГОПУ;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. — д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., МГОПУ;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., МГОПУ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., МГОПУ;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2023. — № 1. — 132 с.

© МГОПУ, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
"Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic":
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSPU

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), MRSPU

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU;

I. G. Zhirona – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., MRSPU;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., MRSPU;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., MRSPU

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of the series "Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.vestnik-mgou.ru; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2023. – № 1. – 132 p.

© MRSPU, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Аверина А. В.</i> Влияние грамматических свойств субъекта и объекта на выбор модальной конструкции (на материале немецкого и русского языков)	6
<i>Буженинов А. Э.</i> Фреймовая структура природоморфной метафоры в англоязычном инвестиционном дискурсе	17
<i>Власова Е. В.</i> Understatement – концепт, понятие или категория?	27
<i>Ефремова Е. В.</i> Когнитивная метафора в исследовании понятия клиентоориентированности как организационной ценности	35
<i>Кравченко М. А.</i> «И долго мучился над словом, которое не хотело приходить»: о наивной ономазиологии в художественных текстах	42
<i>Левченко М. Н.</i> Деловой дискурс: анализ и моделирование дискурсивных событий	53
<i>Ли Лин.</i> Влияние происхождения слов на формирование картины мира русского и китайского языков	63
<i>Ли Цзяцзя.</i> Сопоставление терминов, обозначающих части речи, в английском, русском и китайском языках	73
<i>Мальцева Л. Г.</i> Национально-культурные особенности фразеологизмов со значением «похвала / Lob» (на материале русского и немецкого языков)	82
<i>Пашков С. М.</i> Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации	90
<i>Степанова Е. С.</i> Репрезентация античного мифа в названиях лекарственных растений	100
<i>Цепелева А. Н.</i> Жанровая характеристика тематически маркированных литературно-художественных текстов	109

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Евсеева М. В.</i> Разграничение понятий терминов <i>interdit / interdiction</i> (ограничение, лишение права / запрет) в гражданском праве современного французского языка	118
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Скуратов И. В.</i> Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержание)	125
<i>Абрамова Е. И., Шабанова В. П.</i> Вариативность в языке и культуре. Современные проблемы (о международной научно-практической конференции, ИЛИМК МГОПУ, 2 декабря 2022 г.)	128

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

A. Averina. Influence of Grammatical Properties of the Subject and Object on the Choice of Modal Construction (Based on the Material of German and Russian)	7
A. Buzheninov. Frame Structure of Nature-Morphic Metaphor in English Investment Discourse.	17
E. Vlasova. Understatement– Concept, Notion or Category?	27
E. Efremova. Cognitive Metaphor in the Study of the Concept of Customer Focus as an Organizational Value	35
M. Kravchenko. “And I Suffered for a Long Time Over the Word That Didn't Want to Come”: On Naive Onomasiology in Literary Texts	42
M. Levchenko. Business Discourse: Analysis and Modeling of Discursive Events.	53
Ling Li. Russian and Chinese Worldview Through the Prism of Word Origin.	63
Li Jiajia. Comparison of Terms Denoting Parts of Speech in English, Russian and Chinese.	73
L. Maltseva. National and Cultural Features of Phraseological Units with the Meaning of “Praise / Lob” (On the Material of Russian and German Languages)	82
S. Pashkov. Sacredness as a Factor of Text Formation in Religious Communication	90
E. Stepanova. Representation of the Ancient Myth in the Nomination of Medicinal Plants.	100
A. Tsepeleva. Genre Characteristics of Thematically Marked Literary and Artistic Texts.	110

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

M. Evseeva. Differentiation of the Terms Interdit / Interdiction (Restriction, Deprivation of the Right / Prohibition) in the Civil Law of Modern French.	119
--	-----

ACADEMIC LIFE

I. V. Skuratov. The Romance Languages: Pragmatics and Discourse (Modes of Expression and Contents)	125
E. Abramova, V. Shabanova. Variation in Language and Culture. Modern Problems (About the International Scientific and Practical Conference, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State Pedagogical University, December 2, 2022)	128

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-6-16

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА НА ВЫБОР МОДАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аверина А. В.

*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель статьи – описание грамматических свойств субъекта и объекта предложения, влияющих на выбор соответствующей модальной формы в немецком и русском языках.

Процедура и методы. Проанализированы 200 примеров, отобранных из немецких корпусов DWDS и DECOW 16A, Национального корпуса русского языка. Для выявления грамматических свойств субъекта и объекта в предложениях с модальными маркерами были использованы описательный метод, сопоставительный метод и метод компонентного анализа.

Результаты. Показано, что в немецком и русском языках выбор формы выражения деонтического и диспозиционного модального значений определяет активность/пассивность субъекта. В немецком языке она заложена в семантике модального глагола, в русском – в структуре предложения с корневым модальным значением. В русском языке выбор формы выражения волеизъявительного модального значения зависит от грамматических свойств объекта.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят свой вклад в разработку вопроса о модальном и аспектуальном потенциале безличных предложений.

Практическая значимость: результаты проведённого наблюдения могут быть использованы на теоретических и практических занятиях по сравнительной типологии немецкого и русского языков и грамматике немецкого языка.

Ключевые слова: модальность, безличность, слова категории состояния, модальные глаголы, немецкий язык, русский язык

INFLUENCE OF GRAMMATICAL PROPERTIES OF THE SUBJECT AND OBJECT ON THE CHOICE OF MODAL CONSTRUCTION (BASED ON THE MATERIAL OF GERMAN AND RUSSIAN)

A. Averina

Moscow Region State Pedagogical University

ulitsa Vely Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the grammatical properties of the subject and object of the sentence, which influence the choice of appropriate modal form in German and Russian.

Methodology. 200 examples selected from the German DWDS and DECOW 16A corpus, the National Corpus of the Russian Language, have been analyzed. To identify the grammatical properties of the subject and object in sentences with modal markers, the descriptive method, the comparative method and the method of component analysis were used.

Results. It is shown that in German and Russian, the choice of the form of expression of deontic and dispositional modal meanings determines the activity/passivity of the subject. In German, it is embedded in the semantics of a modal verb, in Russian – in the structure of a sentence with a root modal meaning. In the Russian language, the choice of the expression form of a voluntary modal meaning also depends on the grammatical properties of the object.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that the results obtained contribute to the development of the issue of the modal and aspectual potential of impersonal sentences. The practical significance lies in the fact that the observations made can be used in theoretical and practical classes on the comparative typology of German and Russian languages and grammar of the German language.

Keywords: modality, impersonality, state category words, modal verbs, German, Russian

Введение

Модальные глаголы в немецком языке способны передавать целый ряд модальных значений. *Müssen* и *sollen* кодируют деонтичность (долженствование); глаголы *können* и *dürfen* выражают семантику возможности, или способности осуществления действия, т. е. диспозиционной и алетической модальности; глаголы *mögen* (в форме *möchten*) и *wollen* несут воликативное значение, или волеизъявление. Речь идёт, в первую очередь, о первичном или корневом модальном значении этих слов (термин «корневая модальность» был предложен Ф. Пальмером [15]): специфика корневой модальности состоит в модализации пропозиции и представлении ситуации как фактической в отличие от некорневой, эпистемической модальности, когда говорящий оценивает степень её вероятности. В русском языке

существуют модальные глаголы *мочь*, *хотеть*, а также модальный предикатив *быть должным*. Корневые модальные значения могут быть переданы и посредством использования слов категории состояния – таких, как *нужно*, *можно* и т. д. По наблюдениям автора публикации, выбор между глаголами *sollen* и *müssen* в немецком языке и словами категории состояния и модальным предикативом *быть должным* в русском языке определяет такой фактор как активность / пассивность субъекта [1]. Это позволяет предположить, что грамматические свойства субъекта и объекта оказывают влияние на выбор между другими модальными глаголами в немецком языке и между двусоставными и безличными предложениями в русском языке. Для верификации данной гипотезы нуждается в освещении вопрос о функционировании

маркеров корневых модальных значений немецкого и русского языков в синтагматике.

В центре внимания данной статьи – влияние грамматических свойств субъекта и объекта на выбор способа выражения волюнтаривной, деонтической и диспозиционной семантики в немецком и русском языках. Их описание позволит, во-первых, определить функциональные эквиваленты в анализируемых языках, а, во-вторых, раскрыть факторы, обуславливающие существование модальных синонимичных форм. Этим и определяется **актуальность** проводимого исследования. Следовательно, **цель** данной работы – описать грамматические свойства субъекта и объекта предложения, влияющие на выбор соответствующей модальной формы в немецком и русском языках. В **задачи** исследования входит:

- 1) раскрыть специфику модальных конструкций с активным и пассивным субъектом в немецком и русском языках;
- 2) проанализировать влияние категории определённости/неопределённости на выбор модальной формы;
- 3) выявить функционально эквивалентные формы выражения корневых модальных значений в немецком и русском языках с учётом грамматических свойств субъекта и объекта.

В качестве **материалов исследования** послужили примеры, отобранные из немецких корпусов DWDS и DECOW 16A, а также из Национального корпуса русского языка. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. Цель при этом состояла не в поиске немецко-русских соответствий, а в определении функциональной эквивалентности на основе оригинальных текстов соответствующих языков. Для этого в работе применялись следующие **методы**: описательный метод, позволивший определить контекстуальные условия, обуславливающие использование конкретного модального маркера; сопоставительный метод, посредством которого были подо-

браны немецко-русские соответствия; с помощью метода компонентного анализа удалось установить типы корневых модальных значений, зависящие от свойств субъекта и объекта высказывания.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят свой вклад в разработку вопроса о модальном и аспектуальном потенциале безличных предложений в немецком и русском языках. **Практическая значимость** состоит в том, что сделанные наблюдения могут быть использованы на теоретических и практических занятиях по сравнительной типологии немецкого и русского языков и грамматике немецкого языка.

Корневые модальные значения и их реализация в немецком и русском языках

1.1. Алетическая, диспозиционная, деонтическая и волюнтаривная модальность

В лингвистике выделяют следующие виды корневых модальных значений: волюнтаривное, алетическое, диспозиционное, деонтическое. *Волюнтаривная модальность* отражает ситуацию, когда говорящий или пропозициональный субъект выражает своё желание, например:

(1) Ich **will** auf jeden Fall die Kampagne spielen¹.

(2) Dinah **möchte** gern ein grösseres Stück vom Kuchen abbekommen, geschickt nutzt sie Graham für ihre Interessen².

(3) IBS **хочет** стать поставщиком бизнес-решений для малых и средних предприятий³.

Алетическая модальность «связана с субъективными потенциями реального

¹ DECOW 16A [Электронный ресурс]. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения: 01.10.2021). Далее – DECOW 16A.

² DECOW 16A.

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.10.2021). Далее – НКРЯ.

мира» [3, с. 216], речь идёт о потенциальной возможности, характерной для того или иного субъекта, например:

(4) Ich **kann** wirklich nicht fahren¹.

(5) Но те, кого он **мог** назвать друзьями, как правило, были сами неимущими, как Померанцев².

М. Л. Котин предлагает термин «верисимильная модальность» [12], подчёркивая при этом, что речь идёт не о способности субъекта что-либо делать (например, быть способным = уметь плавать, водить машину и т. п.), а об объективно существующей возможности. Он разводит такие значения, как *верисимильная* (verisimile Modalität) и *диспозиционная модальность* (dispositionelle Modalität). Диспозиционная модальность отражает способность субъекта осуществлять какое-либо действие:

(6) Er **kann** sich nicht **bewegen**, ist vollständig gelähmt³.

Речь может идти также и о том, что кто-то получает разрешение на осуществление своих действий [12, S. 141], например:

(7) Er **darf** auf keinen Fall rauslaufen!⁴

Деонтическая модальность отражает определённые требования к поведению, может содержать некую систему правил или норм, например:

(8) Lilly brach auf. Sie **musste** ihren Bräutigam abholen⁵.

(9) Я **должен был** знать штрихи и аппликатуру к первой части концерта Бетховена⁶.

Таким образом, деонтическое, волюнтаривное, алетическое и диспозиционное модальные значения служат для выражения необходимости, желательности,

возможности или способности осуществления каких-либо действий. Речь идёт о фактической ситуации, представленной модализованной пропозицией.

1.2. Влияние свойств субъекта на выбор способа выражения корневого модального значения

Рассмотрим ряд примеров, передающих деонтическое и алетическое значения в немецком языке:

(10) Er **darf** jetzt bis zum 23. März 2019 in Deutschland bleiben⁷.

(11) Er **kann** sich nicht äußern⁸.

(12) Ich **muß** mich zu Hause um den Hund kümmern, ich bin in zwei Stunden wieder da⁹.

(13) Sie hat gesagt, ich **soll** Zeit mit ihm verbringen, in den Urlaub fahren¹⁰.

В высказывании (12) говорящий сам осознаёт необходимость выполнения действия, в (11) речь идёт о физической невозможности осуществления действия, обусловленной состоянием говорящего. В (10) возможность осуществления действия зависит не от говорящего, а от внешних обстоятельств. В (13) необходимость также обусловлена не зависящими от говорящего причинами. Формально субъект предложения в (10) и (13) является активным действующим лицом. Сами по себе конструкции по грамматическим параметрам принадлежат к активным, однако на уровне глубинной семантики проявляется пассивный характер субъекта: возможность и необходимость определяет не сам говорящий, а третьи лица. Таким образом, долженствование и возможность могут быть обусловлены: (а) волей говорящего или (б) внешними, не зависящими от воли говорящего обстоятельствами. В немецком языке данное противопоставление заложено в семантике глагола, в русском языке – в типе предложения. В качестве аналогов не-

¹ Remarque E. M. Drei Kameraden. Köln: KiWi, Kiepenheuer & Witsch. 2015. S. 99.

² НКРЯ.

³ DWDS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 01.06.2021). Далее – DWDS.

⁴ DWDS.

⁵ Remarque E.M. Drei Kameraden. KiWi, Kiepenheuer & Witsch. 2015. S. 65.

⁶ НКРЯ.

⁷ DWDS.

⁸ DWDS.

⁹ DWDS.

¹⁰ DWDS.

мецких модальных глаголов, содержащих деонтическое или диспозиционное значение и передающих долженствование/возможность независимо от 3-х лиц и внешних обстоятельств, выступают глагол *мочь* и модальный предикатив *быть должным*. Рассмотрим примеры:

(14) *Я **должен** делать всё, чтобы спасти больного*¹.

(15) *На это время он вправе отключить себя от системы циркуляции БД, дополнительно загружающей («тормозящей») компьютер. При необходимости он **может** подключиться вновь*².

В высказывании (14) говорящий выступает как активное лицо, осознающее необходимость осуществления определённых действий. В примере (15) указывается на способность субъекта предложения реализовать соответствующее действие. Если носитель предикативного признака подчинён обстоятельствам извне (правилам, нормам, установленным другими лицами) и его роль пассивна, то для выражения долженствования и возможности используют безличные конструкции со словами категории состояния *можно*, *нужно*, как это видно в следующих высказываниях:

(16) *Ему **нужно** вернуть взятую на вечер книгу*³.

(17) *Она поставила в паспорт какой-то штамп, избавлявший меня от ареста, но въездную визу сюда **мне можно** будет получить только по специальному разрешению*⁴.

В приведённых предложениях отсутствует формальное подлежащее, на основании чего в традиционных грамматиках их относят к разряду безличных. А. В. Бондарко предлагает использовать термин «семантический субъект», под которым он понимает «тот элемент структуры предложения, который выступает как субстанция, являющаяся источником

приписываемого ей неактивного предикативного признака» [2, с. 28]. Таким образом, в безличных предложениях русского языка дательный субъекта, не являющийся формальным подлежащим, можно рассматривать как семантический субъект. Его отличительное свойство – пассивная роль, на что обращали внимание многие исследователи [5; 8; 9]. По наблюдениям О. А. Сулеймановой, при использовании конструкции типа *Мне грустно* «носитель предикативного признака никоим образом не “распоряжается” силами, действующими в данной ситуации и создающими данное состояние ...» [9, с. 53]. Дательный падеж рассматривается как показатель пассивности [5] или указывает на получателя информации [8, с. 252]. В зарубежных исследованиях данный вопрос рассмотрен в публикации С. Лураги [14]: анализ конструкций с дательным субъекта в древних индоевропейских языках позволил ей показать, что этот падеж обусловлен либо бенефактивным значением, либо тем, что сам субъект перенимает на себя семантическую роль экспериенсера, т. е. лица, испытывающего определённое состояние.

В немецком языке модальные конструкции с дательным субъекта тоже могут иметь место, в частности для выражения диспозиционной модальности, когда говорящий указывает на обстоятельства, позволяющие носителю предикативного признака осуществлять какое-либо действие. Они содержат слова *unmöglich/unmöglich* в функции предикатива:

(18) *Ich denke einfach, wenn ich bei ihnen bin, sollte ich alles tun, was **mir möglich** ist*⁵.

Деонтическое значение в немецком языке не может быть передано посредством использования безличных конструкций с дательным субъекта.

Для выражения волитивных значений в русском языке может быть использовано двусоставное предложение, содержащее подлежащее в именительном падеже,

¹ НКРЯ.

² НКРЯ.

³ НКРЯ.

⁴ НКРЯ.

⁵ DWDS.

и безличное предложение с дательным субъекта, сравним:

(19) *И вот о молитве мне хочется кое-что сказать*¹.

(20) *Я хочу, чтобы мы остались все вместе*².

Вряд ли можно говорить о том, что выбор между безличным и двусоставным предложением с волитивным значением в русском языке определяется активностью/пассивностью субъекта. Обращает на себя внимание использование неопределённо-личных местоимений в функции дополнения в безличном предложении (19). В немецком языке оба модальных глагола *wollen* и *mögen* (*möchten*) кодируют волитивное значение, разница между ними, как известно, заключается только в степени категоричности. Формальным аналогом русской безличной конструкции можно рассматривать немецкое безличное предложение с именем существительным *das Anliegen* – его специфика в том, что оно преимущественно используется в текстах возвышенного стиля или для того, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к собеседнику или предмету речи:

¹ НКРЯ.

² НКРЯ.

(21) *Es ist mir ein Anliegen an dieser Stelle dem Orthopäden Dr. Stalmann aus Oldenburg ein großes Dankeschön zu sagen*³.

Эта особенность не свойственна модальным глаголам *wollen* и *mögen* (*möchten*):

(22) *Aber ich möchte, dass wir ein legales Unabhängigkeitsreferendum bekommen*⁴.

(23) *Ich will den Stier bei den Hörnern packen*⁵.

Сказанное позволяет предположить, что активность/пассивность субъекта предложения имеет значение только при выборе грамматических синонимов со значением деонтической и диспозиционной модальности. В систематизированном виде зависимость выбора модальной формы от активности/пассивности субъекта в немецком и русском языках представлена в табл. 1.

Как видно из табл. 1, активность / пассивность субъекта в немецком языке заложена в семантике модальных глаголов со значениями деонтической и диспозиционной модальности. Лишь в некоторых случаях в определённых типах текстов пассивность субъекта находит

³ DWDS.

⁴ DWDS.

⁵ DWDS.

Таблица 1/ Table 1

Зависимость выбора модальной формы от грамматических свойств субъекта в немецком и русском языках / Dependence of the choice of modal form on the grammatical properties of the subject in German and Russian

	Активность субъекта		Пассивность субъекта	
	Деонтическая модальность	Диспозиционная модальность	Деонтическая модальность	Диспозиционная модальность
Русский язык	Быть должным (двусоставные предложения)	Мочь (двусоставные предложения)	Нужно (безличные предложения)	Можно (безличные предложения)
Немецкий язык	Müssen (двусоставные предложения)	Können (двусоставные предложения)	Sollen (двусоставные предложения)	Dürfen (двусоставные предложения), möglich в функции предикатива в безличных конструкциях

Источник: составлено автором по материалам проведённого исследования.

выражение в безличных конструкциях (*es ist mir möglich, ...*). В русском языке отсутствуют пары синонимичных модальных глаголов: пассивность субъекта передают безличные конструкции, а в предложениях с активным субъектом используют модальный глагол *мочь* или модальный предикатив *быть* *должным*. Таким образом, грамматические свойства субъекта в немецком языке заложены в семантике модального глагола, в русском – в структуре предложения. Совершенно однозначно безличные конструкции с дательным субъектом обладают большим модальным потенциалом.

На скрытый модальный потенциал дательного падежа обращает внимание М. Л. Котин [13]. По его наблюдениям, формант индогерманского *-i во флексии дательного падежа происходит либо от дейктичной частицы с локальным значением, либо от местоименного корня указательных местоимений *eǵ/*io/*i, обладающего свойством дейктичности [13, S. 67]. В древневерхненемецком обнаруживаются следы модальных значений в безличных конструкциях с *sein* с дательным падежом [13, S. 102]. М. Л. Котину удаётся показать, что предложения с дательным субъектом данного типа получают зачастую интерпретацию как некая неизбежность и предопределённость [13, S. 106].

В целом можно заключить, что грамматические свойства субъекта оказывают влияние на выбор модального маркера в обоих языках. Нуждается в объяснении вопрос о факторах, объясняющих существование безличной конструкции с воликативной семантикой (*мне хочется*) и модального глагола *хотеть* в русском языке.

1.3. Грамматические свойства объекта в предложениях с воликативным значением в русском языке и их функциональные эквиваленты в немецком языке

Рассмотрим в качестве примеров следующие высказывания:

(24) *Решил уйти. Мне хочется какого-то равновесия. Хочется привести себя в порядок*¹.

(25) *Мне хочется чего-то конкретного: вот здесь отлично поработал, спасибо*².

В приведённых предложениях имя существительное в функции дополнения имеет форму родительного падежа – в обоих случаях использованы неопределённо-личные местоимения, а имена существительные в роли объекта относятся к разряду абстрактных. Здесь чётко прослеживается корреляция *родительный падеж; неопределённость*. Использование винительного падежа с возвратным глаголом *хотеться* невозможно:

(24*) *Мне хочется равновесие*.

(25*) *Мне хочется конкретное*.

В двусоставных предложениях с воликативным значением объект имеет форму винительного падежа, если речь идёт о конкретном известном говорящему и собеседнику объекте, и форму родительного падежа, если объект неизвестен или относится к разряду абстрактных:

(26) *Я хочу эту каплю ледяной влаги как бессмертия*³.

(27) *Я хочу радости, а не жалости, и, если я принесу кому-нибудь каплю счастья, я скажу себе, что и моя жизнь прошла не даром*⁴.

(28) *Я не хочу другого, я хочу этот!*⁵

На соотношение родительного падежа и неопределённости, винительного падежа и определённости обратил внимание А. М. Пешковский [7], позднее эта идея была раскрыта в теории функциональной грамматики [10], в ряде других исследований данный вопрос затрагивался в сопоставительном аспекте [4; 6] и др. В работах по славистике последних лет появились наблюдения о том, что семантика прямого дополнения зависит от вида

¹ НКРЯ.

² НКРЯ.

³ НКРЯ.

⁴ НКРЯ.

⁵ НКРЯ.

глагола и его дополнительных аспектуальных характеристик [11].

В немецком языке глаголы волеизъявления управляют только винительным падежом, а определённая/неопределённость передаётся в системе артикля:

(29) *Ich will einen Staat, der funktioniert*¹.

(30) *Ich will die Konkurrenz zwischen den beiden*².

По всей видимости, немецким высказываниям с модальными глаголами *wollen* или *mögen (möchten)* и дополнением в винительном падеже без артикля (абстрактные или вещественные имена существительные), с неопределённым артиклем или неопределённо-личным местоимением соответствуют в большинстве случаев русские безличные предложения с дательным субъекта. Рассмотрим пример из параллельного корпуса:

(31) *Sie werden schwach und zittern, sie wollen Wärme und Leben. Sie können es nicht aushaken ohne Trost und Täuschung, sie verwirren sich vor dem nackten Bilde der Verzweiflung* (E. M. Remarque. *Im Westen nichts Neues*)³.

(31') *Мысли слабеют и дрожат, им хочется тепла и жизни. Им не выдержать без утешения и обмана, они путаются при виде неприкрытого лика отчаяния* (перевод Ю. Афонькина)⁴.

Напротив, высказываниям с определённым артиклем будут соответствовать русские двусоставные предложения:

(32) *Sie will den Thron für ihn und für sich* (C. Funke. *Tintentod*)⁵.

(32') *Она мечтает о троне для себя и для него* (перевод М. М. Сокольской)⁶.

В безличных предложениях русского языка с диспозиционным модальным значением дополнение может иметь форму родительного или винительного падежа в зависимости от того, к какому раз-

ряду принадлежит имя существительное:

(33) *Гришка не испытывал ни малейших угрызений совести. – Мам, а мне можно сосиску? Умираю, как есть хочется*⁷.

(34) *Да, не видел, это точно... Простите, можно воды? Не дожидаясь приказа, полицейский принес стакан*⁸.

В предложении (33) использовано имя существительное из разряда конкретных в форме винительного падежа, в (34) – имя существительное вещественное в форме родительного падежа. Родительный падеж коррелирует с неопределённостью (в (34) использовано имя существительное, относящееся к разряду неисчисляемых), винительный – с определённой. В безличных предложениях со словом категории состояния *нужно* и при отсутствии инфинитива деонтическое значение проявляется менее отчётливо, уступая значению «нуждаться в чём-либо», например:

(35) *Крестьянская душа – это детская душа, им нужно хлеба и забавы, причем они все это, и хлеб и забаву, сами производят*⁹.

В любом случае грамматические свойства объекта в русском языке влияют только на выбор модального маркера с волитивным значением в немецком языке. В систематизированном виде это функциональное соответствие представлено в табл. 2.

Таким образом, выбор между модальным глаголом *хотеть* и безличным предложением с дательным субъекта (*мне хочется*) в русском языке определяет имя существительное в функции дополнения: использование объекта в форме родительного падежа коррелирует с неопределённостью и безличностью, использование объекта в форме винительного падежа – с определённой и двусоставным предложением. В немецком языке определённая / неопределённая объект находит выражение в системе артиклевых форм.

¹ DWDS.

² DWDS.

³ НКРЯ.

⁴ НКРЯ.

⁵ НКРЯ.

⁶ НКРЯ.

⁷ НКРЯ.

⁸ НКРЯ.

⁹ НКРЯ.

Таблица 2 / Table 2

Влияние грамматических свойств объекта на выбор конструкции с волитивным значением в русском языке и её немецкие эквиваленты / The influence of grammatical properties of an object on the choice of a construction with a volitional meaning in the Russian language and its German equivalents

	Определённость объекта, конкретность, принадлежность к классу исчисляемых	Неопределённость объекта, абстрактность, принадлежность к классу неисчисляемых
Русский язык	Двусоставные предложения с глаголом <i>хотеть</i> и дополнением в форме винительного падежа	• Безличные предложения с глаголом <i>хотеться</i>. • Двусоставные предложения с глаголом <i>хотеть</i> и дополнением в форме родительного падежа.
Немецкий язык	Определённый артикль в позиции перед объектом	Неопределённый артикль в позиции перед объектом

Источник: составлено автором по материалам проведённого исследования.

Заключение

В данной публикации был рассмотрен вопрос о влиянии грамматических свойств субъекта и объекта на выбор модальной формы, предназначенной для выражения корневого модального значения, в немецком и русском языках. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

1. В немецком и русском языках выбор формы выражения деонтического и диспозиционного модального значений определяет активность/пассивность субъекта. В немецком языке это находит отражение в выборе соответствующего модального глагола из синонимичной пары, в русском – в выборе между двусоставным предложением и безличной конструкцией с дательным субъекта. Это позволяет говорить о том, что активность/пассивность субъекта в немецком языке заложена в семантике модального глагола, в русском – в структуре предложения с корневым модальным значением.

2. В русском языке выбор формы выражения волюнтативного модального значения зависит от грамматических свойств объекта. В безличных конструкциях в русском языке дополнение имеет форму родительного падежа, форма винительного падежа исключена. В двусоставных предложениях с модальным глаголом *хотеть* падеж имени существительного в функции дополнения зависит от его принадлежности к разряду конкретных/ абстрактных (исчисляемых/ неисчисляемых) имён. В немецком языке это находит выражение в системе артикля. В русских безличных конструкциях с семантикой диспозиционной модальности падежная форма дополнения зависит от его определённости/неопределённости и принадлежности к классу исчисляемых/неисчисляемых объектов.

В целом можно заключить, что грамматические свойства субъекта (активность/пассивность) и объекта (определённость/неопределённость) оказывают влияние на выбор модального маркера.

Дата поступления в редакцию 11.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 569–575. DOI: 10.30853/phil20220072.

2. Бондарко А. В. Носитель предикативного признака (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 5. С. 27–41.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
4. Захраи С. Х, Каванд М. М. Оппозиция винительного и родительного падежей как способ выражения определенности-неопределенности в русском языке на фоне персидского // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (129). С. 144–149.
5. Казарина В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2003. 429 с.
6. Мухин А. А. Родительный падеж: грамматические соответствия в переводе с русского языка на персидский // Гуманитарные исследования. 2019. № 4 (72). С. 11–15.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Руденко-Моргун О. И., Арсеньева И. А. Пассивный субъект в форме дательного падежа как выражение русской картины мира // Текст. Структура и семантика: доклады международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных учёных: история и современность» (Москва, 02–03 декабря 2016 года): сборник статей. М.: Российский новый университет, 2017. С. 251–256.
9. Сулейманова О. А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контексивные аспекты языка. Константность и вариативность: сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой. М.: Флинта, Наука, 2016. С. 43–66.
10. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992. 348 с.
11. Чуйкова О. А. К вопросу о взаимодействии глагольного вида и падежа прямого дополнения в русском языке // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 81–93.
12. Kotin M. L. Modalitäten // Zeitschrift des Verbandes Polnischer Germanisten. 2012. Zeszyt 2. S. 140–158.
13. Kotin M. L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron: Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 2021. Bd. 143. Heft 1. S. 51–111. DOI: 10.1515/bgsl-2021-0002.
14. Luraghi S. The dative of agent in Indo-European languages // STUF – Language Typology and Universals. 2016. Vol. 69. Iss. 1. P. 15–47. DOI: 10.1515/stuf-2016-0002.
15. Palmer F. R. Mood and Modality; 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 262 p.

REFERENCES

1. Averina A. V. [Semantics of impersonal constructions with subject of state in Dative case in the German and Russian languages]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 2, pp. 569–575. DOI: 10.30853/phil20220072.
2. Bondarko A. B. [The carrier of a predicative sign (on the material of the Russian language)]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1991, no. 5, pp. 27–41.
3. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 576 p.
4. Zakhra S. Kh, Kavand M. M. [Opposition of accusative and genitive cases as a way of expressing certainty-uncertainty in the Russian language against the background of Persian]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2018, no. 6 (129), pp. 144–149.
5. Kazarina V. I. *Sintaksicheskii kontsept «sostoyaniye» v sovremennom russkom yazyke (k voprosu o yego formirovanii): dis. ... dokt. filol. nauk* [The syntactic concept of “state” in modern Russian (to the question of its formation): D. thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2003. 429 p.
6. Mukhin A. A. [Genitive case: grammatical correspondences in translation from Russian into Persian]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2019, no. 4 (72), pp. 11–15.

7. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 544 p.
8. Rudenko-Morgun O. I., Arsen'yeva I. A. [Passive subject in the form of the dative case as an expression of the Russian picture of the world]. In: *Tekst. Struktura i semantika: doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkiy yazyk v issledovaniyakh otechestvennykh uchonykh: istoriya i sovremennost'» (Moskva, 02–03 dekabrya 2016 goda)* [Text. Structure and semantics: reports of the international scientific conference "Russian language in the studies of Russian scientists: history and modernity" (Moscow, December 02–03, 2016)]. Moscow, Rossiyskiy novyy universitet Publ., 2017, pp. 251–256.
9. Suleymanova O. A. [Semantics of impersonal models with words of the state category]. In: *Kontensivnyye aspekty yazyka. Konstantnost' i variativnost': sbornik statey k yubileyu O. A. Suleymanovoy* [Contentive aspects of language. Constancy and variability: a collection of articles dedicated to the anniversary of O. A. Suleymanova]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, pp. 43–66.
10. Bondarko A. V., chief ed. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Sub"yektnost'. Ob"yektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Theory of functional grammar: Subjectivity. Objectivity. The communicative perspective of the utterance. Certainty / uncertainty]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 348 p.
11. Chuykova O. A. [Towards the issue on the interaction of verbal aspect and the case of direct object in Russian]. In: *Vzaimodeystviye aspekta so smezhnymi kategoriymi: materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* [Interaction of an aspect with related categories: materials of the VII International Conference of the Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University, 2020, pp. 81–93.
12. Kotin M. L. Modalitäten. In: *Zeitschrift des Verbandes Polnischer Germanisten*, 2012, Zeszyt 2, S. 140–158.
13. Kotin M. L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron: Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. In: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 2021, Bd. 143, Heft 1, S. 51–111. DOI: 10.1515/bgsl-2021-0002.
14. Luraghi S. The dative of agent in Indo-European languages. In: *STUF – Language Typology and Universals*, 2016, vol. 69, iss. 1, pp. 15–47. DOI: 10.1515/stuf-2016-0002.
15. Palmer F. R. *Mood and Modality*; 2nd edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 262 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: Anna.averina@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Averina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Philology, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: Anna.averina@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Аверина А. В. Влияние грамматических свойств субъекта и объекта на выбор модальной конструкции (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-6-16

FOR CITATION

Averina A. V. Influence of grammatical properties of the subject and object on the choice of modal construction (based on the material of German and Russian). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-6-16

УДК 81'42: 81'27

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-17-26

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ПРИРОДОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Буженинов А. Э.*Уральский государственный университет путей сообщения**620034, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление и описание метафорической модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ» в англоязычном инвестиционном дискурсе, определение функций исследуемых метафор как мощного когнитивного инструмента представления и создания знаний.

Процедура и методы. В ходе исследования применялись фреймово-слотовый анализ метафорической модели, компонентный и дефиниционный виды анализа лексических единиц для построения исследуемой метафорической модели.

Результаты. В результате исследования эмпирического материала выявлена и описана фреймово-слотовая структура исследуемой модели, включающая фреймы «Космические явления», «Воздушные явления» и «Земля / Ландшафт», «Водные явления» и «Стихийные бедствия». Показана категоризирующая и прагматическая функция исследуемой метафоры.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в пополнении системы знаний о функционировании метафоры в научном дискурсе. **Практическая значимость** исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах по общему языкознанию, стилистике, лексикологии, когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: английский язык, инвестиционный дискурс, метафора, метафорическая модель, научный дискурс, фрейм

FRAME STRUCTURE OF NATURE-MORPHIC METAPHOR IN ENGLISH INVESTMENT DISCOURSE

A. Buzheninov*Ural State University of Railway Transport**ulitsa Kolmogorova 66, Yekaterinburg 620034, Sverdlovsk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification and description of the metaphorical model “INVESTMENT PHENOMENON IS A NATURAL PHENOMENON” in the English investment discourse, defining the functions of the studied metaphors as a powerful cognitive tool for representing and creating knowledge.

Methodology. In the course of the study, a frame-slot analysis of a metaphorical model, component and definitional types of analysis of lexical units were used to build the studied metaphorical model.

Results. As a result of the study of empirical material, the frame-slot structure of the model under study was identified and described, including the frames “Space phenomena”, “Air phenomena”, “Earth / Landscape”, “Water phenomena” and “Natural disasters”. The categorizing and pragmatic function of the studied metaphor is shown.

Research implications. The theoretical significance of this research lies in replenishing the system of knowledge about the functioning of metaphor in scientific discourse. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in courses in general linguistics, stylistics, lexicology, and cognitive linguistics.

Keywords: English, investment discourse, metaphor, metaphorical model, scientific discourse, frame

Введение

Инвестиции являются необходимым элементом стимулирования модернизационных процессов в экономике страны, развития технологий и инновационной деятельности, роста благосостояния граждан как членов общества. Знание об инвестициях, их восприятие и в самом общем смысле концептуализация происходит в рамках дискурса, который мы будем называть инвестиционным дискурсом или дискурсом об инвестициях.

При этом рассматриваем дискурс с позиций социально-прагматического подхода: дискурс есть текст, погружённый в жизнь; совокупность высказываний, представленная в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты. Поэтому материалом нашего исследования являются содержащие метафорические выражения контексты, репрезентирующие понятия инвестиционной сферы, а источником материала – монографии англоязычных авторов, посвящённые различным аспектам инвестиционной деятельности.

Методологически важно отметить, что, хоть и произведения конкретных авторов могут восприниматься как в определённой мере субъективное выражение взглядов, выявленные нами метафорические выражения, фреймы и слоты используются у всех исследуемых авторов, а многие конкретные метафорические воплощения этих фреймов в языке разделяются разными авторами независимо друг от друга. Это, как нам представляется, обусловлено именно природой объекта исследования, что и позволяет воспринимать полученные выводы как обоснованные и достоверные.

В этой связи любопытным и ценным представляется лингвистическое исследование

дискурса об инвестициях, поскольку лингвистика является одной из фундаментальных наук о кодировании знания (информации) в знаке.

Действительно, одной из кардинальных проблем современной когнитивно-дискурсивной парадигмы науки о языке является исследование метафоры как мощного познавательного и интерпретирующего инструмента. В науке неоднократно подчёркивалась гносеологическая роль метафоры, являющейся для разума связующим звеном между познаваемой абстракцией и конкретной действительностью, неким явлением чувственного мира. Одними из таких явлений чувственного мира для нас являются феномены природы.

Природа является нашим универсальным и, что не менее важно, первичным окружением. Неудивительно, что наше видение и понимание природных явлений так часто используется при осмыслении различных социальных явлений и практик.

На важность и основополагающий, базовый характер природоморфной метафоры указывают современные исследователи. По мнению А. П. Чудинова, «живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную ... реальность» [7, с. 136].

Природоморфная метафора исследуется на материале различных жанров и текстов. Так, продуктивность данной метафоры широко исследуется в публицистическом дискурсе [4; 6]. В работе А. С. Соловьевой [5] исследуется используемая в российских СМИ природоморфная метафора со сферой-мишенью «Евросоюз», выявляется негативный оценочный потенциал зооморфных и бота-

нических метафор в период кризисов и потрясений. В исследовании И. А. Курбанова и С. Г. Носкова [2] анализу подвергаются природоморфные концептуальные метафоры, моделирующие образ человека с ограниченными возможностями в дискурсе инвалидности России и США.

Исследуется функционирование природоморфных метафор и в сфере терминологии. Так, статья И. Золновска [11] посвящена изучению природоморфных метафорических номинаций в современной терминологии бионики, показывается продуктивность данной модели в процессе семантического терминообразования в данной предметной области.

Более редкими являются исследования природоморфной метафоры в научном дискурсе. В нашей работе принят именно этот подход. Мысль о том, что метафора как когнитивный инструмент играет дискурсопорождающую роль, не нова (см. [1; 3; 8; 9; 10 др.]). Наша гипотеза заключается в том, что метафора в исследуемом нами дискурсе создаёт целостную картину, позволяя рассматривать инвестиционные явления как естественную, «природную» среду с присутствующими ей благотворными и негативными явлениями. Такая картина может быть выражена посредством метафорической модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ». Таким образом, природоморфная метафора обладает мощным прагматическим потенциалом, побуждая читателя критически сформировать свой взгляд на инвестиционные реалии.

Предметом настоящей работы является изучение инвестиционного дискурса с точки зрения метафорической репрезентации знания об инвестициях. Такое исследование преследует целью, во-первых, выявление тех или иных метафорических моделей, значимых для данного дискурса, во-вторых, определение функций исследуемых метафор как мощного когнитивного инструмента представления и создания знаний.

Материалом исследования послужили содержащие метафорические выражения контексты, взятые из монографий англоязычных авторов, посвящённых различным аспектам инвестиционной деятельности. Источниками фактического материала являются монографии британских и американских авторов. Основным методом в работе является фреймово-слотовый анализ метафорической модели. В результате компонентного и дефиниционного видов анализа контекстов, содержащих метафорические выражения, нами была построена фреймово-слотовая структура модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ».

Метафорическая модель «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ»

Анализ фактического материала позволяет выделить следующие фреймы в составе исследуемой метафорической модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ».

Фрейм 1. Космические явления

Наш материал показывает, что космические концепты достаточно активно служат средством метафорической репрезентации инвестиционных явлений.

Некоторые метафорические выражения являются частотными и легко узнаваемыми: междоменные параллели легко узнаются и интерпретируются. Так, например, репрезентация инвестиционных явлений как чего-то космического (масштабного) имеет эффект преувеличения.

Дивиденды и прибыль в целом представляются астрономическими, а возрастающие в цене ценные бумаги становятся восходящей звездой: “**astronomical dividends**”¹; “Shaw’s profit per employee was **astronomical** and everyone was happy with this utopian arrangement”²; “More to

¹ Gad S. The business of value investing. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc., 2009. P. 225. Далее – Gad S. The business of value investing.

² Gad S. The business of value investing. P. 155.

the point, however, it is a wind fall to hold a security that makes the transition upward (called a **rising star**)”¹.

Широко используется и метафора затмения: “The year 2008 managed to **eclipse** the 1973 bear in terms of total loss for a year”²; “Volume on the Nasdaq **eclipsed** the New York stock Exchange ...”³.

Участвуют в метафорической репрезентации инвестиционных явлений и менее привычные, авторские метафоры. Высвечивая яркие концептуальные признаки концептов сферы-источника, они обеспечивают более глубокое понимание сути концептов сферы-мишени. Так, внезапный успех некоторых инвестиционных фондов метафорически концептуализируется как взлёт метеора (основа метафоризации здесь – концептуальный признак скорости): “As you can see, beginning in the second half of 1998, the performance of these funds experienced a **meteoric rise** ...”⁴.

Инвесторы, следующие активной стратегии инвестирования и постоянно следящие за рынком в поисках более выгодной на данный момент сделки, уподобляются метеорам, ярко светящим, но быстро тускнеющим на инвестиционном небосклоне: “Markets timers are the **meteors** of the investment universe. They attract a great deal of attention when they **streak**, but they **fade** quickly”⁵.

Любопытно отметить, что иногда метафоры, тесно переплетённые в дискурсе друг с другом, образуют целый сценарий:

“So please remember that the **stars** produced in the mutual fund field are rarely stars; all too often they are **comets lighting up the firmament** for a brief moment in time and then **flaming out**, their **aches floating gently to earth**”⁶.

Фрейм 2. Воздушные явления

Явления инвестиционного мира также концептуализируются метафорически как небесные явления. Мы можем выделить устойчивые метафоры: “This is a constant problem, but always **reaches its zenith** in an election year”⁷; “... that have been hundred of stories like Tsai’s and Sanborn’s – managers who excelled for a while but whose performance flamed out in a **hail of assets** attracted by their initial success”⁸; “the purchase of stocks in **turbulent** economic times invoices disapproval from family and peers”⁹.

Время (ситуация на рынке, в экономике), когда нужно инвестировать, отождествляется с беспокойным, затянутым облаками тёмным небом. Напротив, неподходящее время для вложения средств метафорически концептуализируется как светлое, спокойное, тихое небо: “the worst possible time to invest is when **the skies are the clearest** ... the best possible time to invest is when **the sky is black with clouds**”¹⁰. Любопытно, что обыденные представления скорее противоположны, однако главным остаётся метафорический характер репрезентации некоего времени, обстановки, ситуации как тёмного или светлого неба.

Для метафоризации привлекаются и погодные явления: “for all the inevitable uncertainty amidst the eternally **dense fog** surrounding the world of investing, there

¹ Lehmann R. Income investing today. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc. 2007. P. 48. Далее – Lehmann R. Income investing today.

² Gad S. The business of value investing. P. 171.

³ Siegel J. Stocks for the long run. New-York: McGraw-Hill Education, 2008. P. 89. Далее – Siegel J. Stocks for the long run.

⁴ Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc., 2010. P. 136. Далее – Singer B. Investment. Leadership and portfolio management.

⁵ Damodaran A. Investment Philosophies. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc., 2012. P. 513. Далее – Damodaran A. Investment Philosophies.

⁶ Bogle J. The little book of common sense investing. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc., 2017. P. 96. Далее – Bogle J. The little book of common sense investing.

⁷ Lehmann R. Income investing today. P. 65.

⁸ Siegel J. Stocks for the long run. P. 93.

⁹ Там же.

¹⁰ Bernstein W. The four pillars of investing. New-York: McGraw-Hill Education, 2010. P. 66. Далее – Bernstein W. The four pillars of investing.

remains much that we do know”¹; “the fund industry could do so during the 1980s and 1990s only because it was blessed with the powerful **tailwind** of financial markets that provided the highest returns in all history”².

Фрейм 3. Земля / ландшафт

Слот 1. Земля

Данный фрейм широко представлен метафорой засеивания почвы и сбора урожая, репрезентирующей различные явления в инвестиционной сфере. Можно посеять семена, дающие позитивные всходы: “It is during these moments of maximum pessimism that the **seeds** of fantastic investment performance are **sown**”³; “successful value investors understand that exploiting market volatility helps **plant the seeds** for future market-beating results”⁴; “... in the asset-allocation process, investors may be able to **reap** important benefits”⁵. С другой стороны, посеивы могут дать и печальный результат: “Thus, what may provide positive short-term results today can have the unintended consequences of **sowing the seeds** for disaster”⁶.

Источником метафоризации служат различные признаки земли как ресурса. Снижающиеся рынки представляются плодородными угодьями: “When the general mood is against equities the likelihood of finding irrational valuations is greatest. Declining markets tend to create very **fertile hunting ground** for patient value investors”⁷. Приносящие прибыль активы метафорически концептуализируются как драгоценные камни, находящиеся в земле, а их поиск заключается в их выкапывании из земли: “It is the dream of every investor to

find undiscovered **gems** to invest in – small companies with great business models ...”⁸.

Наконец, как и почвам, так и стоимости, покупательной способности инвестиционного портфеля свойственна эрозия: “... also avoid the excessive redeployment of capital into asset classes that are continuing to exhibit secular price **erosion**”⁹; “... inflation can **erode** purchasing power in asset classes that maintain their nominal value”¹⁰.

Как мы видим, данный слот наполнен метафорическими концептуализациями как негативного, так и позитивного свойства. То же характерно и для следующего слота.

Слот 2. Горы

Данный слот наполнен метафорическими репрезентациями с двумя основными признаками: высота гор и их опасность.

С одной стороны, высота гор воспринимается в позитивном ключе и служит источником метафорического переосмысления такой же «высоты» рынков и инвестиционных фондов, их способности превышать некоторые менее желательные значения. Лексическим выражением этой метафоры выступают лексемы *peak, to peak, to mount*: “one fund reached its performance **peak** way back in 1982 ... two others **peaked** in 1983”¹¹; “Only three funds ... have both survived and **mounted** a record of sustained excellence”¹².

С другой стороны, горы – крайне опасное место. Источниками метафоризации в данном случае служат конкретные участки гор, где может подстерегать опасность. Так, акции компании могут свалиться с утёса: “As you might imagine,

¹ Bogle J. The little book of common sense investing. P. 210.

² Bogle J. The little book of common sense investing. P. 196.

³ Gad S. The business of value investing. P. 216.

⁴ Gad S. The business of value investing. P. 223.

⁵ Darst D. The art of asset allocation. New-York: McGraw-Hill Education, 2008. P. 309. Далее – Darst D. The art of asset allocation.

⁶ Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. P. 145.

⁷ Gad S. The business of value investing. P. 59.

⁸ Damodaran A. Investment fables. New Jersey: Ed. Pearson, 2004. P. 264. Далее – Damodaran A. Investment fables.

⁹ Darst D. The art of asset allocation. P. 12.

¹⁰ Darst D. The art of asset allocation. P. 173.

¹¹ Bogle J. The little book of common sense investing. P. 82.

¹² Bogle J. The little book of common sense investing. P. 83.

shares in Terex have fallen **of a cliff**¹. Некоторые стратегии в инвестировании могут оказаться «скользким склоном» и привести к падению: “Distribution shops sell that which people will buy, regardless of their views on the likelihood of the longer-term merits of the investment. This is a fast path down a **slippery slope** whose end is all to clear”².

Слот 3. Растения

В самом общем смысле фитонимическая метафора репрезентирует инвестиционные явления как нечто цветущее, растущее и поэтому чаще обладает мелиоративным значением. Стратегия распределения активов метафорически переосмысливается как лес, тогда как отдельные сектора – как произрастающие в нём деревья: “If asset allocation can be described as the process of deciding which **forests** to select, style and sector selection can be described as deciding which species of **trees** to select”³. Акции могут «расцвести»: “Equities have tended to **flourish** in times of price stability”⁴; “**burgeoning** assets allowed its shareholders the full benefit of increasing economies of scale reducing expenses”⁵.

Фитонимическая метафора с негативным значением явилась единичным случаем. Как у растения могут обнаружиться шипы, так и в инвестировании существуют «тернистые» вопросы: “The question of how often to rebalance is one of the **thorniest** in investing”⁶.

Фрейм 4. Водные явления

Поскольку одним из самых непосредственных предметов инвестиционного дискурса являются деньги, неудивительно широкое функционирование в нём метафорической модели «деньги – это жидкость», характерной для многих языков и

культур. Метафорическое употребление многих понятий, связанных с водой и жидкостью, зафиксировано в терминологических словарях: *cash flow, income stream, revenue stream, cash inflow / outflow*.

Мы обратим наше внимание на многочисленные менее очевидные метафоры воды в инвестиционном дискурсе.

Слот 1. Водоёмы

Любопытной чертой в данном случае является сходство со слотом «горы» фрейма «земля / ландшафт». Примеры метафорического употребления водоёмов для концептуализации инвестиционных явлений носят негативный оттенок: это обычно бурные и опасные водоёмы. Например, экономический кризис воспринимается, как засасывающее целую страну болото: “America was **mired** in the deepest economic depression in its history”⁷. Количество финансовой информации в наши дни настолько велико, что сопоставимо с морем; найти нужную очень непросто: “We live **in a sea of financial information** with waves of stock information ...”⁸.

С другой стороны, существует и позитивное восприятие водоёмов. Так, стратегия пассивного инвестирования концептуализируется как «рыбалка в недорогом пруду»: “Surely, fishing in the **low-cost pond** should enhance your returns and by a wide margin at that”⁹.

Слот 2. Воздействие воды

Свойственные воде процессы метафорически репрезентируют инвестиционные явления и их свойства. Помимо упомянутых денежных «оттоков, притоков и потоков» данный слот наполнен широким рядом соответствующих метафор. Все они так или иначе являются производными от базовой модели «деньги – это вода / жидкость».

Важным обстоятельством вновь является употребление метафор как с положительным, так и отрицательным

¹ Gad S. The business of value investing. P. 232.

² Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. P. 144.

³ Darst D. The art of asset allocation. P. 33.

⁴ Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. P. 290.

⁵ Bernstein W. The four pillars of investing. P. 215.

⁶ Bernstein W. The four pillars of investing. P. 290.

⁷ Siegel J. Stocks for the long run. P. 4.

⁸ Bernstein W. The four pillars of investing. P. 4.

⁹ Bogle J. The little book of common sense investing. P. 118.

значением, что обусловлено самой диалектичностью воды как природного ресурса: вода может как давать жизнь, так и разрушать.

Так, с одной стороны, вложение средств в некое дело, проект (чтобы дать ему жизнь) является *вливанием капитала*: “In hypothetical terms, an investor can correctly short a stock trading at \$100, but months later, the shares can easily be trading for \$200, at which point a **capital infusion** may be required”¹. Позитивный эффект *увлажнения* способствует смягчению колебаний доходности инвестиционного портфеля: “This asynchronous movement of returns **dampens** the volatility of the portfolio”².

С другой стороны, вода несёт в себе некое разрушающее начало. Фирмы, имеющие нестабильные доходы, своими объявлениями о доходах в тот или иной период могут «мутить» рынок: “According to this argument, firms with stable earnings are less likely to **roil** markets with earnings announcements that surprise investors”³. Прибыль, полученная спекулятивным путём, имеет тенденцию к исчезновению, она «вымывается» в долгосрочном периоде: “... but in the long run, the impact of speculative return **washes out**”⁴.

Фрейм 5. Природные бедствия.

Данный фрейм содержит метафорические переосмысления тяжёлых и разрушительных событий на финансовых рынках в понятиях природных катаклизмов. Несмотря на то, что все они в отдельности также логически могут быть отнесены к разным природным стихиям, представленным в предыдущих фреймах, в совокупности они представляют собой один общий концепт, характерный для исследуемого научного дискурса. В силу этого мы сочли рациональным и необходимым выделить природные бедствия в

различных стихиях в отдельный фрейм.

Метафорическая концептуализация инвестиционных явлений как природных катаклизмов с очевидностью имеет исключительно негативное значение. Столь широкое и разнообразное употребление подобных метафор укрепляет читателя в мысли о том, что финансовые рынки являются крайне опасным местом; приходиться на них неподготовленным губительно. Междоменное сближение инвестиционных реалий и природных катаклизмов выражается в употреблении широкого ряда соответствующих лексем:

– *ураган*: “These companies provide only credit insurance and no other products, so you don’t need to worry about their **hurricane** or other exposures”⁵;

– *лесные пожары*: “As **forest fires** result in deadwood strewn across the forest floor and a forest that is increasing vulnerable to uncontrollable fires, regulations tend to create deadwood market participants who do the same for the world financial system”⁶;

– *лавина*: “We observe a single series of price changes perhaps leading to a catastrophic black swan effect. Similarity, tumbling grains of sand may lead to an **avalanche** ...”⁷;

– *шторм*: “Investors should focus on first-class investments that can **whether stormy conditions**”⁸;

– *цунами*: “Don’t for a minute think that professional financial advice would have saved you from financial **tsunami**”⁹;

– *буря*: “After surviving all the **tempestuous** markets of the past 80 years”¹⁰.

Данные примеры не являются исчерпывающими.

⁵ Lehmann R. Income investing today. P. 97.

⁶ Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. P. 104.

⁷ Singer B. Investment. Leadership and portfolio management. P. 93–94.

⁸ Damodaran A. Investment fables. P. 166.

⁹ Malkiel B., Ellis C. The elements of investing. Hoboken, New Jersey: Wiley and sons Inc., 2010. P. 33.

¹⁰ Bogle J. The little book of common sense investing. P. 80.

¹ Gad S. The business of value investing. P. 191.

² Siegel J. Stocks for the long run. P. 168.

³ Damodaran A. Investment fables. P. 129.

⁴ Bogle J. The little book of common sense investing. P. 192.

Фреймовая структура метафорической модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ»

может быть представлена в виде схемы (см. рис. 1).

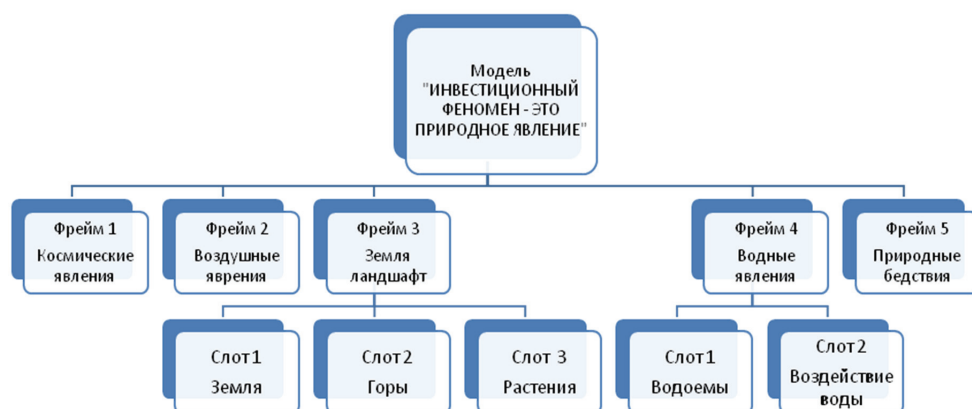

Рис. 1 / Fig. 1. Фреймовая структура модели «ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ» в англоязычном инвестиционном дискурсе / Frame structure of the model INVESTMENT PHENOMENON IS A NATURAL PHENOMENON in the English investment discourse

Источник: составлено автором

Заключение

Таким образом, природа является одним из базовых, универсальных источников метафоризации в дискурсивной деятельности человека. Исследуемая модель «ИНВЕСТИЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ – ЭТО ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ» является важным инструментом переосмысления инвестиционных реалий в терминах природных явлений и характеризуется развёрнутой фреймово-слотовой структурой, состоящей из таких фреймов, как «Космические явления», «Воздушные явления» и «Земля / ландшафт», «Водные явления» и «Природные бедствия».

Концептуализация инвестиционных явлений посредством метафор, относящихся к сфере-источнику «Природа», выполняет две важнейшие функции.

Во-первых, категоризирующая функция позволяет создать и передать новое знание о познаваемом объекте (инвестиционной деятельности, её агентах и т. д.) как о естественной, природной сфере, характеризующейся своими законами, явлениями.

Отметим, что на категориальный потенциал метафоры в общем литератур-

ном языке указывали многие учёные, особенно в англоязычных странах. Это и концепция метафоры как категории, как выражения, включающего в класс (class-inclusion assertions), Сэма Глюксберга и его школы, и теория метафоры как ad hoc категории (Робин Карстон, Брайан Боудл и Дедре Гентнер), опирающаяся на концепцию ad hoc категорий Лоуренса Барсалоу.

Во-вторых, прагматическая функция позволяет репрезентировать инвестиционную деятельность как естественную, «природную» среду, часто имеющую своё привычное, предсказуемое течение в случае метафорических выражений с позитивной или нейтральной коннотацией. Метафоры с негативным значением представляют инвестиционный мир как среду опасную и враждебную, требующую тщательно продуманной стратегии поведения инвестора и критической оценки инвестиционных реалий через призму наших фоновых знаний о природных явлениях, их созидающей и разрушительной силе.

Таким образом, метафора в данном случае призвана эмотивно воздейство-

вать на читателя. В этом смысле, на наш взгляд, данная функция может быть уточнена как педагогическая функция, призванная сформировать у читателя или инвестора критический взгляд на

инвестиционные реалии и осторожный подход к собственному поведению при проведении инвестиционных операций.

Дата поступления в редакцию 10.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Зооморфные метафоры в оппозиционном дискурсе белорусских телеграм-каналов // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 25–34.
2. Курбанов И. А., Носкова С. Г. Природоморфные метафоры в дискурсе инвалидности российских и американских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 2. С. 57–62.
3. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Будаев Э. В., Солопова О. А., Зарипов Р. И., Бойко А. В. СПб.: Изд-во «Наукоемкие технологии», 2021. 217 с.
4. Перелыгина Т. А., Степаненко С. Н. Концептуальная метафора «Экономика как сила природы» в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 821–825.
5. Соловьева А. С. Природоморфная метафора как средство создания метафорического образа Европейского союза (на материале российских СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-1 (32). С. 161–164.
6. Чернышева А. А. Функционирование природоморфной метафоры в современных американских СМИ // Актуальные проблемы языкознания. 2020. № 9. Т. 1. С. 108–112.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2006. 256 с.
8. Taylor C. Metaphors of migration over time // Discourse & Society. 2021. Vol. 32. Iss. 4. P. 463–481. DOI: 10.1177/0957926521992156.
9. Vukasovic D. Metaphor in political conflict. Populism and discourse // Serbian political thought. 2020. No. 4. P. 267–271. DOI: 10.22182/spm.7042020.14.
10. Zhang X. Development and critiques of conceptual metaphor theory // Theory and Practice in Language Studies. 2021. Vol. 11. No. 11. P. 1487–1491. DOI: 10.17507/tpls.1111.18.
11. Zolnowska I. Weather as the source domain for metaphorical expressions // Avant. The journal of the Philosophical-Interdisciplinary Vanguard. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 165–179.

REFERENCES

1. Budayev E. V. [Zoomorphic metaphors in the oppositional discourse of belarusian telegram channels]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, no. 2 (92), pp. 25–34.
2. Kurbanov I. A., Noskova S. G. [Natural metaphors for modelling the image of a person with disability in Russian and American mass media discourse]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages, methods of its teaching], 2016, no. 2, pp. 57–62.
3. Budayev E. V., Solopova O. A., Zaripov R. I., Boyko A. V. *Metaforicheskiy obraz budushchego Rossii v zarubezhnykh SMI* [Metaphorical image of the future of Russia in foreign media]. St. Petersburg, «Naukoyemkiye tekhnologii» Publ., 2021. 217 p.
4. Perelygina T. A., Stepanenko S. N. [Conceptual metaphor 'economy is natural forces' in English-speaking economic publicistic discourse]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2019, no. 37, pp. 821–825.
5. Solov'yeva A. S. [Nature-morphic metaphor as means of creating European Union metaphoric image (by material of Russian media)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014 no. 2-1 (32), pp. 161–164.
6. Chernysheva A. A. [The functioning of nature-morphic metaphor in modern American media]. In: *Aktual'nyye problemy yazykoznaniya* [Current Issues of Linguistics], 2020, no. 9, vol. 1, pp. 108–112.
7. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 256 p.

8. Taylor C. Metaphors of migration over time. In: *Discourse & Society*, 2021, vol. 32, iss. 4, pp. 463–481. DOI: 10.1177/0957926521992156.
9. Vukasovic D. Metaphor in political conflict. Populism and discourse. In: *Serbian political thought*, 2020, no. 4, pp. 267–271. DOI: 10.22182/spm.7042020.14.
10. Zhang X. Development and critiques of conceptual metaphor theory. In: *Theory and Practice in Language Studies*, 2021, vol. 11, no. 11, pp. 1487–1491. DOI: 10.17507/tpls.1111.18.
11. Zolnowska I. Weather as the source domain for metaphorical expressions. In: *Avant. The journal of the Philosophical-Interdisciplinary Vanguard*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 165–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буженинов Александр Эдуардович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения;
e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Buzheninov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages and Intercultural Communications, Ural State University of Railway Transports;
e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Буженинов А. Э. Фреймовая структура природоморфной метафоры в англоязычном инвестиционном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 17–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-17-26

FOR CITATION

Buzheninov A. E. Frame structure of nature-morphic metaphor in English investment discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 17–26.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-17-26

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-27-34

UNDERSTATEMENT – КОНЦЕПТ, ПОНЯТИЕ ИЛИ КАТЕГОРИЯ?

Власова Е. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Российская Федерация*

Аннотация

Целью настоящего исследования является изучение и дефинирование британского феномена “understatement”.

Процедура и методы. При проведении исследования применены описательный и структурный методы, компонентный и дефиниционный анализ.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что understatement – недооценка, представляющая национально-специфическую коммуникативную категорию, содержащую установки и правила речевого поведения англичан и участвующую в регулировании коммуникативного процесса. Недооценка имеет определённую структуру и включает в себя вербальные и невербальные средства выражения коммуникативного содержания, направленные на гармоничное, бесконфликтное общение.

Теоретическая значимость заключается в чётком определении британского явления “understatement”, в выявлении его речевых стратегий, лингвистических и экстралингвистических способов выражения.

Практическая значимость состоит в возможности использовать выводы работы в курсах теории межкультурной коммуникации, стилистики и общего языкознания.

Ключевые слова: understatement, недооценка, концепт, понятие, категория

UNDERSTATEMENT– CONCEPT, NOTION OR CATEGORY?

E. Vlasova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch
ulitsa Novo-Sportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study and define the British phenomenon “understatement”.

Methodology. The main methods of research are descriptive and structural methods, component and definitional analysis.

Results. The study revealed that understatement represents a nationally specific communicative category which contains the attitudes and rules of speech behavior of the British and participates in the regulation of the communicative process. Understatement has a certain structure and includes verbal and non-verbal means of expressing communicative content aimed at harmonious, conflict-free communication.

Research implications. The theoretical significance lies in a clear definition of the British phenomenon “understatement”, identification of its speech strategies, linguistic and extralinguistic ways

of expression. The practical significance lies in the possibility to use the results of the research in lecture courses in theory of intercultural communication, stylistics and general linguistics.

Keywords: understatement, underestimation, concept, notion, category

Введение

Актуальность работы обусловлена отсутствием единого понимания британского феномена “understatement”, необходимого для правильной интерпретации читателем истинных намерений носителей языка. Предпринята попытка правильно дефинировать данное явление, проанализировать содержание, структуру и способы его выражения.

Фактическим материалом работы являются теоретические исследования современных лингвистов XXI века, и в качестве иллюстраций исследуемого феномена даны примеры из пяти современных художественных произведений популярных британских писателей Стивена Фрая, Софи Кинселлы, Джозефа Коннолли и Джонатана Коу. Выбор анализируемых романов обусловлен британским происхождением авторов, язык которых помогает лучше понять особенности использования исследуемого нами феномена. Кроме того, действия всех романов разворачиваются в Англии, где главные герои – англичане, представители, в основном средних и высших классов. В речи персонажей романов методом сплошной выборки было зафиксировано 150 контекстов употребления недооценки. В данной статье мы остановимся на 6 примерах, иллюстрирующих теоретическую часть.

Исторические корни “Understatement”

“Understatement” впервые возникает в средние века – в англосаксонский период (V–XI вв.), когда носители языка стали выражать свои суждения уклончиво и неординарно [6, с. 14]. Именно в этот период появляется своеобразная игра англосаксов – умолчание и недосказанность их мыслей. Первоначально “understatement” представляет собой смягчённое высказывание носителей языка как

проявление вежливости. За этикетным смягчением скрывалась ирония и сарказм англосаксов [6, с. 15]. В XI–XII вв., связанных с периодом формирования куртуазного рыцарского романа, “understatement” представляет собой проявление светскости, вежества, манер честолюбивых рыцарей, помогая им с помощью своеобразной «игры» обходить конфликтные ситуации. В эпоху Просвещения (XVIII в.) данный феномен приобретает своё третье рождение. В этот период особое внимание уделяется поведению и воспитанию англичан, а также умению вести просвещённый диалог [6, с. 16]. “Understatement” в данный период связан с этическим умением сдержанно хвалить и критиковать собеседника. Изучаемое нами явление используется и в современном английском языке, демонстрируя врождённую способность носителей языка выражать свои чувства и мысли сдержанно, демонстрируя свой характер и темперамент.

Современная интерпретация термина “understatement”

В современной лингвистической литературе существуют многообразные трактовки термина “understatement” – «недомолвка», представляющая вербализованную / базовую и невербализованную / скрытую части [18, с. 19], «преуменьшение/смягчение» [13], «умолчание/недосказанность» – умолчание-намёк и собственное умолчание [16], «негативная вежливость» [10; 19]. Некоторые лингвисты указывают на то, что термин “understatement” не имеет перевода на европейские языки, в том числе на русский. Мейозис, литота, ирония, сарказм являются отдалёнными аналогами “understatement” [14; 20]. Т. А. Ивушкина и Е. В. Власова называют данное явление «недооценкой», так как этот термин уже

употреблялся в работах лингвистов МГУ и других научных исследованиях. Кроме того, термин «недооценка» сохраняет один корень в словах недооценка / understatement и переоценка / overstatement, представляя слова-кальки в русском языке [6, с. 12–13]. Таким образом, для нас “understatement” – недооценка, демонстрирующая преуменьшение истинной информации с целью вызвать конкретную реакцию у собеседника. Недооценка является завуалированным авторским отношением к происходящим событиям с целью сохранения дружелюбного расположения между собеседниками [6, с. 12].

“Understatement” – концепт, понятие или категория?

Большинство лингвистов определяют “understatement” / недооценку как (лингвоментальный / лингвокультурный / лингвоспецифический) концепт [3; 5], другие исследователи считают, что данный термин – это (коммуникативная / социолингвистическая / лингвокультурологическая / лингвопрагматическая) категория [6; 8; 12; 17].

В нашей статье мы рассмотрим, как соотносятся концепт, понятие и категория для того, чтобы чётко дефинировать изучаемое явление.

В современной лингвистической литературе существует большое количество исследований, посвящённых термину «концепт» [2; 7; 9; 11; 15, с. 3–4, 11–14, 67]. Данный термин довольно часто применяется к любым объектам понятийного характера, заменяя термины «понятие» и «категория». Термин «концепт» смешивается с термином «понятие», так как первичное значение этих слов в русском языке совпадает: «концепт» является калькой с латинского языка “conceptus” – «понятие» [1, с. 5]. Следует отметить, что в научном дискурсе вышеупомянутые слова являются терминами разных наук: «концепт», который изначально возник в математической логике, закрепился и

употребляется в лингвокультурологии, а «понятие» используется в основном в философии и логике. Изначально латинское слово “conceptus”, употреблявшееся в значении «зерно», обозначает «первосмысл» и не может отождествляться с термином «понятие», который определяется как оформившийся объект мысли [1, с. 6]. Исходя из этого, концепт является мыслительным образованием, который предшествует понятию.

Категория впервые была изучена Аристотелем и рассматривалась как единица научного мышления, которая предполагала более общее понятие. Аристотель выделил 10 базовых категорий, которые сократились стоиками и Кантом до 4: «количество», «качество», «пространство» и «время». Следует отметить, что в современной когнитивной лингвистике данные категории определяются как концепты. Таким образом, концепты представляют начальные когнитивные образования, которые послужили основой для возникновения понятий. Понятия, в свою очередь, являются средством порождения категорий [1, с. 8].

Категории в отличие от понятий обладают большей мощностью / объёмом и представляют собой когнитивные единицы, устанавливающие факторы и этапы познания. Категории систематизируют знания и познавательный процесс, а также подразделяют целые классы понятий на рубрики. Таким образом, категории как когнитивные структуры относятся к более высокому уровню обобщённости, понятия – к среднему, концепты – к низкому [1, с. 8].

Исходя из вышесказанного, недооценка может рассматриваться как концепт и как категория. Е. П. Захарова отмечает, что для каждой науки характерны свои категории, обладающие определённой структурой и содержанием [4, с. 87]. Таким образом, недооценку можно причислить к коммуникативной категории. Мы считаем недооценку *категорией* речевого общения, включающей в себя ряд пове-

денческих правил англичан и регулирующий процесс коммуникации. Исследуемая категория имеет своё определённое коммуникативное содержание, которое выражается с помощью вербальных и невербальных средств.

Установки и правила речевого поведения англичан содержатся в коммуникативных / речевых стратегиях недооценки. Стратегии смягчения отрицательных эмоций имеют целью снизить категоричность высказывания и создать смягчённую форму неприятной информации [6, с. 39]. Речевые стратегии смягчения положительных характеристик связаны с культурной традицией носителей языка уклоняться от проявления положительной оценки [6, с. 41].

Остановимся на примере речевой стратегии смягчения сообщения не очень приятной информации – болезни девочки:

“A few weeks ago, she had a bit of a ... funny turn. So the doctor asked me to keep an eye on her, that's all”¹.

В данном контексте говорящий пытается подобрать необходимые слова для скрытия опухоли мозга. Недооценка реализуется с помощью паузы, выраженной многоточием, посредством наречия *a bit of* и фразы *that's all*. На самом же деле, «слегка повело» это ничто иное, как эпилептический припадок, о котором не принято говорить в британском обществе.

Рассмотрим пример смягчения негативной информации по этическим соображениям:

“She just noticed that you were from a different ... culture, I suppose”².

Из-за нежелания акцентировать внимание на национальности адресата, адресант говорит о его принадлежности к другой культуре. Недооценка, выражен-

ная с помощью фраз: *I suppose, just noticed*, снижает ответственность говорящего за категоричность информации.

Изучаемая категория выражается с помощью лингвистических и экстралингвистических средств. Лингвистические способы выражения недооценки включают лексические средства (эмоционально-оценочное наречие + прилагательное; модераторы: *a bit of / a sort of* и др.); синтаксические средства (многоточие, тире) и стилистические средства (литота, ирония) и др. [6, с. 26]. Остановимся на лексических средствах выражения недооценки:

“He was fairly breathless when finally he fetched up at the thing – just one girl being served”³.

В данном контексте описывается состояние «почти бездыханного» мальчика, отстоявшего очередь за мороженым. С помощью недооценки, выраженной сочетанием эмоционально-оценочного наречия и прилагательного, говорящий указывает на то, что ребёнок сильно устал.

Рассмотрим синтаксические средства выражения недооценки:

“He's...” Matt thinks for a bit. “You know.”

I quell an urge to retort “No, *I don't* know, that's the point”. But that would ruin the mood, so instead I say brightly, “What about your mother? What's she like?”

“Oh.” Matt thinks for a while again. “She's... You know. It's hard to say”⁴.

Мужчина не желает открыто говорить девушке о привычках, характере, поведении и мировоззрении своих родителей – представителей высших классов. Мужчина убеждён, что его избраннице, представительнице средних классов, не понравятся его родители, поэтому он намеренно прерывает свою речь с помощью пауз, выраженных многоточием и смягчающей фразой *you know*. Следует отметить, что носители языка часто ис-

¹ Coe J. Number 11 // Электронная библиотека RoyallLib.com. URL: https://royallib.com/read/Coe_Jonathan/number_11.html#0 (дата обращения: 20.12.2021).

² Fry S. The Stars' Tennis Balls. London: Hutchinson, 2000. P. 35.

³ Connolly J. Summer Things. London: Faber & Faber, 1998. P. 133.

⁴ Kinsella S. Love Your Life. UK, London: A Penguin Random House Company, 2020. P. 111–112

пользуют выражение *you know* как способ заполнить паузу в разговоре, если они не уверены, как или что сказать дальше.

Экстралингвистический способ выражения недооценки представлен невербальным средством – поведенческой реакцией на ситуацию [6, с. 26]:

“Oh, hi,” I say, speaking for the first time since I was drenched. “Here’s your laptop. I hope it isn’t wet.”

I hold it out – it isn’t wet at all – and the guy steps forward to take it. He’s looking from me to the ravaged ceiling to the puddles of water and plaster, with increasing disbelief. “What *happened*?”

“There was a slight ceiling incident,” I say, trying to downplay it. But like a Greek chorus, all the other customers eagerly start filling him in.

“The ceiling fell in.”¹

В данном примере героиня, проявляя ироническую скромность, говорит о пережитом происшествии с упавшим потолком как о незначительном событии. Она не ругается с хозяином кафе, а просто спокойно просит дать ей стакан мятного чая:

“Don’t worry,” I say, rolling my eyes. “I’m not going to *sue*. But I wouldn’t mind another mint tea.”²

Рассмотрим ещё один пример поведенческой реакции на ситуацию:

“*Attacked*” I nearly drop my phone in horror. “Are you – What *happened*?”

“It’s really nothing,” he says at once. “Some guys decided they wanted my wallet, that’s all. Only I seem to have done in my ankle, and I can’t move and I’m a bit out of the way here. Thankfully they were too repelled by my ancient phone to take that.”³

Мужчина со сломанной лодыжкой сдержанно: “I’m a bit out of the way” (Я немного не в своей тарелке), с юмором: “Thankfully they were too repelled by my

ancient phone to take that” (К счастью, им не понравился мой древний телефон, и они его не взяли) рассказывает о совершенном нападении на него, скрывая своё плохое самочувствие: “It’s really nothing” (Ничего особенного). Тем самым персонаж демонстрирует строгий запрет на высказывание чрезмерных переживаний и серьёзности, опасаясь показаться чересчур эмоциональным и пафосным [21, р. 322].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что недооценка как коммуникативная категория определяет и влияет на процесс общения и выбор вербальных и невербальных языковых способов выражения. Недооценка отражает сформированную манеру поведения британцев, ненаправленную на сохранение дружеского расположения между собеседниками.

Заключение

Проведённое исследование недооценки позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Understatement / недооценка появилась в средние века, развивалась в период рыцарской культуры и эпохи Просвещения, когда вежливость, этикет и воспитание стали необходимыми для учтивости и избегания конфликтов.

2. В современном языке “understatement” трактуют как сдержанность, умолчание, смягчение, недосказанность, недоговорённость, преуменьшение, недомолвка. Мы определяем данное явление как «недооценка», которая представляет преуменьшение истинной информации с целью вызвать конкретную реакцию у собеседника.

3. В лингвистической литературе недооценка рассматривается как концепт, понятие и категория. Категории, на наш взгляд, обладают более высоким уровнем обобщённости в отличие от концепта и понятия. Категории систематизируют познавательный процесс и делят целые классы понятий на рубрики.

¹ Kinsella S. I owe you one. London: Transworld Publishers, 2019. P. 40.

² Там же.

³ Kinsella S. I owe you one. London: Transworld Publishers, 2019. P. 230.

4. Недооценка является категорией речи, содержащей установки и правила речевого поведения англичан и участвующей в регулировании коммуникативного процесса. Недооценка имеет опре-

делённую структуру и включает в себя вербальные и невербальные средства выражения коммуникативного содержания.

Дата поступления в редакцию 22.08.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). С. 5–12.
2. Воркачев С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов. Волгоград: Парадигма, 2005. 214 с.
3. Джиева А. А. Концепты глобального языка: Understatement // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2016. № 3. С. 40–53.
4. Захарова Е. П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998. С. 87–94.
5. Иванова В. Г. Концепт “Understatement”: когнитивно-ассоциативный анализ // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 92. С. 1227–1234. URL: <http://ej.kubagro.ru/archive.asp?n=92> (дата обращения: 05.08.2022).
6. Ивушкина Т. А., Власова Е. В. Недооценка и переоценка в речи современного англичанина: социолингвистический аспект: монография. Волгоград: Перемена, 2005. 149 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кишко С. Н. К вопросу английского коммуникативного поведения (на материале коммуникативно-прагматической категории модерации) // Мир. Человек. Язык: сборник научных трудов II научно-практической онлайн-конференции (Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону, 16–17 мая 2019 года). Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2019. С. 252–258.
9. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 128–135.
10. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. М.: РУДН, 2003. 315 с.
11. Лихачев Д. С. Концептосхема русского языка. М.: Слово, 1993. 540 с.
12. Новикова Н. В., Бондарь О. А. Коммуникативные постулаты прагмалингвистики через призму категории «недосказанность (understatement)» // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2013. № 2. С. 13–18.
13. Осокина Л. М. Виды преуменьшения в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). С. 86–88.
14. Падучева Е. В. Understatement и смещенное отрицание // BASEES Conference. Cambridge, 31 March – 2 April 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/understatement_BASEES_Cambridge.pdf (дата обращения: 05.08.2022).
15. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.
16. Сеничкина Е. П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке: автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 2003. 36 с.
17. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2010. 41 с.
18. Тезекбаева Г. А. Прагматика недомолвок в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011. 27 с.
19. Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 234 p.
20. Neagu M. Figurative Language in the Literary Discourse: A Cognitive Linguistic Perspective // Translation Studies: Retrospective and Prospective Views. 2019. Vol. 22. Iss. XII. P. 109–103.
21. Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women's Speech / I. A. Tislenkova, V. V. Tikhayeva, I. V. Bgantseva, E. Yu. Ionkina // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. Vol. 49. No. 2. P. 319–334. DOI: 10.1007/s10936-020-09692-w.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. [Concept –notion – category in the light of modern lingvocognitive science]. In: *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Belgorod State University Scientific bulletin. Series: Humanities], 2010, no. 18 (89), pp. 5–12.
2. Vorkachev S. G. *Variativnyye i assotsiativnyye svoystva teleonomnykh lingvokontseptov* [Variative and associative properties of teleonomic linguistic concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. 214 p.
3. Jioeva A. A. [Global language concepts: understatement]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics], 2016, no. 3, pp. 40–53.
4. Zakharova Ye. P. [The communicative category of alienation and its role in the organization of speech communication]. In: *Voprosy stilistiki* [Stylistic issues]. Saratov, Saratov University Publ., 1998, pp. 87–94.
5. Ivanova V. G. [The concept of “understatement”: cognitive-associative analysis]. In: *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2013, no. 92, pp. 1227–1234. Available at: <http://ej.kubagro.ru/archive.asp?n=92> (accessed: 05.08.2022).
6. Ivushkina T. A., Vlasova Ye. V. *Nedootsenka i pereootsenka v rechi sovremennogo anglichanina: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Underestimation and overestimation in the speech of a modern Englishman: sociolinguistic aspect]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 149 p.
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
8. Kishko S. N. [On the problem of the English communicative behaviour (on the basis of the communicative-pragmatic category of moderation)]. In: *Mir. Chelovek. Yazyk: sbornik nauchnykh trudov II nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii (Vladimir – Donetsk – Sankt-Peterburg – Rostov-na-Donu, 16–17 maya 2019 goda)* [Mir. Human. Language: collection of scientific papers of the II scientific and practical online conference (Vladimir – Donetsk – St. Petersburg – Rostov-on-Don, May 16–17, 2019)]. Vladimir, Vladimir State University Publ., 2019, pp. 252–258.
9. Kryukova G. A. [Concept. Determination of content denotation]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 59, pp. 128–135.
10. Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti v angliyskoy i russkoy kommunikativnykh kul'turakh* [Category of politeness in English and Russian communicative cultures]. Moscow, RUDN University Publ., 2003. 315 p.
11. Likhachev D. S. *Kontseptoskhema russkogo yazyka* [Conceptual scheme of the Russian language]. Moscow, Slovo Publ., 1993. 540 p.
12. Novikova N. V., Bondar O. A. [Communication postulates of pragmalinguistics seen through the category of “understatement”]. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2013, no. 2, pp. 13–18.
13. Osokina L. M. [Types of understatement in English]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 27 (165), pp. 86–88.
14. Paducheva Ye. V. [Understatement and biased negation]. In: *BASEES Conference. Cambridge, 31 March – 2 April 2007*. Available at: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/understatement_BASEES_Cambridge.pdf (accessed: 05.08.2022).
15. Rudakova A. V. *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2004. 80 p.
16. Senichkina Ye. P. *Semantika umolchaniya i sredstva yeyo vyrazheniya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Semantics of default and means of its expression in Russian: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 36 p.
17. Takhtarova S. S. *Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyy i etnokul'turnyy aspekt): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The category of communicative softening (cognitive-discursive and ethno-cultural aspects): abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2010. 41 p.
18. Tezekbayeva G. A. *Pragmatika nedomolvok v russkom i angliyskom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pragmatics of omissions in Russian and English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tobolsk, 2011. 27 p.

19. Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford, Oxford University Press, 2014. 234 p.
20. Neagu M. Figurative Language in the Literary Discourse: A Cognitive Linguistic Perspective. In: *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views*, 2019, vol. 22, iss. XII, pp. 109–103.
21. Tislenkova I. A., Tikhaeva V. V., Bgantseva I. V., Ionkina E. Yu. Psycholinguistic and Sociolinguistic Parameters of Upper-Class Ageing Women's Speech. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, 2020, vol. 49, no. 2, pp. 319–334. DOI: 10.1007/s10936-020-09692-w.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации России; e-mail: e.vlasova@odin.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Vlasova – Cand. Sci., Assoc. Prof., Department of the English Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch; e-mail: e.vlasova@odin.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Власова Е. В. Understatement – концепт, понятие или категория? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 27–34.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-27-34

FOR CITATION

Vlasova E. V. Understatement – concept, notion or category? In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 27–34.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-27-34

УДК 81-139

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-35-41

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ИССЛЕДОВАНИИ ПОНЯТИЯ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ КАК ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ

Ефремова Е. В.*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Володиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы заключается в изучении восприятия метафор, употребляемых для внедрения клиентоориентированности как ценности в корпоративном дискурсе современных российских организаций.

Процедуры и методы. В исследовании использовался метод социолингвистического опроса на основании оригинального авторского опросника. Полученные данные были интерпретированы с позиций лингвистики и психологии. Всего в опросе приняли участие 150 человек из 50 городов РФ, средний возраст респондентов – 45 лет.

Результаты. Установлено, что метафора «клиентоориентированность – это театр» отрицается, а метафора «клиентоориентированность – это любовь» предпочитается респондентами. Подтверждено, что в данный момент определение клиентоориентированности претерпевает изменения, связанные с переосмыслением главных ценностей в сфере обслуживания.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вносят вклад в исследование когнитивной метафоры как инструмента речевого воздействия, а также позволяют уточнить семантические отношения между исследуемыми понятиями.

Ключевые слова: организационный дискурс, метафора, когнитивная метафора, клиентоориентированность

COGNITIVE METAPHOR IN THE STUDY OF THE CONCEPT OF CUSTOMER FOCUS AS AN ORGANIZATIONAL VALUE

E. Efremova*Moscow Region State Pedagogical University
ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the perception of metaphors which are used to introduce customer focus as a value in the corporate discourse of modern Russian organizations.

Methodology. The study used the sociolinguistic survey method based on the author's original questionnaire. The obtained data were interpreted from the standpoint of linguistics and psychology. In total, 150 people from 50 cities of the Russian Federation took part in the survey, the average age of respondents is 45.

Results. It has been established that the metaphor "customer focus is theater" is rejected, while the metaphor "customer focus is love" is preferred by the correspondents. It is confirmed that at the present moment the definition of customer focus is undergoing changes associated with the reconsideration of the main customer service values.

Research implications. The results obtained contribute to research field of cognitive metaphor as a tool of speech influence, also making it possible to clarify the semantic relationships between the concepts under study.

Keywords: organizational discourse, metaphor, cognitive metaphor, customer focus

Введение

В современном мире в связи с развитием сферы услуг клиентоориентированность как организационная ценность становится важной частью корпоративного символического капитала [3]. При построении современного организационного клиентоориентированного дискурса встаёт проблема выбора средств речевого воздействия на трудовые коллективы путём подбора конгруэнтных понятий и метафор. Эти понятия и метафоры транслируются сотрудникам в письменной и устной речи, используются при разработке учебных курсов и методической литературы.

В современной научной и деловой литературе можно найти различные подходы как к определению понятия клиентоориентированности, так и к описанию методов её развития в организации. Так, Н. В. Трушкина и Н. С. Рынкевич [13] приводят 33 определения понятия «клиентоориентированность», используемые в современном управленческом дискурсе. Разнообразие включаемых в дефиницию понятия «клиентоориентированность» элементов усложняет задачу разработки инструментов внедрения клиентоориентированности в организации. Идея клиентоориентированности как ценности диалектически развивалась как единство и борьба двух противоположных подходов: демонстрации отношения к клиенту и проявления гуманистических ценностей. Соответственно, управление трудовым коллективом через речевое воздействие на сотрудников с целью трансляции может рассматриваться как задача социопсихолингвистики [10].

Мы считаем, что для исследования эффективности техник речевого воздействия на трудовые коллективы можно отойти от формальных определений и

обратиться как непосредственно к определению понятия, так и к изучению того, какими категориями мы оперируем, думая о конкретном явлении.

Осуществить это можно с помощью «концептуальной» или «когнитивной» метафоры, представляемой в когнитивной лингвистике как способ универсального познания мира, позволяющий структурировать получаемую информацию [8]. Внимание области метафор уделяли многие ученые, прежде всего, следует выделить работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [8], А. Ченки [14], Е. О. Опариной [11] и В. Н. Телия [12]. Существуют и работы авторов, исследующих концептуальную метафору применительно к социологии [9], а также и рассматривающих конкретную метафору, например, театра [7]. Следует также обратить внимание на то, что восприятие человеком метафоры способствует выделению компонентов значения слова и позволяет производить процесс категоризации, связанный с образом мышления [2].

Мы предполагаем, что метафора является таким же смысловым инструментом выражения ценности организации, как и формулировка основных определений, описывающих эти ценности. Корпоративный дискурс и когнитивные метафоры, связанные с ним, исследовались и ранее: существуют работы, рассматривающие то, каким образом конкретные языковые выражения в общении с клиентами могут влиять на репутацию компании и её восприятие в глазах общества [1; 16; 17; 18]. Для того чтобы выяснить, какие именно конструкции являются наиболее выгодными для компании, необходимы лингвистические исследования, подобные тому, которое представлено в данной статье.

Лингвистическая значимость данной работы заключается не только в вы-

яснении собственно предпочитаемой и отрицаемой метафор. Благодаря этому исследованию становится возможным более чётко определить семантические отношения между понятиями «клиентоориентированность», «театр» и «любовь», а затем скорректировать существующие семантические сети словарей (особенно в сфере бизнес-терминологии) таким образом, чтобы они отражали актуальное положение вещей. Подобные уточнения в перспективе предоставят возможность коррекции тестов для чат-ботов, голосовых помощников или обычных консультантов таким образом, чтобы они использовали понятия из семантического поля, близкого к предпочитаемой респондентами метафоре.

Развитие понятия «клиентоориентированность»

Идея клиентоориентированного подхода в управлении организацией возникла в начале XX века в области маркетинга и социальных технологий [13]. Впервые термин «клиентоориентированность» был опубликован обществом маркетологов в 1936 г. в новом журнале, посвящённом маркетингу. На данный момент термин «клиентоориентированность» в разных индустриях трансформируется в свою отраслевую терминологию, например, *пациентоориентированность* в медицине или *читателеориентированность* в библиотечном деле. В современных популярных публикациях по менеджменту на смену клиентоориентированности приходят понятия *человекоориентированность* и *человекоцентричность*.

Идея клиентоориентированности как организационной ценности диалектически развивалась как единство и борьба двух противоположных подходов: перформативный подход – демонстрация отношения к клиенту, и гуманистический подход – проявление альтруистических ценностей. Мы предполагаем возможным выразить это через метафоры «клиентоориентированность – это театр»

и «клиентоориентированность – это любовь» соответственно.

В данном исследовании, помимо собственно определения клиентоориентированности, мы рассматриваем дихотомию этих метафор, чтобы с помощью социолингвистического опроса с опорой на психологию сотрудников организаций определить, как два этих подхода отражаются в сознании современных работников сервисных организаций России.

Первым клиентоориентированность в метафорике театра описывал Т. Веблен, а Эрнест Ги Дебор ввёл метафору спектакля как для описания экономических процессов, так и для характеристики видов производства [5, с. 117]. И. Гофман, один из основоположников символического интеракционизма, в книге «Представление себя другим в повседневной жизни» заложил основу «драматургического подхода», предложив социологическому научному дискурсу такие понятия, как «перформанс», «место как сцена», «общение как демонстрация», «повседневные артефакты как реквизит», «репетиция действия» [4]. В поздних работах И. Гофман отказывается от метафоры «театра» в пользу метафоры «игры», возможно, потому, что при всей простоте и привлекательности метафора театра в применении к сфере человеческих отношений имеет негативный окрас и не принимается даже её автором [15]. Эти идеи получили развитие в работе Дж. Х. Гилмора «Экономика впечатлений», которая сейчас является ключевой для специалистов, занимающихся прикладными задачами внедрения клиентоориентированности в современных организациях.

Гуманистический подход к клиентоориентированности как ценности мы находим в работах М. Вебера, Э. Фромма, П. А. Сорокина. Гуманисты критикуют философию общества потребления и призывают строить взаимоотношения на основе альтруистических ценностей, активно используя в своих трудах понятие «любовь» в таких выражениях, как

«искусство любить», «таинственная сила любви». Типичным примером отсылки к альтруистическим ценностям является посыл «относиться к клиентам с искренним человеколюбием».

Экспериментальное изучение понятия клиентоориентированности и связанных с ним метафор

В рамках данной работы на основе предварительного анализа была разработана авторская анкета, которая включала в себя разные типы вопросов: открытые, закрытые, полузакрытые и вопросы-ловушки для оценки отношения к понятию «клиентоориентированность». Анкетирование осуществлялось при помощи сервиса *Google Forms* в период с 12.03.2020 по 15.04.2021.

Были опрошены сотрудники сервисных организаций, мужчины и женщины Российской Федерации из разных городов, средний возраст – 45 лет. Респонденты составили две группы, практически равные по численности – в количестве 109 человек. В первую группу входили работники библиотек (как представители государственных учреждений), во вторую – работники коммерческих организаций.

Респондентам предлагалось оценить понятие «клиентоориентированность» с точки зрения исследуемых нами метафор, а также дать собственное определение понятию. Все ответы подверглись математической обработке и лингвистической интерпретации. Был проведён качественный и количественный анализ полученных данных.

Понятие клиентоориентированности. Нами был использован подход М. В. Ефремовой [6], предлагающей относить любое определение этого понятия к одной из двух сфер: либо к ориентации на удовлетворение потребностей клиентов (качественное обслуживание и использование нужных приёмов и ресурсов для повышения эффективности бизнеса), либо к философии бизнеса, охватывающей всю систему организации и её управленческий

инструментарий, нацеленный на реализацию стратегии построения долгосрочных отношений с клиентом. Такой метод был принят, так как именно в нём удаётся интегрировать всё многообразие взглядов в два подхода к определению сущности данного явления. Следуя этому методу, каждый ответ мог быть отнесён к одной из трёх категорий: *потребности, слоганы или философия фирмы*. Качественный анализ данных респондентами свободных определений показал, что около 60% респондентов даёт развёрнутое определение клиентоориентированности и трактует клиентоориентированность как удовлетворение потребностей клиентов (например, *ориентировка в первую очередь на потребности клиента, цель – удовлетворение потребностей клиентов, способность выявить потребности клиента и их удовлетворить* и т. д.). В категорию «философия фирмы» вошли определения, включающие определение клиентоориентированности через организационную призму (*развитие продукта компании в сторону ответа на имеющиеся потребности пользователя; в центре клиент, все процессы выстраиваем вокруг него, а не пытаемся его встроить в процессы Компании; поставлять клиенту нужные ему ресурсы* и т. д.). Такое определение дало всего около 25% респондентов. Оставшиеся 15% респондентов дали определения, не попадающие в классификацию по модели М. В. Ефремовой. [6] Эти ответы были отнесены к группе «другое».

Таким образом, установлено, что опрошенные знакомы с понятием клиентоориентированности. Следующим шагом нашего исследования стал анализ ответов для выявления предпочитаемой и отрицаемой респондентами метафоры с позиций психолингвистики.

Предпочитаемая метафора. Ключевым вопросом являлся вопрос про предпочитаемую в контексте клиентоориентированности метафору. Респондентам необходимо было образно представить нужное понятие и затем самостоятельно

отнести его к одной из двух категорий: *Любовь* или *Театр*. Как в группе сотрудников библиотек, так и в группе сотрудников коммерческих организаций, участники опроса предпочли *метафору любви метафоре театра* практически в одинаковом отношении: около 75% респондентов выбирали *Любовь* в качестве более точной категории для клиентоориентированности. В качестве дополнительных комментариев к своему выбору участники указывали, что «ни один театр не заменит, заботу, внимание и любовь»; «как возможное облако тегов вокруг темы: понимание, эмпатия, забота»; «сначала понять клиента, войти в его положение, потом оказать ему сервис»; «единственный способ сделать что-то очень хорошо – любить то, что ты делаешь»; «мы все друг другу клиенты, поэтому взаимная клиентоориентированность повышает благополучие общества».

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на различие в определениях понятия клиентоориентированности и аспектах, которые оцениваются как значимые, метафора театра по отношению к понятию клиентоориентированность отрицается большинством сотрудников российских сервисных организаций. Это означает, что театр воспринимается чересчур искусственной, заранее определённой ситуацией, включающей отрицательные компоненты притворства и некоторой противоестественности – в своих комментариях респонденты настаивают на искренности намерений, на взаимной заботе и уважении, ставя на первое место понимание самой сути ситуации, отодвигая на второй план заранее определённые ситуативные роли. Любовь, напротив, имеет положительную коннотацию: респонденты утверждают, что невозможно верно оценить обстановку и полностью удовлетворить потребности клиента, если к этому не возникает некоторого естественного импульса (в противовес вынужденному разыгрыванию поддоби театральной постановки). Можно сказать, что дихотомия *Любовь / Театр* –

это дихотомия *Естественное / Искусственное*, и по результатам полученных нами данных в ходе психолингвистического исследования мы можем видеть, как понятие клиентоориентированности переосмысливается в сторону первого компонента такого противопоставления.

Заключение

Концепт клиентоориентированности как ценности появился в постиндустриальную эпоху, когда перед обществом встала задача поиска эффективных инструментов управления сотрудниками, вовлечёнными в оказание услуг.

В развитии тематики клиентоориентированности можно выделить два направления, находящихся в диалектическом противоречии друг другу. Один подход мы отнесли к метафоре «клиентоориентированность – это театр», другой – к метафоре «клиентоориентированность – это любовь».

По результатам нашего опроса метафора «театра» отрицается большинством сотрудников российских организаций, а следовательно её следует избегать при трансляции клиентоориентированности как организационной ценности, предпочитая метафору «любовь» и обращаясь к альтруистическим и гуманистическим ценностям сотрудников. При составлении текстов для презентации компании и общения с клиентом также следует использовать слова из семантического поля, связанного с метафорой «любовь».

Полученные данные вносят определённый вклад в исследование метафоры как способа познания реальности и формирования представления о мире, подтверждая тезис о том, что восприятие человеком метафоры способствует выделению компонентов значения слова и позволяет производить процесс категоризации, связанный с образом мышления. Этот механизм мышления может быть использован в дальнейшем изучении когнитивных процессов, связанных с языком и речью.

Дата поступления в редакцию 09.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов О. Ю., Овчинников С. А. Организационные метафоры и особенности их применения в практике современного менеджмента // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 2 (4). С. 103–112.
2. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Метафоризация как способ концептуализации и категоризации субъектов мира экономики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1 (14). С. 75–79.
3. Бурдые П. Символический капитал // Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 96–104.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
5. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. М.: Опустошитель, 2011. 117 с.
6. Ефремова М. В., Чкалова О. В. Обобщение и систематизация подходов к определению понятия «Клиентоориентированность» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 17–24.
7. Колесников И. Д. Комментарий к метафоре THEATRUM MUNDI в античности // Вестник развития науки и образования. 2019. № 2. С. 148–156.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
9. Майкова Т. А. Концептуальная метафора в терминологии социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 65–72.
10. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с.
11. Опарина Е. О. Метафора в дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 3. С. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10.
12. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
13. Трушкина Н. В., Рынкевич Н. С. Клиентоориентированность: основные подходы к определению // Бизнес Информ. 2019. № 8. С. 244–252.
14. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.
15. Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 85–97.
16. Berti M. Elgar Introduction to Organizational Discourse Analysis. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2017. 224 p.
17. Packard G., Berger J. How Concrete Language Shapes Customer Satisfaction // Journal of Consumer Research. 2021. Vol. 47. Iss. 5. P. 787–806. DOI: 10.1093/jcr/ucaa038.
18. Van Herck R., Dobbenie B., Decock S. Person- versus content-oriented approaches in English and German email responses to customer complaints: a cross-cultural analysis of moves and first-person pronouns // Intercultural Pragmatics. 2021. Vol. 18. Iss. 2. P. 203–243. DOI: 10.1515/ip-2021-2003.

REFERENCES

1. Artemov O. Yu., Ovchinnikov S. A. [Organizational metaphors and features of their application in practice of modern management]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [RSUH/ RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law], 2016, no. 2 (4), pp. 103–112.
2. Borodulina N. Yu., Makeyeva M. N. [Metaphor and metonymy as means of conceptualization and categorization of economic subjects]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2008, no. 1 (14), pp. 75–79.
3. Bourdieu P. [Symbolic capital]. In: Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. St. Petersburg, Aletheya Publ., 2001, pp. 96–104.
4. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life (Russ. ed.: *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni*. Moscow, Kanon-press-TS: Kuchkovo pole Publ., 2000. 304 p.).
5. Debord G. La Société du spectacle (Russ. ed.: *Obshchestvo spektaklya*. Moscow, Opustoshitel' Publ., 2011. 117 p.).

6. Efremova M. V., Chkalova O. V. [Generalization and systematization of approaches to the definition of the concept of "Customer focus". In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 2016, no. 2 (42), pp. 17–24.
7. Kolesnikov I. D. [Commentary on the Theatrum mundi metaphor in the antiquity]. In: *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya* [Bulletin of the development of science and education], 2019, no. 2, pp. 148–156.
8. Lakoff G., Johnson M. [Metaphors We Live By]. In: Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A., eds. *Teoriya metafor* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–415.
9. Maikova T. A. [Conceptual metaphor in sociological terminology]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2015, no. 3, pp. 65–72.
10. Krasnykh V. V., ed. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govor'yashchem* [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about a speaking person]. Moscow, Gnozis Publ., 2017. 392 p.
11. Oparina Ye. O. [Metaphor in discourse]. In: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznaniye. Referativnyy zhurnal* [The social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. Abstract journal], 2021, no. 3, pp. 131–141. DOI: 10.31249/ling/2021.03.10.
12. Teliya V. N. [Metaphorization and its role in creating a picture of the world]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: language and picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–204.
13. Trushkina N. V., Rynkevich N. S. [Client-Centricity: the Basic Approaches to Definition]. In: *Бизнес Информ*, 2019, no. 8, pp. 244–252.
14. Cienki A. [Contemporary cognitively oriented approaches in semantics: Similarities and differences in theories and goals]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1996, no. 2, pp. 68–78.
15. Yadov V. A. [Rethinking Erving Goffman's concept of frame]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. 14, no. 2, pp. 85–97.
16. Berti M. Elgar Introduction to Organizational Discourse Analysis. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 2017. 224 p.
17. Packard G., Berger J. How Concrete Language Shapes Customer Satisfaction. In: *Journal of Consumer Research*, 2021, no. 24, vol. 47, iss. 5, pp. 787–806. DOI: 10.1093/jcr/ucaa038.
18. Van Herck R., Dobbenie B., Decock S. Person- versus content-oriented approaches in English and German email responses to customer complaints: a cross-cultural analysis of moves and first-person pronouns. In: *Intercultural Pragmatics*, 2021, vol. 18, iss. 2, pp. 203–243. DOI: 10.1515/ip-2021-2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефремова Елизавета Валериевна – аспирант кафедры теории языка лингвистического факультета Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: elizavetay@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta V. Efremova – Postgraduate Student, Department of Theory of Language, Faculty of Linguistics, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: elizavetay@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефремова Е. В. Когнитивная метафора в исследовании понятия клиентоориентированности как организационной ценности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 35–41.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-35-41

FOR CITATION

Efremova E. V. Cognitive metaphor in the study of the concept of customer focus as an organizational value. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 35–41.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-35-41

УДК 811.1/.8.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-42-52

«И ДОЛГО МУЧИЛСЯ НАД СЛОВОМ, КОТОРОЕ НЕ ХОТЕЛО ПРИХОДИТЬ»: О НАИВНОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Кравченко М. А.*Ростовский государственный университет путей сообщения**344038, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка**Народного Ополчения, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установление релевантных признаков, лежащих в основе деления рефлексивов на семантические типы, с последующим комплексным описанием рефлексивов ономасиологического типа.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом является описательный метод, включающий приёмы обобщения, систематизации, классификации, а также элементы контекстуального и функционально-прагматического анализа.

Результаты. Было выявлено, что рефлексивы делятся на два базовых семантических типа: рефлексивы семасиологического типа и рефлексивы ономасиологического типа. В процессе исследования рефлексивов ономасиологического типа были выработаны основания для их последующей семантической классификации по группам: рефлексив-хезитация, рефлексив-оценка, рефлексив-коррекция.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в попытке прояснить проблематику семантической типологии метаязыковых комментариев, определить основания разделения рефлексивов на семантические типы.

Ключевые слова: вербализованный комментарий, метаязык, объект рефлексии, ономасиологические рефлексивы, семасиологические рефлексивы

“AND I SUFFERED FOR A LONG TIME OVER THE WORD THAT DIDN'T WANT TO COME”: ON NAIVE ONOMASIOLOGY IN LITERARY TEXTS

M. Kravchenko*Rostov State Transport University**ploshchad' Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya 2, Rostov-on-Don 344038,**Rostov Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the relevant features underlying the division of reflexives into semantic types, followed by a comprehensive description of reflexives of the onomasiological type.

Methodology. The main research method was descriptive method, which includes methods of generalization, systematization, classification, as well as elements of contextual and functional-pragmatic analysis.

Results. It was revealed that reflexives are divided into two basic semantic types: reflexives of the semasiological type and reflexives of the onomasiological type. In the process of studying reflexives of onomasiological type, the grounds for their subsequent semantic classification into the following groups were developed: reflexives of hesitation, reflexives of evaluation, reflexives of correction.

Research implications. This research clarified the problems of semantic typology of metalanguage comments, and determined the grounds for dividing reflexives into semantic types.

Keywords: verbalized comment, metalanguage, object of reflection, onomasiological reflexives, semasiological reflexives

Введение

Термин «метаязык», несмотря на многовековую историю развития идеи «Мета» в культурном и междисциплинарном пространствах, стал общеупотребительным в научном дискурсе относительно недавно – менее столетия назад. В лингвистику он пришёл из математической логики транзитом через труды по семиотике. Интерес к проблематике метаязыка сформировался под влиянием работ Р. Якобсона, который определил метаязыковую функцию как одну из важнейших функций языка. Знаменитое высказывание учёного о том, что «способность говорить на каком-то языке подразумевает также способность говорить об этом языке» [16, с. 363] ярко иллюстрирует метаязыковой потенциал естественного языка.

Метаязык представляет собой феномен с «двойной онтологией», иными словами, сочетает в себе признаки языка-объекта и языка-инструмента. Исследование структуры и функционирования метаязыка относится к числу наиболее сложных и интересных задач лингвистики.

Изначально практические исследования метаязыка ограничивались описанием «специального» метаязыка (метаязыка лингвистики). Устойчивость данной научной традиции привела к тому, что термином «металингвистика» до сих пор принято обозначать не целостное направление лингвистики, занимающееся проблемами метаязыка в широком понимании термина, а проблематику, связанную с вопросами функционирования и развития терминосистемы лингвистики. Однако постепенно в отечественном языкознании обозначился интерес к проявлениям так называемого «обыденного» метаязыкового сознания и «неспециализированному» метаязыку. Первой значи-

тельной работой в этом направлении, по всей видимости, стоит считать диссертационное исследование, выполненное Б. С. Шварцкопом [13]. В дальнейшем бурный рост научного интереса к исследованию метаязыковой составляющей в речи рядовых носителей языка можно объяснить двумя факторами. Первый из них имеет объективную природу и напрямую связан с так называемым «методологическим разворотом» в языкознании, под которым принято понимать переход от системоцентрической исследовательской парадигмы к парадигме антропоцентрической, вернувшейся к одной из центральных идей В. фон Гумбольдта о понимании языка как деятельности и рассматривающей язык как форму и способ самовыражения человека. Второй фактор носит скорее частный характер, что не умаляет произведённого им эффекта. Речь идёт о влиянии на языковедческое сообщество, произведённом работой А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [5]. Указанная работа выполнила роль своеобразной научной аттракции, вызвав широкое обсуждение в профессиональной среде и выступив в качестве катализатора интереса к теме отражения метаязыкового сознания в тексте.

Благодаря работам Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Н. Д. Голева, И. Т. Вепревой, Н. Б. Мечковской, В. Б. Кашкина, Н. А. Николиной, М. Р. Шумариной и других учёных в последние три десятилетия в отечественной лингвистике произошло становление и развитие глубокой научной традиции с закреплением соответствующих предмета, методов и процедур исследования обыденного метаязыкового сознания. Названную традицию обозначают как «наивную лингвистику», «народную лингвистику», «стихийную лингвистику», «теорию обыденной линг-

вистики». Единицей анализа в работах данного направления выступают разноструктурные отрезки текста, в которых отражаются результаты метаязыковой рефлексии. Эти отрезки принято обозначать термином «рефлексив», введённым в научный оборот И. Т. Вепревой. Под рефлексивами И. Т. Вепрева понимает «относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребленному слову или выражению» [6, с. 8]. Позволим себе заметить, что данное определение, на наш взгляд, несколько «обедняет» потенциальный состав рефлексивов. Считаем, что метаязыковой контекст может проступать не только через вербализованный комментарий к слову или выражению, но может также носить латентный характер и присутствовать в тексте в свёрнутом виде. В этой связи мы причисляем к рефлексивам любые отрезки текста, содержащие информацию метаязыкового характера, выраженную эксплицитно или имплицитно.

Современный этап исследования рефлексивов характеризуется активным изучением их таксономических характеристик и построением типологий на базе выявленных релевантных признаков. Значительных результатов теория обыденной лингвистики добилась в изучении и описании структурных, формальных и функциональных характеристик рефлексивов. Гораздо менее разработанной остаётся проблематика семантической типологии метаязыковых комментариев. Богатство и разнообразие эмпирического материала создаёт существенные трудности для поиска и определения непротиворечивых оснований разделения рефлексивов на семантические типы. Поэтому описание семантических типов рефлексивов безусловно относится к числу актуальных задач лингвистики.

Объектом исследования в статье являются рефлексивы, извлечённые методом сплошной выборки из художественных произведений современных русских писателей.

Предметом исследования выступают семантические характеристики собранного корпуса рефлексивов.

Цель работы заключается в установлении релевантных признаков, лежащих в основе деления рефлексивов на семантические типы, с последующим комплексным описанием рефлексивов ономаσιологического типа.

В качестве основного метода в проведённом исследовании использовался описательный метод, включающий приёмы обобщения, систематизации, классификации, а также элементы контекстуального и функционально-прагматического анализа.

Семантические типы рефлексивов. Рефлексивы семасиологического типа

В процессе анализа обширного корпуса примеров (более 10 тысяч единиц) удалось установить наличие двух семантических типов рефлексивов. К первому типу относятся метаязыковые комментарии, образованные в результате метаязыковой рефлексии над «готовой» языковой единицей (последовательностью единиц). Второй тип образуют рефлексивы, порождаемые в ходе акта номинации. Первый тип рефлексивов имеет семасиологическую природу, второй – ономаσιологическую. Для рефлексивов семасиологического типа характерна ситуация, при которой метаязыковое напряжение возникает в пространстве от слова к его характеристикам (при этом в фокусе внимания рефлексии могут оказаться самые разнообразные компоненты знака: от его этимологии и значения до особенностей функционирования). У рефлексивов ономаσιологического типа метаязыковое напряжение фиксируется между предметно-понятийной областью и её обозначением.

В качестве релевантных признаков семасиологических рефлексивов следует рассматривать их статичность и открытый характер структуры. Признак статичности проявляется в наличии готового, заданного дискурсивной си-

туацией, объекта рефлексии. Признак открытости структуры реализуется фактом наличия в структуре рефлексива как метаязыкового комментария, так и объекта рефлексии (комментирования): *На Западе по-другому думают? На то они и Запад. От слова «западня»!*¹; *Да, важно: мы ведь расписались (какое советское словечко!)*².

Ономасиологические рефлексивы

Релевантными признаками онома-сиологических рефлексивов, наоборот, выступают динамичность и закрытый характер структуры. Динамичность оно-масиологического рефлексива объясняется тем, что рефлексив данного типа рождается непосредственно в процессе семиозиса. В фокусе метаязыковой рефлексии оказывается процесс выбора номинации для обозначения некоторого фрагмента реальности. Как правило, наличие онома-сиологического рефлексива в тексте свидетельствует о возникновении «нештатной ситуации» в акте именования, с его помощью маркируется нетривиальность лексического выбора. Признак закрытости структуры онома-сиологического рефлексива сводится к отсутствию в тексте вербализованного объекта рефлексии. Последний остаётся «за кадром» и представляет собой потенциальную семиотическую связь между знаком и денотатом (фрагментом внеязыковой действительности): *Я должна ... Нет, не должна ... Мы с моим бывшим бой ... нет, мужчиной ... летом еще решили лететь в Португалию*³; – *Ой, это сложно понять ... Нет, понять не сложно, а ... как это ... оказаться на моем месте – не советую*⁴.

¹ Поляков Ю. Козлёнок в молоке // Поляков Ю. Парижский апофегей козленка. М.: АСТ, 2021. С. 108.

² Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 339.

³ Сенчин Р. Русская зима // Сенчин Р. Русская зима: повесть. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 104.

⁴ Сенчин Р. У моря // Сенчин Р. Русская зима: повесть. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 85 (далее – Сенчин Р. У моря).

Далее, в соответствии с поставленной целью исследования, мы подробно рассмотрим особенности рефлексивов оно-масиологического типа. Системное изучение последних будет способствовать «реконструкции картины» наивной оно-масиологии, иными словами, позволит обнаружить в речи факты концептуализации представлений рядовых носителей языка о семиотическом процессе выбора номинаций, необходимых для адекватной передачи смыслов. В данном случае словосочетание «наивная онома-сиология» мы употребляем по аналогии с такими составными терминами, как «наивная фольклористика», «наивная этимология», «наивная семантика» и другими такого рода терминами, широко используемыми в работах по теории обыденной лингвистики.

Следует отметить, что исследование онома-сиологических рефлексивов как отдельного семантического типа метаязыковых контекстов проводится впервые. Однако научный интерес к примерам речевой деятельности (фрагментам текста), отражающим (описывающим) стратегии поиска слова, имеет глубоко сформированную традицию. Рефлексия по поводу выбора номинации становилась предметом специальных исследований в области метаязыка и обыденного метаязыкового сознания. В зависимости от целей, задач и привлекаемого к анализу эмпирического материала можно выделить несколько направлений в изучении конструкций метаязыкового поиска.

Во-первых, конструкции, определяемые нами как онома-сиологические рефлексивы, изучались с точки зрения формы их языкового воплощения. В работах данного содержания явления диалогической цитации, переспроса, вербальной гезитации, авторедактирования и некоторые другие квалифицировались исследователями в качестве метаязыковых операторов или метапоказателей. Наиболее полная и системная типология метапоказателей, по нашему мнению,

представлена в монографическом исследовании М. Р. Шумариной [15, с. 79–113]. В указанной работе установлено, что ономасиологические рефлексивы проявляются на «поверхности текста» в виде косвенных сигналов метаязыковой рефлексии, а формой их материального выражения выступают «аналоги метаоператоров» [там же, с. 89–100]. Вопросы изучения системы средств выражения метаязыковой семантики, в том числе конструкций, в которых вербализуются факты коммуникативного затруднения, сохраняют свою актуальность и в новейших исследованиях [7; 8; 10; 11].

Во-вторых, конструкции метаязыкового поиска привлекали внимание исследователей, разрабатывающих теорию нечёткой номинации [1; 9; 10]. Ономасиологические рефлексивы и маркеры-аппроксиматоры, свидетельствующие о нечёткой (неточной) номинации в тексте, по сути представляют собой однородные явления. Близость указанных понятий связана с тем, что, по мнению В. И. Подлесской, «потребность в нечёткой номинации возникает у говорящего в проблемных точках порождения дискурса ...» [9, с. 630]. Фактически в теории нечётких номинаций обращение к метаязыковой проблематике происходит сквозь призму изучения семантической категории аппроксимации.

В-третьих, значительное внимание рефлексивам ономасиологического типа уделяется в исследованиях прагматики устной речи [2; 3; 4; 12; 14]. В указанных работах анализируются дискурсивные единицы, употребляемые в метаязыковой функции, в частности единицы, маркирующие дискурсивную ситуацию поиска номинации. При этом Н. В. Богданова-Бегларян предлагает рассматривать рефлексивы как одну из разновидностей прагматем речи [3, с. 12].

Семантические группы рефлексивов ономасиологического типа

Перейдём к решению задачи описания ономасиологических рефлексивов в пространстве художественного текста. Анализ обширного корпуса примеров позволил прийти к выводу о том, что среди рефлексивов ономасиологического типа выделяются несколько семантических групп. В основе этого разделения лежит специфика протекания процесса нетривиального лексического выбора. С некоторой долей условности данный процесс можно разделить на следующие этапы: 1) собственно этап поиска адекватной номинации, сопровождающийся вербально маркированной хезитацией продуцента; 2) этап оценки выбранной номинации; 3) этап коррекции, который имеет место в случае негативной оценки продуцентом выбранного слова, и перезапуска метаязыкового поиска. Содержательно ономасиологические рефлексивы отражают один из указанных этапов. В соответствии с этапами метаязыкового поиска мы предлагаем разделить рефлексивы ономасиологического типа на три классификационные группы: рефлексив-хезитация, рефлексив-оценка и рефлексив-коррекция.

Рефлексив-хезитация является наиболее распространённым видом ономасиологических рефлексивов (их доля в общем объёме рефлексивов исследуемого типа составляет более 70%). Рефлексивы этой семантической группы фиксируют метаязыковую рефлексию через колебания продуцента, которые свидетельствуют о трудностях в процессе выбора номинации.

Во многих случаях хезитация говорящего сопровождается паузой (паузами). При этом высказывание предстаёт в сегментированном виде. Пауза указывает на активизацию рефлексивных процессов метаязыкового сознания. Следует отметить, что хезитация говорящего в художественных текстах имеет многообразные средства выражения, в том числе

средства не собственно лингвистического характера. К таковым мы относим, прежде всего, пунктуационное деление текста на отрезки посредством использования многоточий, что нарушает монолитность высказывания и маркирует речевые паузы. В приведённых ниже примерах пунктуационное маркирование пауз иллюстрирует ономаσιологическую рефлексию говорящего: *Въехали на горку, он попросил водителя остановиться, пояснил: – Тут всегда останавливались, когда в армию провожали или гроб везли на погост, прощались с деревней. Место **такое ... специальное**¹; Ага! Так вы признаете, что это ... **неприличные снимки**?². К не собственно лингвистическим средствам относятся также паралингвистические сигналы (э-э; а-а; хм; кхм и др.), заполняющие в речевой цепи паузы, вызванные затруднениями при выборе языковых знаков: *Трудно не признать, что глубокоуважаемый дипломат избрал весьма, э-э, убедительную форму защиты своих научных взглядов ...*³; *Сын лет с восьми перестал задавать ему вопросы, спрашивать совета, просить почитать на ночь книжку или что-нибудь рассказать – зажил как-то отдельно. В плане, **хм**, так называемого внутреннего мира*⁴.*

В связи с важностью маркирования рефлексива для развёртывания сюжета и для организации понимания читателем художественного текста авторы нередко прибегают к эксплицитным комментариям речевых пауз: – *Почему? Ты же теперь ... – он не знал, какое слово подобрать, чтобы её случайно не обидеть, – ... свободная*⁵; *К маю территория*

*вашего сельсовета должна быть готова к ... – Молодой человек в цветастой рубашке запнулся. – Кхм, должна соответствовать санитарным нормам*⁶.

Приведённые выше примеры показывают, что паузы в художественном тексте помогают обнаруживать метаязыковые контексты. Однако далеко не всегда рефлексив-хезитация сопровождается паузой. Хезитация говорящего может быть обозначена с помощью лексических средств, так называемых «хезитативов». К числу последних принадлежат такие дискурсивные слова и конструкции, как *может, наверное, как-то, пожалуй, что ли* и др. В определённых контекстах они передают идею неуверенности в правильности выбора слова, могут говорить о неполном референциальном соответствии выбранной номинации: *В этот день он принял душ пять раз. Не помогло. Через некоторое время тело вновь покрывалось, омывалось, **может** бальзамировалось густым и едким*⁷; *В темноте говорить было легко, а сейчас, на солнце, перед новым этапом стыдной работы стало совестно, **что ли** ...*⁸.

Для выражения хезитации в художественных текстах используются разнообразные синтаксические средства. Среди них следует выделить употребление целого ряда сочинительных и подчинительных союзов (например, союзы *или; не то чтобы...; а; если не ...; то* и др.), с помощью которых создаются конструкции с метаязыковым содержанием. При этом следует отметить, что данная функция союзов не является для них первичной. Свой метаязыковой статус они приобретают в контексте. Указанные союзы в приведённых примерах не разделяют денотаты или понятия, не противопо-

¹ Алешковский П. Крепость: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 175 (далее – Алешковский П. Крепость).

² Веллер М. Режиссер в эротике // Веллер М. Легенды Невского проспекта. М.: АСТ-Москва, 2009. С. 373.

³ Веллер М. Оружейник Тарасюк // Веллер М. Легенды Невского проспекта. М.: АСТ-Москва, 2009. С. 142.

⁴ Сенчин Р. У моря. С. 22.

⁵ Варламов А. Душа моя Павел. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 261.

⁶ Сенчин Р. Зона затопления: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 65 (далее – Сенчин Р. Зона затопления).

⁷ Сенчин Р. Петля // Сенчин Р. Петля: повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 310 (далее – Сенчин Р. Петля).

⁸ Сенчин Р. Зона затопления. С. 256.

ставляют их и не передают значение условия выполнения действия, а маркируют процесс поиска означающего: *Вместо солнца – багровая полоса на горизонте. Или багряная ...*¹; *Об этом Сергей часто не то чтобы спорил, а разговаривал с друзьями – Славкой и Юлькой Седых*²; *А тут – события трёх тысячелетней давности можно проследить чуть ли не ежемесячно ... Ну, или если не проследить, то представить*³.

Гезитация может быть обозначена формой специального вопроса, непосредственно обращённого к результатам метаязыкового поиска: *Но большинство не заглядывает в причину – большинство ругает следствие коренной ошибки. Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны?*⁴; *Голень обхватывает тонкий ремешок; каблук небольшой, напоминающий ножку коньячного фужера. Или бокала. Как правильно?*⁵.

Отдельной семантической группой ономастических рефлексивов являются рефлексивы-оценки. Они отражают результаты рефлексии метаязыкового сознания на предмет соответствия денотативно-понятийного содержания, которое хотел передать носитель языка, значению подобранной им номинации. Оценка должна давать ответ на вопрос об успешности проведённого метаязыкового поиска. Несколько обобщая данные, полученные в результате анализа эмпирического материала, позволим себе утверждать, что семантика рефлексивов

оценок имеет градуальный характер и воспроизводит три класса оценок.

Во-первых, содержание рефлексива может устанавливать полное соответствие между экстралингвистической реальностью и семантикой слова, что свидетельствует об успешном выборе номинации: *Безымянные мужчины стояли неподвижно и спокойно смотрели на Антона. Не равнодушно, а именно спокойно*⁶; *Стала накатывать паника. Именно накатывать – как-то волнами*⁷.

Во-вторых, содержание рефлексива может фиксировать частичное соответствие между денотатом и значением слова. В подобных случаях субъект рефлексии в целом допускает использование выбранной номинации для обозначения внеязыковых реалий: *Мне четыре бутылки выдал – нам с тобой на опохмел. Завещал, можно и так сказать*⁸; *Она активно использует, скажем так, вексельные схемы в своей деятельности*⁹.

В-третьих, содержание рефлексива может говорить о полном несоответствии между экстралингвистической реальностью и значением слова, что манифестирует ситуацию неудачного выбора номинации: *Она всю жизнь проработала учительницей, была законопослушной, покорной любой власти ... Нет, «покорной» – не то слово*¹⁰; *Телефон все звонил. Андрей Львович встал и побрел на кухню. Впрочем, «звонил» – чересчур громко сказано*¹¹.

Зачастую именно вследствие ономастической рефлексии, выявившей несоответствие знака и денотата, запускается этап коррекции или повторного поиска номинации. Рефлексив-коррекция представляет собой конструкцию,

¹ Сенчин Р. В залипе // Сенчин Р. Петля: повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 247.

² Сенчин Р. Ты меня помнишь? // Сенчин Р. Петля: повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 121 (далее – Сенчин Р. Ты меня помнишь?).

³ Сенчин Р. Сюжеты // Сенчин Р. Петля: повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 100.

⁴ Сенчин Р. Зона затопления. С. 122.

⁵ Сенчин Р. Полчаса // Сенчин Р. Петля: повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 378.

⁶ Сенчин Р. Петля. С. 317.

⁷ Сенчин Р. Дождь в Париже: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 234 (далее – Сенчин Р. Дождь в Париже).

⁸ Алешковский П. Крепость. С. 396.

⁹ Сенчин Р. Зона затопления. С. 200.

¹⁰ Сенчин Р. Петля. С. 283.

¹¹ Поляков Ю. Гипсовый трубоч. М.: АСТ, 2015. С. 6.

состоящую из двух лексических компонентов – корректируемого и корректирующего языковых знаков: *«Гремела музыка ...» Нет, музыка не гремела, какие бы мощные ни качали звук колонки. Музыка лилась. Та музыка – лилась¹; Особенно удивил – нет, поразил – Андрея ведущий этого марафона ...².*

Функция рефлексива-коррекции связана с уточнением передаваемых смыслов. При этом в качестве рефлексива нами рассматриваются исключительно метаязыковые образования, иными словами, те фрагменты текста, которые представляют собой не результат дополнительного осмысления (переосмысления) внеязыковой реалии, а случаи так называемого «лингвистического редактирования», отражающего факт выбора более подходящих описываемой ситуации языковых знаков. Рефлексив-коррекция, используемый в функции уточнения, зачастую сопровождается метаоператорами «точнее», «вернее», «скорее»: *Там же жил Валерик – продавец дешевой самопальной водки, а точнее адского пойла с устойчивым запахом ацетона, которое употребляли местные алкаши³; Оказалось, Жека теперь работает в одной газовой компании, вернее, в компании по транспортировке газа⁴; Во дворе вихрило непривычное, в первый момент испугавшее Сергеева оживление. Суматоха, скорее⁵.*

В некоторых случаях границы рефлексива-коррекции могут расширяться. В его объем включаются отрезки текста, специально поясняющие мотивы имеющей место коррекции: *На Петроградской стороне, между улицами Красного Курсанта и Красной Конницы, есть маленькая площадь. Скорее даже сквер. Кругом деревья и скамейки – наверно, сквер⁶; А*

с другой стороны горницы ещё одна дверь отворилась, и входит теща. Али сказать, wpłyвает: баба толщины необъятной, половина уж в горнице, здоровается, а другая половина ещё и в двери не взошла, ждать надо⁷.

Необходимо отметить, что деление ономаσιологических рефлексивов на указанные семантические группы становится возможным при глубоком и детальном рассмотрении языкового материала. Через построение этой классификационной матрицы решается задача комплексного описания рефлексивов ономаσιологического типа. Вместе с тем рефлексивы каждой из выделенных семантических групп являются продуктом целостного процесса метаязыковой рефлексии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что иногда все стадии ономаσιологической рефлексии «выходят на поверхность» в одном рефлексиве, совмещая в себе гезитацию, оценку и коррекцию: *Но главред отреагировала удивительно ... Нет, не спокойно, а как-то мужественно⁸; Подняла лицо на секунду – вообще! Я такой прибалдел. Лунарики ... не, глаза – глаза у неё, настоящие – темные, яркие такие, большие ...⁹.*

Заключение

Проведённое исследование позволило прийти к следующим выводам. В пространстве художественных текстов фиксируется значительное количество разнообразных метаязыковых контекстов, которые представляют собой богатый эмпирический и иллюстративный материал для теории обыденной лингвистики. Рефлексивы как единицы анализа, маркирующие зоны метаязыкового напряжения и выраженные в форме метаязыковых комментариев, характеризуются семантической неоднородностью. Нами было установлено, что рефлексивы делятся на два базовых семантических

¹ Сенчин Р. Дождь в Париже. С. 40.

² Сенчин Р. Дождь в Париже. С. 370.

³ Алешковский П. Крепость. С. 229.

⁴ Сенчин Р. Ты меня помнишь? С. 138.

⁵ Сенчин Р. У моря. С. 38.

⁶ Веллер М. Лаокоон // Веллер М. Легенды Невского проспекта. М.: АСТ-Москва, 2009. С. 205.

⁷ Толстая Т. Кысь. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 168.

⁸ Сенчин Р. Зона затопления. С. 349.

⁹ Сенчин Р. Зона затопления. С. 106.

типа: рефлексивы семасиологического типа и рефлексивы ономасиологического типа. Первые отражают результаты рефлексии, протекающей от знака к его содержанию. Вторые фиксируют рефлексив в направлении от семантики к языковому способу её выражения. Релевантными признаками семасиологических рефлексивов являются статичность и открытость структуры. Для ономасиологических рефлексивов релевантными оказываются признаки динамичности и

закрытости структуры. В процессе исследования рефлексивов ономасиологического типа были выработаны основания для их последующей семантической классификации. В соответствии с этапами метаязыкового поиска ономасиологические рефлексивы распределяются по следующим семантическим группам: рефлексив-хезитация, рефлексив-оценка, рефлексив-коррекция.

Дата поступления в редакцию 11.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдуж Л. М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в высказываниях с метапоказателем *скажем так* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 9. С. 59–64. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-59-64.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов в русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–02 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2-х томах. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 125–136.
3. Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
4. Богданова-Бегларян Н. В. *Так сказать* – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.
5. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: «Прогресс», 1978. С. 402–424.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
7. Гаврилова Е. И., Дикушина В. В. Вербализация коммуникативного затруднения как проявление речевой рефлексии (на материале автобиографической прозы М. И. Цветаевой) // Казанская наука. 2021. № 11. С. 57–60.
8. Лю Эньшуай. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говоря» и «сказать» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 25 с.
9. Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–02 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2-х томах. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 619–631.
10. Подлесская В. И., Стародубцева А. В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 25–41.
11. Цесарская А. Е. Явление автокоррекции в русской разговорной речи: разноаспектное описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 26 с.
12. Чжан Шо. Структура и функции служебных единиц вторичного характера, формирующих отношения пояснения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2021. 23 с.
13. Шварцкопф Б. С. Оценки говорящими фактов речи: (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 10 с.
14. Шилихина К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая–02 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2-х томах. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 698–707.

15. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.
16. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. М.: «Прогресс», 1985. С. 361–368.

REFERENCES

1. Bayduzh L. M. [The quasi-nominations strategies realized in statements with the expression *skazhem tak* (so to say)]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2017, vol. 16, no. 9, pp. 59–64. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-59-64.
2. Bogdanova-Beglarian N. V. [Those who seek, will they find? (search function of verbal hesitations in Russian spontaneous speech)]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 29 maya–02 iyunya 2013 g.). Vyp. 12 (19): v 2-kh tomakh. T. 1: *Osnovnaya programma konferentsii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 29–June 02, 2013). Iss. 12, Volume 1 of 2. Main conference program]. Moscow Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 125–136.
3. Bogdanova-Beglarian N. V. [Reflexive items in Russian speech discursive units system]. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2015, no. 3, pp. 11–17.
4. Bogdanova-Beglarian N. V. [Tak skazat' (so to say) – the birth of a pragmatic marker (about active processes in Russian speech)]. In: *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noye i internatsional'noye* [Active processes in modern Russian: national and international: collection of scientific articles]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 73–85.
5. Wierzbicka A. [Metatext in the text]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Iss. VIII. Linguistics of the text]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 402–424.
6. Veprva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2005. 384 p.
7. Gavrilova Ye. I., Dikushina V. V. [Verbalisation of the communication difficulties as a display of speech reflection (based on the autobiographical prose of Marina Tsvetaeva)]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2021, no. 11, pp. 57–60.
8. Liu Enshuai. *Funktsionirovaniye metatekstovykh operatorov s komponentami «govorya» i «skazat'» v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The functioning of metatext operators with the components “speaking” and “say” in modern Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Vladivostok, 2022. 25 p.
9. Podlesskaya V. I. [Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* (Bekasovo, 29 maya–02 iyunya 2013 g.). Vyp. 12 (19): v 2-kh tomakh. T. 1: *Osnovnaya programma konferentsii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 29–June 02, 2013). Iss. 12, Volume 1 of 2. Main conference program]. Moscow Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 619–631.
10. Podlesskaya V. I., Starodubceva A. V. [On the grammar of placeholders in colloquial speech]. In: *Vo-prosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2013, no. 3, pp. 25–41.
11. Tsesarskaya A. Ye. *Yavleniye avtokorreksii v russkoy razgovornoy rechi: raznoaspektnoye opisaniye: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The phenomenon of auto-correction in Russian colloquial speech: a multidimensional description: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Vladivostok, 2020. 26 p.
12. Zhang Shuo. *Struktura i funktsii sluzhebnykh yedinit vtorichnogo kharaktera, formiruyushchikh ot-nosheniya poyasneniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The structure and functions of service units of a secondary nature that form explanatory relations in modern Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Vladivostok, 2021. 23 p.
13. Schwarzkopf B. S. *Otsenki govoryashchimi faktov rechi: (lingvisticheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Estimations by speakers of the facts of speech: (linguistic aspect): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1971. 10 p.
14. Shilikhina K. M. [Discursive markers of non-trivial lexical choice]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* (Bekasovo,

- 29 maya–02 iyunya 2013 g.). Vyp. 12 (19): v 2-kh tomakh. T. 1: Osnovnaya programma konferentsii [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 29–June 02, 2013). Iss. 12, Volume 1 of 2. Main conference program). Moscow Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 698–707.
15. Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the mirror of a literary text. (Metalinguistic reflection in the works of Russian prose)]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2011. 328 p.
16. Jakobson R. [On the linguistic aspects of translation]. In: Jakobson R. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 361–368.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Михаил Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения;
e-mail: oksanka_2007@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Michail A. Kravchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department “Mass communications and applied linguistics”, Rostov State Transport University;
e-mail: oksanka_2007@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кравченко М. А. «И долго мучился над словом, которое не хотело приходить»: о наивной ономастологии в художественных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 42–52.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-42-52

FOR CITATION

Kravchenko M. A. “And I suffered for a long time over the word that didn't want to come”: on naive onomasiology in literary texts. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 42–52.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-42-52

УДК 811.11:81'42"17/19"

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-53-62

ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС: АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СОБЫТИЙ

Левченко М. Н.*Московский государственный областной педагогический университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Целью настоящей статьи является установление интегральных и дифференциальных принципов языкового оформления делового дискурса немецкого и английского языков.

Процедуры и методы. Анализ и моделирование дискурсивных событий осуществляется на основе описательного и сравнительно-сопоставительного методов, а также посредством анализа структуры и интерпретации информации в деловом дискурсе при разложении дискурса и дискурсивных событий на конstituенты для их детального изучения.

Результаты. В результате применения системного подхода к деловому дискурсу изучаемая проблематика рассматривалась как целостный комплекс явлений, анализа фактов в их совокупности и взаимосвязи. Представленный анализ дискурсивных событий, которые максимально отражают некоторые специфические характеристики дискурса трудоустройства и являются неотъемлемой частью дискурсивной структуры трудоустройства, наиболее объемно репрезентирует полижанровый характер дискурса и разнообразие дискурсивных действий.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в обосновании концепции делового дискурса как профессионального институционального образования. Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в различных разделах языкознания. Их использование будет полезно при подготовке будущих лингвистов с новейшими тенденциями в письменной коммуникации.

Ключевые слова: деловой дискурс, дискурсивные события, полижанровость, универсальность и специфика

BUSINESS DISCOURSE: ANALYSIS AND MODELING OF DISCURSIVE EVENTS

M. Levchenko*Moscow Region State Pedagogical University**ulitsa Verry Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the integral and differential principles of the linguistic design of the business discourse of German and English.

Methodology. Analysis and modeling of discursive events is carried out on the basis of descriptive and comparative methods, as well as structure analysis and interpretation of information in business discourse when decomposing discourse and discursive events into constituents for their detailed study.

Results. As a result of applying a systematic approach to business discourse, the studied problems were considered as an integral complex of phenomena, analysis of facts in their totality and interrela-

tion. The presented analysis of discursive events, which fully reflect some specific characteristics of the employment discourse and are an integral part of the discursive structure of employment, most voluminously represents the multi-genre nature of discourse and the variety of discursive actions.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the research lies in the substantiation of the concept of business discourse as a professional institutional education. The practical significance of the work is determined by the possibility of applying the results obtained in various sections of linguistics. Their application will be useful in training future linguists with the latest trends in written communication.

Keywords: business discourse, discursive events, multi-genre, universality and specificity

Введение

Теоретическую базу исследования составили основные положения научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов в следующих областях лингвистики: теория дискурса [1; 6–8; 12–17]¹; общая и сопоставительная лексикология [5; 10]; теория речевых жанров [1; 3]; социолингвистика [4; 9; 11].

Актуальность проведённого исследования обусловлена необходимостью изучения функциональной модели делового стиля как совокупности лексико-грамматического фонда и комплекса прагматических средств, реализуемых носителями английского и немецкого языков в ситуации делового общения.

Деловой дискурс относится к важнейшим типам институционального общения, вместе с тем его определение до сих пор остаётся дискуссионным, сферы его бытования и модусы его реализации требуют объяснения и описания. Сопоставительное изучение делового дискурса в сфере высшего образования позволит оптимизировать грамотную межкультурную коммуникацию [2; 9].

В связи с поставленной целью определяются следующие задачи:

- 1) определить понятие дискурсивного события;
- 2) исследовать виды дискурсивных событий в английском и немецком языках;

- 3) провести сопоставительный анализ делового дискурса в английском и немецком языках.

В качестве **методов** исследования применяются описательный и сравнительно-сопоставительный методы (распределение полученной информации на основе сравнения и разделения на группы англоязычной и немецкой корреспонденции, опираясь на общие признаки), а также анализ структуры и интерпретации информации в деловом дискурсе (подробное дробление дискурса и дискурсивных событий на их конститuenty и детальное изучение каждой из них).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые проведён сопоставительный анализ языковых особенностей делового дискурса английского и немецкого языков. Ведь именно письменная деловая коммуникация является недостаточно изученной как с позиций дискурс-анализа, так и в контексте сопоставительных исследований. Исследования в данном направлении приобретают всё большую значимость и оригинальность в связи с необходимостью изучения эффективности речевой деятельности и коммуникативного поведения носителей вышеперечисленных языков.

Материалом для данного исследования послужили выборки в объёме 34 немецкоязычных писем и 31 англоязычного письма из деловой переписки, а также банковская документация, взятые из всемирной информационной сети.

Деловой дискурс часто определяется как система формирования и организа-

¹ Также см.: Лингвосомиотические функции метафоры в деловом дискурсе. Отличительные черты делового дискурса // Studwood: учебные материалы онлайн. URL: https://studwood.net/984433/literatura/otlichitelnye_cherty_delovogo_diskursa (дата обращения: 29.11.2020).

ции вербальных и невербальных взаимодействий людей, не учитывая их сферу профессиональной деятельности. И всё же данное определение представляется абстрактным и обобщённым. В этой связи используется систематизация делового дискурса А. О. Стеблецовой, которая выделяет три типа делового дискурса: дискурс трудоустройства, дискурс оперативного взаимодействия и кадровый дискурс. Они являются универсальными для классификации делового дискурса, которые характеризуются собственными особенными способами структурной организации, а также присущими для них дискурсивными событиями и участниками [9].

Дискурсивное событие: объявление о предстоящих событиях

Первый вид дискурсивного события, а именно 'объявление о предстоящих событиях', непосредственно касается профессиональной деятельности участников дискурса. Сотрудники заранее должны быть уведомлены о возникновении предстоящего события руководителем или любым другим вышестоящим сотрудником. Задачей данного дискурсивного события является установление концепта предметной ситуации с целью информирования адресата о будущем событии. Данная новость преподносится эксплицитно.

Дискурсивное событие 'объявление о предстоящих событиях' в английском языке именуется как *Information Letter* или *Email*, или *Notification*, в немецком языке как *Ankündigung* или *Infobrief*, а в русском – *объявление*. Основным пунктом данного информационного письма является информирование сотрудников о предстоящем событии. В письма такого формата может входить справочная информация об изменениях в компании, предстоящей конференции, приостановке работы какого-либо оборудования, реформировании органов управления, изменении электронной почты, сведения

о сокращении рабочего дня, порядке работы одного из отделов и многое другое. В английских деловых письмах *тема* обозначена как *Subject*, а в немецком деловом дискурсе как *Gegenstand*.

Главной целью объявления о предстоящих событиях является оповещение сотрудников о характере события. Текст такого письма может содержать как основную, так и дополнительную информацию. К основной информации относятся время, место и сроки события.

Пример из письма-оповещения на английском:

*We are honoured to invite you to participate in our forthcoming conference on old Gaelic phonology to be held **October 7-10 in New York City Colleges School of Linguistics***¹.

Пример из письма-оповещения на немецком:

*Wir veranstalten einen internationalen Schülertag **am 5. Mai in der Lessingschule**. Es gibt ein Programm mit deutscher und internationaler Kultur (z.B. Musik, Theater, Ausstellung)*².

Дополнительная информация разнообразна, исходя из содержания предстоящего события. В случае затруднения деятельности сотрудника, например, при отсутствии доступа к интернету или отключении отопления, референт подкрепляет свою корреспонденцию объяснением причин и сроками устранения неполадок или неудобств. Число абзацев такого сообщения может достигать 5, но стандартная структура такого вида дискурсивного события состоит из 2–4 абзацев.

¹ 8+ Sample Information Letters. Writing Letters Formats & Examples [Электронный ресурс] // Sample Letters Word : [сайт]. URL: <https://www.sampleletterword.com/letters-to-inform.html> (дата обращения: 22.02.2021). Далее – 8+ Sample Information Letters.

² Beispielbriefe auf Deutsch // Learn German Online. URL: <https://www.learn-german-online.net/learning-german-resouces/beispiel-briefe-auf-deutsch.htm> (дата обращения: 07.02.2021). Далее – Beispielbriefe auf Deutsch.

Пример из письма-оповещения на английском:

We very much regret to say, that our express home delivery cannot be shipped by rail in time in view of the force majeure that occurred 3 days ago. If you require any further information we shall be happy to let you have this, on request¹.

This is a friendly reminder to let you know that the order shown below is past due if you would kindly forward payment to us at the address above at your earliest².

Пример из письма-оповещения на немецком языке:

Ihre Versicherung haben wir geändert. Anbei senden wir Ihnen den Versicherungsschein. In der Anlage zu diesem Schreiben ist dargestellt, wie sich die einzelnen Beträge er rechnen.

Den Gesamtbetrag werden wir wie vereinbart von dem Konto ... DEUTSCHE BANK abbuchen. Für eventuelle Rückfragen stehen wir Ihnen zur Verfügung³.

Письма, которые отличаются большим объемом, имеют своей особенностью яркие, нарративные заголовки. Содержание любого письма зависит напрямую от важности и многогранности темы и самого объявления в целом. Важно отметить, какими способами достигается более точная передача содержания текста до адресата. Одним из самых главных пунктов является употребление общеизвестных речевых клише, так, например, многие английские письма-объявления используют глагол “*inform*” для передачи новой информации. Фраза “*We wish to draw up your attention to the fact that ...*” употребляется достаточно часто с целью акцентировать внимание читателя на важной информации.

В немецкой деловой корреспонденции нередко можно увидеть письма, начинающиеся с фразы “*bezugnehmend auf Ihre Bestellung ...*”, что позволяет адре-

санту сразу же понять, о чём идёт речь в данном письме. На самом деле любое деловое сообщение всегда составляется с определённой целью, к которой адресант подбирает имеющийся набор языковых клише, например: *Für Rückfragen stehe ich Ihnen natürlich zur Verfügung; Wir sehen Ihrer Nachricht mit Interesse entgegen⁴.*

Информационное письмо не всегда требует ответных действий. Основная задача заключается в передаче сведений о каком-либо событии. В письме-уведомлении прибегают к употреблению шаблонных фраз. Интонационность всех информационных писем можно идентифицировать как нейтральную, деловую, сдержанную.

Следовательно, основным действием дискурсивного события ‘*объявление о предстоящих событиях*’ является оповещение членов организации о профессионально значимой информации. Такие объявления структурируются в соответствии с установленным форматом и характеризуются официально-деловым стилем.

Дискурсивное событие: рекомендация

Привлекает внимание в аспекте проблематики настоящего исследования и следующий вид деловых писем, а именно рекомендательное письмо или рекомендация. Это один из немаловажных аспектов при устройстве на другую работу, при привлечении клиентов с целью создания нужного впечатления на потенциального работодателя или покупателя. Рекомендация может содержать как положительную, так и отрицательную оценку и характеристику. Исходя из этого, в англоязычном дискурсе выделяются два типа писем-рекомендаций: *Letter of Reference* (рекомендательное письмо) и *Testimonial* (рекомендации).

В деловом контексте *Testimonials* (рекомендации) могут иметь иное значение,

¹ 8+ Sample Information Letters.

² 8+ Sample Information Letters.

³ Beispielbriefe auf Deutsch.

⁴ Beispielbriefe auf Deutsch.

чем *Letter of Reference* (рекомендательные письма). Однако они похожи тем, что бывший клиент или работодатель будет рекомендовать кого-то, кто сотрудничал с ним ранее. Рекомендации могут также относиться к определённым продуктам или услугам, где они показывают, были ли клиенты довольны продуктом или услугой и впоследствии станут ли они рекомендовать его другим людям. При этом текст рекомендаций (*Testimonials*) известен соискателю и носит всегда положительный характер, в отличие от рекомендательных писем (*Letter of Reference*), чей текст отправляется втайне от претендента на будущую должность и может также содержать и отрицательную оценку кандидата.

Рекомендация должна включать в себя информацию о характере человека, его личностных качествах, талантах, навыках и личной этике. Цель состоит в том, чтобы подтвердить, что у вас есть личные знания о человеке, которые указывают на то, что у него есть репутация и что вы готовы рекомендовать его человеку, которому пишете. В текстах рекомендаций часто утверждается, что сотрудник будет работать по определённому стандарту. Рекомендательное письмо обычно запрашивается потенциальным работодателем, но запросы на характеристику личности также могут быть запрошены судом или судьёй. Цель рекомендательных писем – дать правдивое, точное и справедливое отражение личности, которое не создаёт ложного впечатления.

Рекомендательные письма могут быть написаны бывшим работодателем, научным руководителем, коллегой или клиентом – всеми, кто может судить о профессиональных качествах соискателя. Такие письма бывают двух видов: *Favourable* (благоприятный / положительный отзыв) и *Unfavourable* (неблагоприятный / отрицательный отзыв). Рассмотрим примеры ниже:

I highly recommend John for your assistant position. In his time at Pacific, he has

shown the technical, organizational, and interpersonal skills that make for a truly exceptional administrative assistant. In particular, I know that you're seeking someone with exceptional customer service and telephone skills, as well as the ability to get up to speed quickly with proprietary software. John offers all these skills, plus adaptability and grace under pressure¹.

Without any malice towards him, we are forced to say that his work and conduct have been far from satisfactory. He is not tactful and does not possess the personality required for a P.R.O. We may also print out that he is extremely short-tempered and is an expert in creating enemies. Even though good at heart and honest to the core, he does not possess the qualities essential for the manager of a sales house like yours².

Позитивная оценка деятельности сотрудника в приведённом рекомендательном письме отражается через упоминание положительных личностных и профессиональных качеств соискателя.

Так, например, стандартные фразы “*He quickly became one of our most valued employees*”, “*he has shown the technical, organizational, and interpersonal skills*”, “*His dedication and willingness to work ... made him a favourite team member for everyone on staff*” формируют полную картину о кандидате, упоминая его порядочность, трудолюбие, профессионализм и преданность делу, что создаёт очень позитивное представление о рекомендуемом претенденте.

Весьма полезными для нас оказались результаты исследований негативной характеристики в англоговорящем дискурсе. Собственные наблюдения и анализ полученной выборки из деловой корреспонденции в этом плане показали, что отрицательные отзывы имеют также свои особенности при написании. Для правдивого формирования образа сотрудника в этом случае адресат упоминает отрицательные качества кандидата, ссылаясь

¹ 8+ Sample Information Letters.

² 8+ Sample Information Letters.

на его вспыльчивость и враждебность по отношению к коллегам (*We may also print out that he is extremely short-tempered and is an expert in creating enemies*). Важно отметить, что составитель рекомендательного письма подчеркнул отсутствие предвзятого мнения или злого умысла при написании характеристики вышеупомянутого соискателя. Здесь уместно также обратить внимание на тот факт, что, несмотря на прямолинейную открытость в описании отрицательных качеств мужчины, автор не забыл упомянуть и его положительные качества (*Even though good at heart and honest to the core*). Это позволяет судить о непредвзятости и честности составителя рекомендательного письма.

Наряду с англоговорящим дискурсом необходимо проанализировать данное дискурсивное событие на немецком языке. Рекомендательное письмо или *Referenzschreiben* имеет также подвиды в немецком языке. Они делятся на *Referenzen* и *Empfehlungen*.

Рекомендательные письма (*Referenzen*) сосредоточены на прошлом соответствующего человека: какую квалификацию он приобрёл, какие виды деятельности осуществлялись, какие успехи достигнуты. Кроме того, рекомендация не направлена на конкретного получателя, а является общедоступной. Рекомендации (*Empfehlungen*), напротив, обычно адресованы конкретному получателю. Основное внимание здесь уделяется будущему: почему претендент будет переизбран на соответствующую должность? Рекомендательное письмо должно дать конкретные указания по этому поводу.

Рекомендательные письма всегда имеют личный характер. Один человек благожелательно высказывается о другом в первом лице, единственном числе. Поэтому в заявке также нет строгой стандартизации этого элемента. Рекомендательное письмо можно оформить индивидуально и неповторимо. И всё же для достижения желаемого результата следует придерживаться следующего содержания и

предоставить получателю необходимую информацию:

1. Бланк включает в себя имя и фамилию адресата, а также название компании или организации (*Vor- und Nachname des Fürsprechers sowie Name des Unternehmens oder der Organisation*).

2. Номер телефона, чтобы обеспечить прямую связь для верификации (*Telefonnummer*).

3. Дата (*Datum*).

4. Тема с именем кандидата (*Betreff*).

5. Краткая информация об адресате (*Fürsprecher*).

6. Период сотрудничества с рекомендуемым соискателем (*Zeitraum*).

7. Квалификация соискателя (*Qualifikationen*).

8. Профессиональные навыки кандидата (*Fähigkeiten des Bewerbers*).

9. Подпись (*Unterschrift*).

Рекомендательные письма стали очень популярны, и их значение со временем будет только расти. Шансы кандидата при получении рабочего места значительно увеличиваются, если работодатель может извлечь выгоду от сотрудничества с новым коллегой, и письма-рекомендации – это отличный пример того, как работодатели могут скорейшим образом получить представление и нужную информацию о новом сотруднике. Приведём следующие примеры:

In der Zeit von TT.MM.JJJJ bis TT.MM.JJJJ hat Frau Swan in der Position als Managerin für mich gearbeitet und dabei seine Aufgaben stets zu meiner vollsten Zufriedenheit und mit großem Elan und viel Engagement bewältigt. Ich habe ihn/sie als selbstständig denkende und verantwortungsvolle und immer zuverlässige Kollegin kennen und schätzen gelernt.

Frau Swan genießt bis heute einen hervorragenden Ruf bei seinen Kollegen und Kunden – nicht zuletzt wegen seiner/ihrer zahlreichen konstruktiven Vorschläge zur Lösung damaliger Probleme.

Neben der einwandfreien fachlichen Qualifikation zeichnet sich Frau Swan durch

*Optimismus, Freundlichkeit und Teamfähigkeit aus. Ich halte sie für die Position als Managerin für bestens geeignet und empfehle ihn/sie jederzeit für eine Beschäftigung in diesem Bereich*¹.

Рекомендательные письма на немецком языке могут быть также двух типов: положительные и негативные. В положительном письме-рекомендации составитель отмечает все позитивные стороны соискателя, как личностные, так и профессиональные. Так, например, для начальника важно указать следующие качества: энтузиазм при выполнении работы (*seine Aufgaben mit großem Elan und viel Engagement bewältigen*), надёжность (*zuverlässige Kollegin*), изобретательность при решении трудностей (*zahlreiche konstruktive Vorschläge zur Lösung damaliger Probleme*), оптимизм (*Optimismus*), дружелюбность (*Freundlichkeit*) и командная работа (*Teamfähigkeit*). Бывший руководитель выражает своё почтение и благодарность сотруднице, сожалея об её уходе, но он формирует для неё лишь положительный облик.

В исследуемой проблематике центральными становятся вопросы оформления положительного облика сотрудника в представлении принимающего руководства. При составлении рекомендательного письма важно применять речевые клише, которые формируют благоприятное впечатление о кандидатуре. Важной особенностью немецкой характеристики является преподнесение личностных качеств соискателя при помощи их увеличения с использованием превосходной степени. Так, например, предложение *Er hat die Aufgaben stets zu unserer vollsten Zufriedenheit erledigt* значительно отличается от *Er hat die Aufgaben zu unserer Zufriedenheit erledigt*. Это маленькое дополнение придаёт большую яркость и выразительность рекомендации. Любая характеристика несёт в себе тайный послыл, который можно вынести из письма-рекомендации.

В качестве ещё одного доказательства рассмотрим следующие примеры: в письме причиной увольнения послужило следующее объяснение – *Herr Meier verlässt uns im gegenseitigen Einvernehmen* (Господин Майер покидает фирму по обоюдному согласию). Какие выводы может сделать принимающая фирма? Данное предложение передаёт истинное отношение руководства к сотруднику, указав на обоюдное согласие. Совершенно противоположное впечатление производит следующая фраза: *Herr Meier verlässt uns auf einen Wunsch, was wir sehr bedauern* (Господин Майер покидает фирму по собственному желанию, о чём мы очень сожалеем). Следовательно, любое предложение из письма-рекомендации чётко передаёт отношение бывшего работодателя к уходящему сотруднику.

В деловом дискурсе рекомендательное письмо трактуется как способ оценки деятельности соискателя. Нормативно-правовые требования к процессу трудоустройства вместе с потенциальными работодателями выступают с инициативой к предоставлению рекомендаций с места работы. Среди таких характеристик выделяются: обладание практическим опытом, высококвалифицированный специалист, добросовестность, порядочность, талант, призвание и умение добиваться своего.

Таким образом, рекомендательные письма являются неотъемлемой частью дискурсивной структуры трудоустройства. Данный вид дискурсивного события имеет свои специфические характеристики и, безусловно, предстаёт также релевантным и репрезентативным для иллюстрации процедуры анализа указанных дискурсивных событий.

Заключение

Представленный анализ двух дискурсивных событий, которые отражают специфические характеристики дискурса трудоустройства и являются неотъемлемой частью дискурсивной структуры названного процесса, наиболее объёмно

¹ Beispielbriefe auf Deutsch.

репрезентируют полижанровый характер дискурса, а также разнообразие дискурсивных действий.

Дискурсивное событие '*объявление о предстоящих событиях*' проанализировано в англоязычном и немецкоязычном дискурсах. Основным дискурсивным действием является информирование сотрудников о профессиональном значимом для них событии. Установлено, что дискурсивным жанром события '*рекомендация*' является рекомендация, которая реализуется дискурсивными действиями оценки в следующих типах текстов: Letter of Reference / Recommendation, Testimonial, Referenzen / Empfehlungen, рекомендация и заключение по кандидатуре на должность. В каждом

типе текста выявлены и описаны основные и дополнительные информационные компоненты содержательной структуры, исследована композиционная организация текстов и их объём.

Таким образом, есть все основания считать, что деловой дискурс представляет собой сложную систему социального и речевого взаимодействия. Его моделирование и анализ являются актуальными задачами современной лингвистики и теории дискурса. При этом релевантной единицей прагмалингвистического описания процесса трудоустройства выступает дискурсивное событие, в центре которого находится деловой текст.

Дата поступления в редакцию 14.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. А. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 41 с.
2. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы. Волгоград: Перемена, 2009. 278 с.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
4. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сборник обзоров / отв. ред. Л. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 33–58.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Малюга Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 320 с.
8. Стеблецова А. О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №6 (717). С. 532–543.
9. Стеблецова А. О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. 207 с.
10. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. 288 с.
11. Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 255–273.
12. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М.: Магистериум : Касталь, 1996. С. 47–97.
13. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 14–16.
14. Ширяева Т. А. Вежливость и её языковая репрезентация в деловом дискурсе // Университетские чтения – 2010. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 135–141.
15. Brinker K. Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs) // Texte-Diskurse-Interaktionsrollen: Analysen zur Kommunikation im öffentlichen Raum. Tübingen: Stauffenburg-Verl., 2002. S. 41–59.
16. Demidova A. K., Smirnov E. A. Russische Handelskorrespondenz. M.: Russkij jazyk, 1988. 238 S.
17. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. 265 p.

REFERENCES

1. Anisimova T. A. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi (ritoricheskiy aspekt): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Typology of genres of business speech (rhetorical aspect): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2000. 41 p.
2. Beylinson L. S. *Professional'nyy diskurs: priznaki, funktsii, normy* [Professional discourse: signs, functions, norms]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 278 p.
3. Dement'yev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.
4. Karasik V. I. [Ethnocultural types of institutional discourse]. In: *Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti* [Ethnocultural specifics of speech activity]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 33–58.
5. Kashkin V. B. *Vvedeniye v teoriyu diskursa* [Introduction to the theory of discourse]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2010. 152 p.
6. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis publ., 2003. 280 p.
7. Malyuga E. N. *Funktsional'naya pragmatika mezhkul'turnoy delovoy kommunikatsii* [Functional pragmatics of intercultural business communication]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2008. 320 p.
8. Stebletsova A. O. [Business discourse and its types: an algorithm of analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2015, no. 6 (717), pp. 532–543.
9. Stebletsova A. O. *Natsional'naya spetsifika delovogo obshcheniya v angloyazychnoy i russkoyazychnoy kommunikativnykh kul'turakh* [National specificity of business communication in the English-speaking and Russian-speaking communicative cultures]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2009. 207 p.
10. Sternin I. A. *Kontrastivnaya lingvistika* [Contrastive linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 2007. 288 p.
11. Tarasov Ye. F. [Sociolinguistic problems of the theory of speech communication]. In: *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 255–273.
12. Foucault M. [The Order of Discourse]. In: Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Power, Knowledge, and Sexuality]. Moscow, Magisterium Publ., Kastal' publ., 1996, pp. 47–97.
13. Chernyavskaya V. Ye. [Discourse as an object of linguistic research]. In: *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa* [Text and discourse. Problems of economic discourse]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2001, pp. 14–16.
14. Shirayeva T. A. [Politeness and its linguistic representation in business discourse]. In: *Universitetskiye chteniya – 2010. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University readings – 2010. Materials of scientific and methodological readings of Pyatigorsk State Linguistic University]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2010, pp. 135–141.
15. Brinker K. Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs). In: *Texte-Diskurse-Interaktionsrollen: Analysen zur Kommunikation im öffentlichen Raum*. Tübingen, Stauffenburg-Verl., 2002, S. 41–59.
16. Demidova A. K., Smirnov E. A. *Russische Handelskorrespondenz*. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1988. 238 S.
17. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London, Longman, 1995. 265 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: prof_levchenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of German Philology, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: prof_levchenko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Левченко М. Н. Деловой дискурс: анализ и моделирование дискурсивных событий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 53–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-53-62

FOR CITATION

Levchenko M. N. Business discourse: analysis and modeling of discursive events. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 53–62.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-53-62

УДК 811.161.1+811.581)'373.611

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-63-72

ВЛИЯНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ли Лин*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей происхождения слов русского и китайского языков в контексте формирования языковой картины мира русского и китайского этносов.

Процедура и методы. Происхождение слов в русском и китайском языках исследовалось в контексте совершенно различных научных подходов, обусловленных европейской и китайской лингвистической традицией. В русском языке происхождением слов занимается специальная дисциплина этимология, а в китайском – иероглифология. В предлагаемой статье автор сопоставляет механизмы номинации исконной лексики и заимствованных слов в русском и китайском языках и устанавливает влияние происхождения лексики на формирование русской и китайской картины мира.

Результаты. Происхождение слов, а именно анализ принципов номинации предметов и явлений в русском и китайском языках помогает понять образ мышления и особенности картины мира, свойственной русским и китайцам. Тесные языковые и культурные контакты русского языка с европейскими языками способствовали активному освоению иноязычной лексики и заимствованию разработанных в европейском языкознании методов этимологического анализа лексики. Изоляция китайской культуры объясняет минимальное заимствование иноязычной лексики китайским языком и использование иероглифики как системы отражения своеобразной картины мира китайского народа. В статье предпринимается попытка анализа происхождения лексики как основы языкового мышления и культуры в целом.¹

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования помогают установить влияние происхождения слов на формирование языковой картины мира русского и китайского этносов.

Ключевые слова: происхождение слов, этимология, номинация, иероглиф, образное мышление

RUSSIAN AND CHINESE WORLDVIEW THROUGH THE PRISM OF WORD ORIGIN

Ling Li*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract**

Aim. To identify the peculiarities of the origin of Russian and Chinese words in the context of the formation of the linguistic worldview of Russian and Chinese ethnic groups.

Methodology. The origin of words in the Russian and Chinese languages has been studied in the context of completely different scientific approaches, conditioned by the European and Chinese linguistic tradition. In the Russian language the origin of words is dealt with by the special discipline of etymology, while in Chinese – hieroglyphology. In this article the author compares the nomination mechanisms of native and borrowed words in the Russian and Chinese languages, and establishes the influence of the vocabulary origin on the formation of the Russian and Chinese worldview.

Results. The origin of words, namely the analysis of the objects and phenomena nomination principles in the Russian and Chinese languages helps to understand the way of thinking and the features of the worldview peculiar to the Russians and Chinese. Close linguistic and cultural contacts between the Russian language and European languages have contributed to the active acquisition of foreign vocabulary and borrowing of the methods of etymological vocabulary analysis developed in European linguistics. The isolation of Chinese culture explains the minimal borrowing of foreign vocabulary by the Chinese language and the use of hieroglyphics as a system of reflecting the peculiar worldview of the Chinese people. The article attempts to analyse the origin of vocabulary as the basis of linguistic thinking and culture in general.

Research implications. The results of the study help to strengthen the understanding of the origin of words and their influence on the formation of the linguistic worldview of the Russian and Chinese ethnic groups.

Keywords: origin of words, etymology, nomination, hieroglyph, imaginative thinking

Введение

В настоящей статье рассматривается роль происхождения слов русского и китайского языков в формировании картины мира и развитии особенностей мышления русского и китайского этносов.

В любой культуре анализ происхождения слов и изменения значения слова позволяет представить фрагменты языковой картины мира человека, элементы материальной и духовной культуры этноса в эволюции [13, с. 62]. История слов даёт возможность воссоздать материальный мир, картину быта наших предков, особенности восприятия окружающего мира. Однако история слов связана не только с внешней историей народа, но и с историей понятий, идей, специфических особенностей народного мировоззрения. «Язык как “непосредственная действительность мысли” хранит увлекательную повесть многовековых усилий человека – познать, осмыслить и подчинить окружающую действительность» [1, с. 59].

Влияние происхождения слов на формирование русской языковой картины мира рассматривалось в работах Абаева В. И. [1], Трубачева О. Н. [11], Варбот Ж. Ж. [4] и других учёных, а соотношение происхождения иероглифов

и картины мира китайского языка анализировалось в работах Хуан Кань [15], Ван Ли [18] и др.

Однако глубинные структурные различия русского и китайского языков привели к тому, что работ о сопоставлении механизма номинации в этих двух языках нет, как нет и работ, посвящённых анализу происхождения слов русского и китайского языков. Тем более новым оказывается подход, который позволяет выявить влияние происхождения слов на формирование языковой картины мира русского и китайского языков. В этом заключается актуальность и новизна предлагаемой работы.

Основная часть и результаты оригинального авторского исследования

Для определения влияния происхождения слов на формирование картины мира и развитие особенностей мышления русского и китайского этносов, необходимо проанализировать разные подходы к выявлению происхождения слов в русском и китайском языкознании.

Происхождение слов в русском и китайском языках исследовалось в контексте совершенно различных научных

подходов, обусловленных европейской и китайской лингвистической традицией. В русском языке, как и в любом индоевропейском, происхождением слов занимается особая область лингвистических исследований – этимология. Русская этимология, развивающая традиции европейского этимологического анализа, основывается на генетической принадлежности языка, акцентирует внимание на сопоставлении общих слов в родственных языках и на приёмах реконструкции исходных форм общего праязыка. Как пишет Варбот Ж. Ж., «для суждения о происхождении русского слова очень важно наличие лексических соответствий в других славянских и индоевропейских языках. Без поиска и анализа таких лексических корреспонденций не может обойтись этимологическое исследование ни одного слова» [5, с. 6]. Например, слово «**десять**»: укр. *десять*, ст.-слав. *десѣтъ*, чеш. *deset*, польск. *dziesięć*, || Праслав. **desęť*, др.-инд. *dāśa*, греч. *δέκα*, и.-е. **dekmt.*¹. Часто лексические соответствия родственных языков дают возможность понять значение слова. Например, *Грамматика (грамма – буква)* или *пиктография – письмо рисунками*.

В китайском языке первоначальное значение слов отражается в древнейших иероглифах, поэтому выяснением происхождения слов китайского языка занимается дисциплина иероглифология² – учение о первоначальной форме древнейших иероглифов, об изменении начертания иероглифа в связи с изменением значения слова. Китайская иероглифология рас-

сматривает способы образования и значения иероглифов, передающих разные слова на письме, и вовсе не предполагает сравнения китайских слов со словами других языков сино-тибетской языковой семьи, поскольку китайский язык очень давно отделился от родственных языков, в силу чего сравнение оказывается мало информативным. По мнению Сунь Вэй, индоевропейские языки фонографические, а китайский – идеографический, поэтому изучение происхождения слов китайского языка опирается на семантику и на её отражение в структуре иероглифа [17, 19页].

Сопоставив этимологию и иероглифологию, мы обнаружили разные принципы анализа происхождения слов в русском и китайском языках. Прежде чем рассмотреть их влияние на образ мышления и картину мира русского и китайского языков, необходимо определить термин «картина мира».

Одним из наиболее удачных определений понятия «языковая картина мира» является предложенное В. М. Пименовой, в котором под языковой картиной мира понимается «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [2, с. 260; 8, с. 5].

В. И. Постовалова в работе «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» указывала две процедуры, посредством которых создаётся картина мира:

1) реконструкция (осмысление образов мира);

2) конструирование (разработка новых образов мира) [цит. по: 3, с. 56].

Данные модели мы также можем применять при выяснении соотношения этимологии и иероглифологии с языковой картиной мира:

1) реконструкция заключается в выявлении первоначальной формы, значения слова;

2) конструирование – объяснение воздействия происхождения слова на об-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР Трубачева О. Н.; под ред. и с предисл. проф. Ларина Б. А. В 4-х т. М.: «Прогресс», 1986. Т. 1. С. 597–508.

² Иероглифология – по кит. 文字学 [вэньцзы сюэ] – учение о иероглифе, раздел китайского языкознания, который изучает происхождение, развитие и соотношение между значением, формой и произношением иероглифов, также и их правописание. См.: 在线新华字典 [Электронный ресурс]. URL: <http://xh.5156edu.com/bs.html> (дата обращения: 13.02.2022).

раз мышления и формирование картины мира конкретного этноса.

Таким образом, происхождение слов (и отражающих значение слов иероглифов в китайском языке) можно рассматривать как механизм формирования языковой картины мира.

1. Роль происхождения слов русского языка в формировании картины мира и развитии особенностей мышления русского этноса

Этимологический анализ русской лексики показывает, что исконная и заимствованная лексика современного русского языка позволяет говорить о формировании русской языковой картины мира. Исконная лексика отражает процесс номинации предмета и явления, в ходе которого подчёркивается важный признак именуемого предмета, предлагается его характеристика с точки зрения носителя русского языка. Многочисленная заимствованная лексика показывает открытость русской культуры, способность принимать и адаптировать понятия (и их названия), сформированные в рамках чужой культуры.

1.1. Исконная лексика

Анализ этимологических словарей показывает, что в русском языке немало древних слов, возникших на базе общего индоевропейского языка, пришедших в русский язык из общеславянского (пра-славянского) и восточнославянского языков и принадлежащих, очевидно, к исконной славянской лексике. Изучая исконную русскую лексику, важно проследить принципы номинации, реализующиеся в названии предметов и явлений. Называя новый предмет или явление, человек подмечает из массы признаков, имеющихся у данного предмета, один – наиболее существенный, важный, уже имеющийся в данном языке наименование, и использует его для названия нового предмета [9, с. 160]. Особенности процесса номинации важно изучать с учётом

жизненного опыта человека, создающего новое именование, ведь в процессе номинации может быть подчёркнут любой признак предмета, что позволяет увидеть предмет в новом ракурсе как часть своеобразной картины мира.

Например, этимология слова *борода* в Этимологическом словаре русского языка Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой:

Борода. Общесл., известное в некоторых других индоевроп. яз. ... Суф. Производное (суф. *-d-* < **dh*) от той же основы (*bor-/ber-* < *bhor-/ bher*), что и *бор*, *бороться* (см.). *Борода* буквально – «колючая, режущая» растительность на подбородке и щеках (ср. чешск. *brada* «подбородок, волосы на подбородке», н.-лужицк. *broda* «борода, усы» и т. д.)¹. Мы видим, что густо растущие на подбородке волосы сравниваются с колючей растительностью.

Языковую картину мира формирует не только древнейшая лексика, которая является общим славянским (и даже индоевропейским) наследием, но и слова более позднего происхождения.

Например, *авоська* – слово собственнорусское. В рус. литер. яз. появилось в 30-х гг. XX в. Образовано с помощью суф. *-ка* от *авось* «хозяйственная сумка, которая берется с собой в расчете “авось что-нибудь да купишь”»².

Яркое воплощение языковой картины мира можно обнаружить в именах собственных, ведь имя – это информационный, культурный код, в котором фиксировались представления о характере человека, предопределяющие его судьбу.

В дохристианскую эпоху использовались древнейшие славянские имена, значение и этимология которых очевидны: *Любовь*, *Надежда*, *Светлана* и др. Многие имена представляли собой сложные (двухкомпонентные) образования: *Все-*

¹ См.: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 116.

² См.: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 107.

волод (*вс(е)* и *-волод всем владеющий, богатый*), аналогично *Владимир, Ярослав* и др. [6, с. 181]. Такие имена собственные принято считать «говорящими», поскольку они не просто именуют человека, но характеризуют его, подчёркивают предполагаемые (и желательные) качества его характера и особенности судьбы.

«Говорящие» имена, указывающие на связь имени и судьбы, очень часто употребляются в произведениях художественной литературы. В этом случае этимология имени собственного помогает подчеркнуть особенности именуемого героя. В качестве примера разберём имена героев повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» – Петра Гринёва и Алексея Швабрина.

Пётр – мужское имя, которое заимствовано из греческого языка (Пётр – имя одного из апостолов, учеников Христа), в греческом языке существительное *петрос* значит *камень*, что подчёркивает несгибаемую волю и твёрдость духа носителя этого имени. А фамилия отрицательного героя – Швабрина образована от слова *швабра*, заимствованного из голландского языка со значением «*швабра – роль помела, из мочала, из распущенных веревок, для мытья полов, палуб, для подтирки, тушения пожаров ...*» || * *Швабра*, костр. пенз. *дрянной, презренный, низкий человек*»¹. Очевидно, что в словаре В. Даля фиксируется не только прямое значение, но и переносное – название презренного человека. Таким образом, этимология имени может раскрывать характер героя, подчёркивать его положительные или отрицательные черты.

Примеров такого типа в русских литературных произведениях много, ведь имя представляет собой лингвистический и культурный феномен, который используется автором произведения для создания образа героя.

Таким образом, этимология русских слов раскрывает принципы номинации, помогает проследить характеристику предметов и понятий при номинации, определить роль имени в русской языковой картине мира.

1.2. Заимствованная лексика

Не только исконная лексика, но и заимствования формируют своеобразную картину мира, воплощённую в языке. Тесной связью языков и контактом культур объясняется большая доля заимствований в лексике русского языка. В качестве аргумента приведём данные этимологического словаря М. Фасмера: по подсчётам О. Н. Трубачева больше половины слов, проанализированных в словаре, являются заимствованиями (6304 заимствований из 11597 слов) [10, с. 204]. Эти цифры позволяют нам говорить об открытости лексики русского языка и всей русской культуры в целом.

Анализ происхождения лексики современного русского языка позволяет проследить разнообразные многочисленные влияния иноязычных культур на самые разные сферы жизни русского государства. В частности с принятием христианства от Византии русская лексика обогатилась заимствованиями из греческого языка (*евангелие, ангел, пантократор* и др.), кальками греческих слов (*вседержитель, грехопадение, богородица* и т. п.). Французский язык подарил русскому многочисленные галлицизмы из области моды, технологии приготовления блюд, множество терминов литературы и искусства и т. п.

Кроме заимствований из индоевропейских языков в русский язык также вошли слова китайского происхождения. По статистике в русском языке насчитывается 445 прямых заимствований (*инь, ян, фэншуй* – китайские философские понятия, *гаолян* – *китайское сорго*), в том числе и кальки китайских слов (*иглоукалывание* – метод китайской медицины 針刺: первый иероглиф означает *иглу*, второй – *укалывать*; *Поднебесная, 天下*, бук-

¹ См.: Толковый словарь Даля [Электронный ресурс] // Gufo.me – словари и энциклопедии : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 13.02.2022).

вальный перевод – *под небом, весь мир*) и т. п. [7, с. 12].

При заимствовании русский язык адаптирует чужие слова к нуждам собственной культуры, выбирает названия необходимых понятий, причём заимствованная лексика осваивается разными способами: язык может полностью принять чужое слово, а может дать поморфемный перевод иноязычного слова (речь идёт о калькировании), в этом случае чужое слово ассимилируется русским языком, приобретает грамматические характеристики русских слов.

Таким образом, этимологический анализ слов русского языка не только выявляет ранее существовавшее морфологическое строение слова, определяет источник и время появления слов, но и показывает связь слов с историей страны, культурой и т. п., что позволяет подчеркнуть особенности русской языковой картины мира.

2. Роль происхождения слов китайского языка в формировании картины мира и развитии особенностей мышления китайского этноса

Принцип исследования происхождения (и изменения семантики) слов китайского языка существенно отличается в китайском языкознании, ведь он основан не на сравнении звукового состава и семантики слов родственных языков, а на исследовании иероглифов. Анализ истории и происхождения китайского иероглифа помогает проникнуть в тайну формирования некоторых понятий традиционной китайской культуры.

2.1. Исконная лексика

Китайский язык с глубокой древности использовал идеографическую систему письма, причём древнейшей исходной формой письма была пиктограмма, т. е. знак-рисунок, который изображал внешний вид предмета. Развитие китайского иероглифа шло от простого к сложному, от конкретного значения к абстрактному,

но всегда иероглиф оказывался носителем определённой семантики, воплощал динамику национальных понятий в изменяющейся форме иероглифа [16, 103 页].

Например, иероглиф человек 人 изображает стоящего человека (вид сбоку), дождь 雨 выглядит как падающие с неба капли дождя, а бык 牛 – рисунок животного с большими рогами. Эти иероглифы представляют собой картинки конкретного изображаемого предмета, а передача слова с абстрактным значением представляет фиксацию более сложного, метафорического образа. Например, чтобы передать значение *чёрный* (цвет) (кит. 黑[хэй]), нужно было найти предмет (объект окружающего мира), который был бы главным носителем этого признака. Китайцы решили, что этот цвет можно передать изображением чего-то сгоревшего (головёшка), копоти и сажи. Поскольку сгоревшие и закопчённые огнём предметы всегда были чёрными, первоначальное начертание знака со значением *чёрный* выглядит как пламя, поднимающееся из дымохода: 烟, иероглиф состоит из 2-х частей, нижняя часть указывает на поднимающееся пламя – 炎, а верхняя часть иероглифа изображает дымоход, в совокупности знаков иероглиф обозначает *чёрный цвет*.

Слово с более абстрактным значением передаётся иероглифами, имеющими также сложное строение и изображающими именуемое понятие. Например, иероглиф *счастье* (кит. 福[фу]) – 福 состоит из 3-х простых знаков: поднятых рук (нижняя часть левой стороны знака), кувшина (верхняя часть левой стороны знака) и святого (правая часть знака). Сочетание графических компонентов описывает такую ситуацию: человек держит сосуд в поднятых руках и молится перед святым о благополучии и процветании. Эта картинка есть иносказательное описание *счастья* [фу] – мольба человека о благополучии, о здоровье, то есть о счастливой жизни [14, 199 页].

Таким образом, китайская письменность с самого начала развивалась на

базе иероглифов-пиктограмм, которые изображали называемый словом предмет или понятие¹. Создавая новые иероглифы-номинации, китайцы всё время пытались придумать способ выражения сложных, абстрактных понятий при помощи ассоциаций с более конкретными образами. Можно предположить, что принцип визуального представления предметов и понятий сформировал образное мышление китайского этноса. Иными словами, опора на иероглифику (приёмы создания визуального образа предмета или понятия) формируют образное мышление китайцев, а создание сложных иероглифов позволяет выстроить ряд визуальных ассоциаций, воплощающих специфическое мировоззрение.

Визуальная база формирования картины мира проявляется в образной системе произведений китайской художественной литературы. В качестве примера приведём стихотворение Цао Чжи (192–232 гг. н. э.) «Плач бобов»: 煮豆燃豆其，豆在釜中泣，本是同根生，相煎何太急². В переводе звучит: *варят бобы на стеблях, бобы в котле плачут, мы же от одного корня, зачем же нас обжигать так жестоко?! Эти плачущие в котле бобы поэт сравнивает с претерпевающими обиды людьми и описывает свои чувства, когда притесняемый старшим братом Цао Пэй он на одном дыхании за семь шагов сложил этот стих, посвящённый бессмысленности вражды между родными братьями (бобы ведь от одного корня). Очевидно, что китайские поэты используют яркие образы, смелые метафоры для воплощения своих мыслей в поэтических картинах.*

Можно предположить, что на формирование образного мышления китайско-

го этноса повлияла китайская иероглифика (письменность рисунками), которая выработала навык внимательного наблюдения за окружающим миром, привычку подмечать сходства предметов и явлений и при помощи визуальных образов выражать свои мысли и чувства. Влияние китайской иероглифики обнаруживается во всех сферах китайской культуры.

2.2. Заимствованная лексика

Китайская цивилизация формировалась как изолированная, развивающаяся вне внешних влияний, вероятно, эта закрытость явилась одной из причин использования китайцами исключительно древнейшей исконной лексики, передаваемой на письме иероглификой. Китайский язык до недавнего времени почти не заимствовал иноязычную лексику, но с середины XIX в. по настоящее время многочисленные заимствования постоянно пополняли состав лексики китайского языка. По статистике сейчас в китайском языке содержится одна десятая заимствований от общего количества общеупотребительных слов [20, 3页].

При заимствовании слов китайцы очень внимательно подбирали иероглифы для перевода, предпочитая не фонетическую транскрипцию, а перевод-парафразу – «гомоморфный способ передачи текста, учитывающий межкультурные и межъязыковые моменты перевода» [12]. Например, при заимствовании слова *телефон*, китайцы первоначально предложили передать звучание слова, подбирая подходящие по звучанию иероглифы – «德律风 [делюйфэн]», но такое название не прижилось, тогда китайцы придумали образное название «电话 [дяньхуа]» – *электрическая речь* или *речь по проводам*¹. Таким образом, даже заимствуя понятие и называющее его слово, китайцы редко перенимают звучание чужого слова, а переосмысливают понятие, опять создавая яркий образ именуемого понятия [19, 91页].

¹ См.: Крайнов А. Легенда о Цан Цзе – изобретателе китайской письменности // Блог «Шэнсяо». URL: <https://blog.shensyao.com/legenda-o-czan-cze-izobretatele-kitajskoj-pismennosti/> (дата обращения: 13.02.2022).

² См.: 张贤明. 中国好诗歌 最美的古诗词: 现代出版社, 2015.01: 第28页. «七步诗» 煮豆燃豆其, 豆在釜中泣. 本是同根生, 相煎何太急?

Заключение

Сопоставление исконной и заимствованной лексики русского и китайского языков позволило раскрыть принципы номинации предмета, явления, именования человека, которые помогают реконструировать особенности русской и китайской языковой картины мира. Анализ заимствованной лексики позволил продемонстрировать отношение русского и китайского этносов к другим цивилизациям. Выявление роли происхождения слов в формировании русской и китайской языковой картины мира позволяет сделать следующие выводы.

1. Происхождение слов, а именно анализ принципов номинации предметов и явлений в русском и китайском языках помогает понять образ мышления и особенности картины мира, свойственной русским и китайцам.

2. Тесные языковые и культурные контакты русского языка с европейскими языками способствовали активному освоению иноязычной лексики и заим-

ствованию разработанных в европейском языкознании методов этимологического анализа лексики. Изоляция китайской культуры объясняет минимальное заимствование иноязычной лексики китайским языком и использование иероглифики как системы отражения своеобразной картины мира китайского народа.

3. Анализ происхождения лексики и принципов номинации предметов и явлений может использоваться как основа формирования языковой картины мира, как база развития особенностей языкового мышления и культуры в целом.

Таким образом, признаки, положенные в основу названия предмета или явления, отличаются в разных языках, подчёркивая неповторимое видение мира, воплощённое в национальном языке. Происхождение слов помогает проникнуть в процесс формирования и развития картины мира, отражённой в исследуемом языке.

Дата поступления в редакцию 14.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. О принципах этимологического словаря // Вопросы языкознания. 1952. № 5. С. 56–69.
2. Абдразакова Г. Ш. Особенности национальной языковой картины мира // Символ науки. 2016. № 5–1 (17). С. 259–262.
3. Абрамова Ю. С. Ларина Т. А. К вопросу о «Картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11–1 (77). С. 55–59.
4. Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 343–347.
5. Варбот Ж. Ж. Предисловие // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. С. 4–7.
6. Домашова Ю. В. История языка и этимология в курсе русского языка и культуры речи // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 177–184.
7. Ли С. Лексика китайского происхождения в русском языке: функциональный подход: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Казань, 2020. 24 с.
8. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4 / под ред. М. В. Пименовой. Кемерово: Графика, 2004. С. 3–11.
9. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Серебренников Б. А. Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 147–187.

¹ Конечно, перевод-парафраза не всегда доминирует над фонетической транскрипцией, например слово клон, «克隆 [кэлун]», активно используется в современном китайском языке несмотря на то, что китайцы пытались заменить его высказыванием «无性繁殖 [усинфаньчжи] – бесполое (вегетативное) размножение», но слово «克隆 [кэлун]» оказалось очень живучим и было включено в «Современный китайский словарь».

10. Трубаев О. Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Трубаев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 192–210.
11. Трубаев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
12. Хуажева З. Г., Тлевтсезева М. М., Напцок М. Р. Использование парафрастического переводческого эквивалента в художественном тексте // Мир науки. Социология, филология, культурология (сетевое издание). 2021. Т. 12. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK121.pdf> (дата обращения: 13.02.2022).
13. Шелепова Л. И. Русская этимология, теория и практика. М.: Академия, 2007. 159 с.
14. 陈政, 字源谈趣 800个常用汉字之由来, 北京: 新世界出版社, 2017, 647页。
15. 黄侃, 说文笺识四种, 上海古籍出版社, 1983年, 372页。
16. 姜雅琦, 浅谈汉字发展于中国文化 // 《现代交际》2016年第21期, 103–104页。
17. 孙玮, 中西词源学研究比较初探 // 《语文研究》2003年, 18–22页。
18. 王力, 同源字典, 中华书局出版社, 2014年, 772页。
19. 吴立, 现代汉语外来词素的特点和影响分析 // 《文化长廊》2019年, 90–92页。
20. 翟玉梅, 现代汉语外来词的特点 // 《文艺生活, 文海艺苑》2013年第04期, 3–5页。

REFERENCES

1. Abayev V. I. [On the principles of the etymological dictionary]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1952, no. 5, pp. 56–69.
2. Abdrazakova G. Sh. [Features of the national linguistic worldview]. In: *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2016, no. 5–1 (17), pp. 259–262.
3. Abramova Yu. S. Larina T. A. [On the issue of “The worldview”]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 11–1 (77), pp. 55–59.
4. Varbot Zh. Zh. [Diachronic aspect of the problem of the language picture of the world]. In: *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 8–10 iyunya 2002 g.)* [Russianism on the threshold of the 21st century: Problems and prospects: Materials of the International Scientific Conference (Moscow, June 8–10, 2002)]. Moscow, Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2003, pp. 343–347.
5. Varbot Zh. Zh. [Preface]. In: Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 tomakh. T. 1* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2002, pp. 4–7.
6. Domashova Yu. V. [History of language and etymology in teaching Russian language and speech culture]. In: *Vestnik Omskoy Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2016, no. 1, pp. 177–184.
7. Li S. *Leksika kitayskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke: funktsional'nyy podkhod: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Vocabulary of Chinese origin in Russian: a functional approach: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Kazan', 2020. 24 p.
8. Pimenova M. V. [Preface]. In: *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku. Vyp. 4* [Introduction to cognitive linguistics. Issue 4]. Kemerovo, Grafika Publ., 2004, pp. 3–11.
9. Serebrennikov B. A. [Nomination and the problem of choice]. In: Serebrennikov B. A. *Yazykovaya nominatsiya (obshchiye voprosy)* [Language nomination (general questions)]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 147–187.
10. Trubachev O. N. [Principles of constructing etymological dictionaries of Slavic languages]. In: Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 1* [Works on etymology. Word. Story. Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 192–210.
11. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 1* [Works on etymology. Word. Story. Culture. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 800 p.
12. Khuazheva Z. G., Tlevtsezheva M. M., Naptok M. R. [Using paraphrastic translation equivalent in artistic text]. In: *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya (setevoye izdaniye)* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies (online edition)], 2021, vol. 12, no 1. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/25FLSK121.pdf> (accessed: 13.02.2022).
13. Shelepova L. I. *Russkaya etimologiya, teoriya i praktika* [Russian etymology, theory and practice]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 159 p.

14. 陈政, 字源谈趣 800个常用汉字之由来, 北京: 新世界出版社, 2017, 647页。
15. 黄侃, 说文笺识四种, 上海古籍出版社, 1983年, 372页。
16. 姜雅琦, 浅谈汉字发展于中国文化 //《现代交际》2016年第21期, 103–104页。
17. 孙玮, 中西词源学研究比较初探 //《语文研究》2003年, 18–22页。
18. 王力, 同源字典, 中华书局出版社, 2014年, 772页。
19. 吴立, 现代汉语外来词素的特点和影响分析 //《文化长廊》2019年, 90–92页。
20. 翟玉梅, 现代汉语外来词的特点 //《文艺生活, 文海艺苑》2013年第04期, 3–5页。

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Лин – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: lily-lit@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ling Li – Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lily-lit@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Лин. Влияние происхождения слов на формирование картины мира русского и китайского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 63–72.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-63-72

FOR CITATION

Li Ling. Russian and Chinese worldview through the prism of word origin. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 63–72.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-63-72

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81

СОПОСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧАСТИ РЕЧИ, В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ли Цзяцзя*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119899, г. Москва, Воробьёвы горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать проблемы несоответствия терминов-названий частей речи в русском, английском и китайском языках с точки зрения их этимологии, семантики и внешней формы.

Процедура и методы. В статье используется главным образом описательный и сравнительный методы исследования.

Результаты. В работе обозначены спорные вопросы, наметившиеся в современной лингвистической науке и отражающие дискуссии исследователей о сущности и целесообразности некоторых терминов, обозначающих части речи, в русском, английском и китайском языкознании. Особое внимание обращено на наименования глагола и его основных форм (причастия и деепричастия) в области грамматик обозначенных языков. Кроме того, наглядно показано, с какими трудностями передачи терминов, обозначающих части речи в русском, английском и китайском языке, может столкнуться переводчик.

Теоретическая и практическая значимость. Автор статьи предлагает некоторые рекомендации по предупреждению ошибок в переводе и работе с научными текстами по грамматике; чётко и аргументированно указывает на различия в употреблении терминов, означающих одни и те же части речи в китайском, английском и русском языках; и показывает, что языковой тип может влиять на оформление терминов, обозначающих части речи. Через перевод терминов частей речи в рассматриваемых языках в статье показаны определённые сложности на пути постепенной интернационализации научного знания и, одновременно, развития локальных научных исследований в разных странах. Результаты данного исследования могут быть полезны при составлении словарей, пособий по преподаванию иностранных языков и в дальнейших исследованиях в области терминологии и лингвистики в целом.

Ключевые слова: лингвистические термины, части речи, класс слов, вариативности перевода, русский язык, английский язык, китайский язык

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Китайского стипендиального совета (国家留学基金管理委员会)

COMPARISON OF TERMS DENOTING PARTS OF SPEECH IN ENGLISH, RUSSIAN AND CHINESE

Li Jiajia*Lomonosov Moscow State University
Vorobyovy Gory 1, Moscow 119899, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the problems of inconsistency of terms-names of parts of speech in Russian, English and Chinese considering their etymology, semantics and external form.

Methodology. The article mainly uses descriptive and comparative research methods.

Results. The paper identifies some controversial issues emerging in modern linguistic science and reflecting the discussions of researchers about the essence and expediency of some terms denoting parts of speech in Russian, English, and Chinese linguistics. Particular attention is paid to the names of the verb and its main forms (participles and adverbs) in grammars of the designated languages. In addition, the work clearly shows the difficulties which the translator may face in transmitting these terms in Russian, English and Chinese.

Research implications. The author of the article offers some recommendations on the prevention of errors in translation and work with scientific texts on grammar; clearly and argumentatively points out the differences in the use of terms meaning the same parts of speech in Chinese, English and Russian; and shows that the language type can influence the design of terms denoting parts of speech. Through the translation of the parts of speech terms in the languages under consideration, the article reveals certain difficulties in the trend of gradual internationalization of scientific knowledge and, at the same time, the development of local scientific research in different countries. The results of this study can be useful in compiling dictionaries, manuals for teaching foreign languages and in further research in the field of terminology and linguistics in general.

Keywords: linguistic terms, parts of speech, word class, translation variations, Russian, English, Chinese

Acknowledgments. The work was supported by the China Scholarship Council (国家留学基金管理委员会)

Введение

Изучение частей речи имеет долгую историю. Они всегда являются важной составляющей грамматики всех языков. Как известно, в настоящее время существуют разные стандарты и методы классификации частей речи. Во многих случаях в рамках общего класса исследователи выделяют ещё и подклассы, что способствует появлению множества терминов, использующихся для обозначения частей речи. К сожалению, многие из этих терминов не имеют полных соответствий в русском, китайском и английском языках, что вызывает некоторые недоразумения среди учёных и затрудняет развитие и изучение грамматики конкретно взятого языка на международном уровне.

В данной статье автор уделяет внимание классификации частей речи в традиционной грамматике и часто применяемым базовым терминам в трёх обозначенных выше языках. Цель работы заключается в выяснении асимметричных проявлений терминов, призванных именовать части речи в китайском, английском и русском языках.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологической базой настоящего исследования стали труды, поднимающие вопросы о сущности терминов, обозначающих части речи. Так, концептуально важными работами для данной статьи стали книги и монографии по изучению русской грамматики [7]¹, фундаментальные работы китайских лингвистов², русских учёных, поднимающих вопросы сопоставительного языкознания в области частей речи в китайском и русском языках [1], грамматических категорий в китайском языке [4; 5; 6; 12], зарубежных и российских учёных, пишущих о грамматике английского языка [11; 13], а также обращающихся к вопросам сопоставительного анализа грамматик английского и китайского языков [8; 14].

В статье используется главным образом описательный и сравнительный методы исследования.

¹ Также см.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 576 с.

² 张定京. 汉-哈-俄语言学术语词典 / 张定京, (哈)托力肯·哈力别克编 — 北京: 中央民族大学出版社, 2018. 286页; 李发元. 新俄汉汉语学术语词典 / 李发元, 余源, 吴思如编著 — 北京: 中国社会科学出版社, 2016. 438 页.

О понятии «части речи»

Считаем необходимым определить понятие «части речи». Симптоматично, что толкований данному грамматическому явлению филологическая наука накопила немало. Обратимся к мнению известного лингвиста Ю. С. Маслова, который, как нам кажется, даёт более общую, краткую, но одновременно исчерпывающую дефиницию, называя части речи особой «грамматической группировкой лексических единиц» того или иного языка. Исследователь отмечает, что обособление определённых групп слов, принадлежащих к конкретному частеречному разряду, идёт за счёт совокупности выделяемых у них характерных грамматических признаков [9, с. 155]. Кроме того, эти особые группы слов могут классифицироваться также исходя из их лексического значения.

На Западе ещё в период Античности великий мыслитель Платон в своих логических суждениях выделил две части речи и обозначал их терминами «νομα» и «μα» (они примерно соответствуют сегодняшним «имя» и «глагол»). В Китае учёные считают, что начало исследований частей речи было положено уже во времена династии Хань в 206 г. н. э. Исследователь Лу Ивэй в период правления династии Юань (1271–1368 гг. н. э.) написал работу «助语辞» (zhù yǔ cí), в которой он проанализировал некоторые служебные слова в китайском языке. Другой известный китайский лингвист Ван Ли отмечает, что в эпоху Сун (960–1279 гг. н. э.) учёные уже различали «动字» (dòng zì) и «静字» (jìng zì) (которые примерно соответствуют понятиям «глагол» и «имя») [15, 177 页]. Но до системного научного исследования частей речи тогда было ещё далеко.

В наши дни в зависимости от используемых методов и подходов выделяют различные группы частей речи, в той или иной степени отличающиеся в английском, русском и китайском языках. Очевидно, что, когда типы языков сильно разнятся, части речи в них не могут быть

одинаковыми. Бывают случаи, когда один термин имеет неодинаковое значение в разных языках. Таким образом, в процессе научного обмена достаточно непросто найти перевод конкретного термина в словаре. Здесь следует анализировать в том числе и контекст. При сравнении терминов в разных языках мы можем чётко увидеть, в чём заключается проблема перевода, чем вызвано явление интерференции или же лакуны.

Например, сам термин «части речи» в английском языке звучит как “parts of speech”, а в китайском языке – «词类» (cí lèi).

Если посмотреть на источники терминов, то «части речи» в русском и “parts of speech” в английском являются буквальным переводом латинского варианта “partes orationis” и термина, пришедшего из греческого языка, “ta mere tu logu”. Эти два термина полностью совпадают с древней традицией именования, потому что “partes orationis” на латыни действительно означает «части речи» или «предложения» (parts of the sentence), указывая, что это элементы предложения. Но, согласно определению словарей, академическая семантика указанных терминов немного отличается от их буквального значения. Здесь имеется в виду, что значение понятия «части речи» фокусируется не на единицах предложения или речи, а на самих словах, на разных классах слов.

Так, в фундаментальном научном труде «Языкознание. Большой энциклопедический словарь», вышедшем под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. Н. Ярцевой, «части речи» рассматриваются в качестве «классов слов языка»¹. Автор словарной статьи, кроме того поясняет, что эти группы лексических единиц дифференцируются благодаря наличию в них схожих семантических, морфологических и синтаксических свойств. При-

¹ См.: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 578.

ведём и другой пример. «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой фиксирует понятие частей речи через определение «грамматико-семантических классов слов»¹. Иными словами, автор процитированной словарной статьи не акцентирует внимание на синтаксической схожести как одном из принципов выделения той или иной части речи в обособленную лексическую группу. В англоязычных лингвистических словарях ядром дефиниции термина “parts of speech” выступает понятие “a system of word classes”².

Исходя из приведённых выше определений становится ясно, что научное дефинирование данного термина в английской и русской грамматике идёт через общее понятие неких «классов слов», сгруппированных по принципу выделения в них конкретного ряда объединяющих признаков.

Однако лингвистическая наука знает мнения некоторых учёных, в частности Ю. С. Маслова, о том, что данные термины, принятые английской и российской научной общественностью, являются не вполне состоятельными, поскольку их академическое значение вовсе противоречит их буквальной семантике. Ю. С. Маслов придерживается точки зрения о том, что не совсем целесообразно в рассматриваемом термине присутствие лексемы «речь». Исследователь отмечает, что понятие «часть речи» призвано определять языковые единицы, а не единицы собственно речи [9, с. 155]. Следовательно, такой термин, как «классы слов», учёный характеризует как более удачный. Мы не можем полностью согласиться с мнением Ю. С. Маслова, что нужно использовать термин «классы слов» вместо термина «части речи». С одной стороны,

термин «части речи» образовался и проник в язык уже давно, носители языка уже привыкли использовать его, научная общественность оперирует им в своих исследовательских публикациях. С другой стороны, лингвистическая наука накопила некоторый опыт и в данном вопросе: известны мнения учёных, например Н. В. Омельянович, которые призывают не отождествлять термины «классы слов» и «части речи» [10, с. 138].

В английском языке “parts of speech” и “word class” также можно считать синонимами, но если говорить о частях речи, классифицированных под влиянием традиционной грамматики, то учёные чаще употребляют термин “parts of speech”, чтобы конкретизировать объекты исследования.

«Части речи» в китайском языке – это «词类» (cǐ lèi), где «词» (cǐ) значит «слова», а «类» (lèi) – «вид, род или класс», поэтому буквальное значение «词类» (cǐ lèi) – это «классы слов». Академический словарь «Да Цыхай: Языкознание» объясняет, что части речи – это классы слов языка в грамматическом значении³. Видно, что буквальное и терминологическое значение «词类» (cǐ lèi) в китайском языке больше соответствуют друг другу, чем в русском и английском языках.

Отметим, что данные термины во всех трёх обозначенных нами языках прямо или косвенно находятся под влиянием латыни и греческого языка. Однако на китайскую, английскую и русскую почвы термины, обозначающие части речи, были переведены по-разному. Если не исследовать внимательно процесс перевода «词类» (cǐ lèi) с китайского языка, можно неправильно перевести этот термин как «класс слов» на русский или “word class” на английский. Хотя они и являются синонимами, но, как упоминалось выше, в некоторых случаях такой перевод неточен.

¹ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. С. 511.

² См.: Matthews P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. New York: Oxford University Press, 2014. P. 289.

³ См.: 张定京. 汉-哈-俄语言学术语词典 / 张定京, (哈)托力肯·哈力别克编 — 北京: 中央民族大学出版社, 2018. 221页.

Межъязыковая асимметрия в сфере частей речи

Далее ответим на вопрос, какие же ещё проблемы несоответствия существуют в трёх обозначенных языках на сегодняшний день? Проиллюстрируем это некоторыми примерами. Начнём с самых основных терминов – «глагол», «причастие», «деепричастие».

«Глагол» в английском языке имеет терминологическое обозначение “Verb”, а в китайском языке это «动词» (dòng cí). “Verb” происходит от латинского “verbum”, что буквально означает «слово». Некоторые русские грамматисты предлагали заменить термин «глагол» более подходящим, с их точки зрения, названием. Например, В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», ссылаясь на работу В. Ф. Андреева «Знаменательные и служебные слова в русской речи», обращает своё внимание на то, что на русский язык латинское именование “verbum” следовало бы передать как «слово» [2, с. 349]. Учёный связывает появление термина «глагол» с тем, что, будучи близким по своей сути к понятию «предикат» (в латинском – “praedicatum”), рассматриваемый термин оказался более предпочтительным для русских грамматистов, так как он призван обозначить главное слово в предложении – действие. Таким образом, В. Ф. Андреев признаёт большую несостоятельность термина «глагол» и отдаёт предпочтение более подходящим, с его точки зрения, понятиям «имя действия» или же «имя действительное» для характеристики группы слов, обозначающих «мысль предложения» [2, с. 349].

Таким образом, на наш взгляд, китайский термин «动词» (dòng cí) является более удачным, чем русский и английский, ведь он буквально означает «слово для действия», «动词» (dòng) – это «действие», «движение», а «词» (cí) – «слово».

Исходя из приведённого примера многоголосицы мнений учёных о природе и целесообразности терминов «гла-

гол» и «части речи», можно сказать, что способность термина пройти проверку временем не зависит от того, является ли термин удачным с научной точки зрения. Привычка носителей языка, исторические факторы и другие причины также могут влиять на использование терминологических понятий. Следовательно, мы должны учитывать различные точки зрения исследователей, имеющие место в накопленном наукой опыте, и не стремиться заменять «неудачный» термин на так называемый «удачный».

В китайском языке есть также термины «形动词» (xíng dòng cí) и «副动词» (fù dòng cí), которые образовались с помощью «动词» (dòng cí) и обозначают грамматические понятия причастия и деепричастия русского языка. В английском языке причастию соответствует понятие “participle”, а деепричастию – “adverbial participle”. Однако в китайско-английской паре намечается некоторое несоответствие: “participle” – это «分词» (fēn cí), а “adverbial participle” – «状语分词» (zhuàng yǔ fēn cí) или «副词性分词» (fù cí xìng fēn cí). В результате обозначенное терминологическое несоответствие между тремя рассматриваемыми языками представляется возможным отобразить схематически (см. рис. 1 и 2).

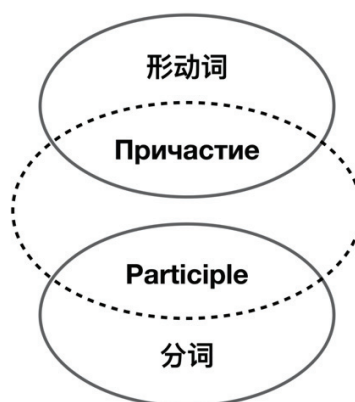

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение терминов, обозначающих причастие в английском, китайском и русском языках / The ratio of terms denoting the participle in English, Chinese and Russian

Источник: составлено автором.

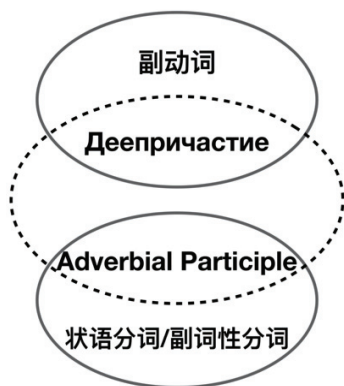

Рис. 2 / Fig. 2. Соотношение терминов, обозначающих деепричастие в английском, китайском и русском языках / The ratio of terms denoting the adverbial participle in English, Chinese and Russian

Источник: составлено автором.

Сначала рассмотрим пару терминов «причастие» и “participle”, которые в китайском языке переводятся как «形动词» (xíng dòng cí) и «分词» (fēn cí). Заметим, что в сознании китайских лингвистов они различаются, но в то же время учёные признают их схожесть¹. Обратим внимание на следующий принципиальный момент: когда переводчик передаёт “participle” в качестве части речи в английском языке на китайский через термин «分词» (fēn cí) – это правильно, но если в тексте “participle” означает определённую часть речи в русском языке, то следует перевести по-другому – «形动词» (xíng dòng cí).

С «деепричастием» дело обстоит сложнее. Помимо упомянутого неполного соответствия терминов в трёх языках, есть и другие проблемы. Например, «деепричастие» переводится на китайский язык как «副动词» (fù dòng cí). Согласно словарю «Да Цыхай: Языкознание» «副动词» (fù dòng cí) также называются «介词» (jiè cí) или «次动词» (cì dòng cí)². Однако на материале словарных статей некото-

рых других справочных источников мы можем сделать вывод о том, что термин «介词» (jiè cí) имеет ещё и толкование как «предлог». Таким образом, получается следующая логическая цепочка: «деепричастие» = «副动词» (fù dòng cí) = «介词» (jiè cí) = «предлог». Однако, как известно, в русском языке грамматический термин «деепричастие» не тождествен термину «предлог». Поэтому в процессе перевода научного текста можно легко допустить ошибку в случае, когда специалистом не учитывается контекст, где функционирует термин «副动词».

Несоответствие терминов наблюдается по ряду причин. Среди них несовпадение самой системы лингвистической терминологии, а также отсутствие единых и эффективных стандартов её унификации. При изучении языков, даже если объекты изучения похожи или являются одинаковыми, могут появиться разные термины. Поэтому многие учёные справедливо утверждают, что, употребляя определённые терминологические единицы, необходимо учитывать конкретные контексты.

Помимо вышеперечисленных примеров, конечно, есть и другие несоответствия, наиболее очевидные из которых – это наименования особых частей речи в том или ином языке или изменение значения таких терминов.

По мере изучения частей речи в русском, китайском и английском языке исследователи подразделяли их на подгруппы. Например, часть речи «量» («счётное слово» / liàng cí) в китайском языке делится на «物量词» (wù liàng cí) и «动量词» (dòng liàng cí); «物量词» (wù liàng cí) подразделяется на «专用名量词» (zhuān yòng míng liàng cí) и «借用名量词» (jiè yòng míng liàng cí), а «专用名量词» (zhuān yòng míng liàng cí) подразделяется на «个体量词» (gè tǐ liàng cí), «集体量词» (jí tǐ liàng cí), «度量衡量词» (dù liàng héng liàng cí) и т. д. Трудно найти в других языках соответствия всем терминам из названных подгрупп.

Или же другой пример. «物量词» (wù liàng cí) (также иногда называется «名量

¹ См.: 大辞海: 语言学卷 / 夏征农, 陈至立主编 – 修订版. – 上海: 上海辞书出版社, 2013. 227 页.

² См.: 张定京. 汉-哈-俄语言学术语词典 / 张定京, (哈) 托力肯·哈力别克编 — 北京: 中央民族大学出版社, 2018. 233 页.

词» (míng liàng cí)) часто переводится на русский как «вещественные счётные слова» или «именное счётное слово». Однако можно обнаружить и такие варианты передачи указанного понятия на русский язык, как «именной классификатор», «классификатор предметов» и т. д. Подобная вариативность переводов также является препятствием на пути к унификации терминологии.

Заключение

Сравнивая термины частей речи в китайском, английском и русском языках, мы можем прийти к выводу, что китайско-англо-русские термины, служащие для обозначения частей речи, не полностью соответствуют друг другу. Это происходит по ряду обозначенных в работе причин, среди которых особенно важны различия в типах языков: бывают случаи, когда один и тот же термин при переводе с английского и русского на китайский получает разное словесное выражение. При употреблении терминов, даже если словарь фиксирует готовый эквивалент, следует тщательно изучить контекст функционирования термина, чтобы бо-

лее конкретно передать на иностранный язык означаемое им явление и избежать ошибки. Некоторые термины и вовсе на сегодняшний день не имеют полноценных соответствий в русском, английском и китайском языках, что подчёркивает актуальность и целесообразность дальнейших научных изысканий в данном исследовательском русле.

Таким образом, проблема гармонизации лингвистической терминологии оказывается одной из самых актуальных в науке. Как справедливо отмечают С. В. Гринев-Гриневиц и Э. А. Сорокина, данный процесс обусловил бы наличие более тесных научных контактов, следовательно, дал почву для большего числа исследований [3, с. 52]. Симптоматично, что устранить полисемию в контексте перевода, а также полностью ликвидировать лакуны представляется практически невыполнимой задачей, но прийти к гармонизации лингвистической терминологии оказывается на сегодняшний день одной из первостепенных задач терминоведения и переводоведения.

Дата поступления в редакцию 10.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Береза Е. В. Частицы как класс служебных слов: типология и функциональность (на материале современного китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2019. 176 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г. А. Золотовой. М.: Издательство «Русский язык», 2001. 720 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-51-64.
4. Карпека Д. А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке. СПб.: Восточный экспресс, 2017. 385 с.
5. Кирюхина Л. В. О грамматической терминологии в традиционной китайской филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 90–93.
6. Колпачкова Е. Н. О современных подходах к описанию частей речи в китайском языке // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики: сборник статей научной конференции. Вып. 1 / под ред. Е. В. Сениной; вступительное слово О. А. Масловец. М.: МГИМО Университет, 2019. С. 65–75.
7. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований): монография. Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2019. 226 с.
8. Малышева А. В. Основные этапы исследования частей речи китайского языка в западном языкознании // Восточная Азия: факты и аналитика (электронный научный журнал). 2019. № 1. С. 56–70. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10006.

9. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учебник для филол. спец. вузов. М.: Издательство «Высшая школа», 1987. 272 с.
10. Омелянович Н. В. Части речи в современном бирманском языке // Части речи. Теория и типология / отв. ред. В. М. Алпатов. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. С. 138–166.
11. Эрнзарова Х. Э. Исходно-теоретические положения к проблеме классификации по частям речи в английском языке // Молодой учёный. 2016. № 13 (117). С. 728–730.
12. Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / отв. ред. Е. Н. Колпачкова. СПб.: Студия «НППринт», 2016. С. 160–170.
13. Curme G. O. English Grammar. New York: Barnes & Noble, Inc., 1966. 308 p.
14. Karlgren B. The parts of speech and the Chinese language // Language in Society. Copenhagen: Munksgaard, 1961. P. 73–78.
15. 王力. 中国语言学史 / 王力. — 北京.: 中华书局, 2013. 240 页.

REFERENCES

1. Bereza Ye. V. *Chastitsy kak klass sluzhebnykh slov: tipologiya i funktsional'nost' (na materiale sovremennogo kitayskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Particles as a class of functional words: typology and functionality (on the material of the modern Chinese language)]. Blagoveshchensk, 2019. 176 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, «Russkiy yazyk» Publ., 2001. 720 p.
3. Griniewicz (Grinev) S. V., Sorokina E. A. [Polysemy in general and special vocabulary]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 51–64. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-51-64.
4. Karpeka D. A. *Glagol i grammaticheskiye kategorii predikatov v sovremennom kitayskom yazyke* [The verb and grammatical categories of predicates in modern Chinese]. St. Petersburg, Vostochnyy ekspress Publ., 2017. 385 p.
5. Kiryukhina L. V. [On grammatical terminology in traditional Chinese philology]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 3-1 (69), pp. 90–93.
6. Kolpachkova E. N. [Modern approaches to description of parts of speech in Mandarin Chinese]. In: *Kitayskiy yazyk: aktual'nyye voprosy yazykoznaniya, perevodovedeniya i lingvodidaktiki: sbornik statey nauchnoy konferentsii. Vyp. 1* [Chinese Language: Topical Issues of Linguistics, Theory of Translation and Language Education]. Moscow, MGIMO Universitet Publ., 2019, pp. 65–75.
7. Konopel'ko I. P. *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta Voronezhskoy shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy)* [Comparative analysis in the study and teaching of language (from the experience of the Voronezh school of comparative studies)]. Voronezh, «RITM» Publ., 2019. 226 p.
8. Malysheva A. V. [The main stages of the study of parts of the speech of the Chinese language in Western linguistics]. In: *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika (elektronnyy nauchnyy zhurnal)* [East Asia: Facts and Analytics (electronic scientific journal)], 2019, no. 1, pp. 56–70. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10006.
9. Maslov Yu. S. *Vvedeniye v yazykoznaniye* [Introduction to linguistics]. Moscow, «Vysshaya shkola» Publ., 1987. 272 p.
10. Omel'yanovich N. V. [Parts of speech in modern Burmese]. In: *Chasti rechi. Teoriya i tipologiya* [Parts of speech. Theory and typology]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 138–166.
11. Ernazarova Kh. E. [Initial theoretical provisions for the problem of classification by parts of speech in English]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2016, no. 13 (117), pp. 728–730.
12. Yakhontov S. Ye. [The concept of parts of speech in General and Chinese linguistics]. In: *Problemy kitayskogo i obshchego yazykoznaniya. K 90-letiyu S. Ye. Yakhontova* [Problems in Chinese and General Linguistics. Sergey Yakhontov anniversary volume in honor of his 90th birthday]. St. Petersburg, Studiia «NPPrint» Publ., 2016, pp. 160–170.
13. Curme G. O. English Grammar. New York, Barnes & Noble, Inc., 1966. 308 p.
14. Karlgren B. The parts of speech and the Chinese language. In: *Language in Society*. Copenhagen, Munksgaard, 1961, pp. 73–78.
15. 王力. 中国语言学史 / 王力. — 北京.: 中华书局, 2013. 240 页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Цзяцзя – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: jennymoscow@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0149-1393

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jiajia Li – Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: jennymoscow@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0149-1393

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Цзяцзя. Сопоставление терминов, обозначающих части речи, в английском, русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 73–81.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81

FOR CITATION

Li Jiajia. Comparison of terms denoting parts of speech in English, Russian and Chinese. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 73–81.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-82-89

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПОХВАЛА / LOB» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Мальцева Л. Г.

Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель настоящей статьи – исследование национально-культурных особенностей фразеологических единиц (далее ФЕ) со значением «похвала / Lob» на материале русского и немецкого языков.

Процедура и методы. Посредством описательного метода была выполнена систематизация эмпирической базы по теме исследования; методом сплошной выборки ФЕ из национальных корпусов русского и немецкого языков были выявлены иллюстративные примеры; при помощи лингвокультурологического анализа ФЕ были установлены их национально-культурные особенности; посредством сопоставительного метода было проведено исследование и описание языков (русского и немецкого языков) через их системное сравнение друг с другом с целью прояснения их специфичности.

Результаты. На базе лингвокультурологического анализа были выявлены национально-культурные особенности ФЕ со значением «похвала / Lob» на материале русского и немецкого языков. Доказано, что наличие положительного оценочного компонента *похвала / Lob* в семантике ФЕ не свидетельствует о его устойчивости, более того, наблюдается закреплённость отрицательного оценочного знака за той или иной ФЕ и диффузность оценочного значения большинства ФЕ как в русском, так и в немецком языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования его основных результатов в теории и практике преподавания языков, контрастивной фразеологии, а также в лексикографической деятельности при создании словарей специального типа, в данном случае – включение в словарную статью фразеологического словаря комментария о национально-культурной специфике ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национально-культурная специфика, оценочность, диффузность, лингвокультурологический анализ, похвала

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANING OF “PRAISE / LOB” (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

L. Maltseva

Moscow Region State Pedagogical University
ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study national and cultural features of phraseological units with the meaning of “praise / Lob” on the material of Russian and German languages.

Methodology. The systematization of the empirical base was conducted through the descriptive method; illustrative examples of the phraseological units were identified using the method of continuous selection from the national corpora of Russian and German languages; the national and cultural features of the phraseological units were established with the use of cultural-linguistic analysis; the study and description of the languages (Russian and German) through their systematic comparison was conducted by means of comparative analysis to reveal their specificity.

Results. The national and cultural features of the phraseological units with the meaning of “praise / Lob” were identified by means of cultural-linguistic analysis on the material of the Russian and German languages. It has been proven that the positive evaluative component of praise / Lob in the semantics of the phraseological units does not indicate its stability, furthermore, a negative evaluation sign and diffusion of evaluative meaning of most phraseological units in both Russian and German languages are fixed.

Research implications. The main results of the research contribute to the further improvement of the theory and practice of language teaching, contrastive phraseology and the lexicographic activity of creating dictionaries of special types, in this case it is the inclusion into the dictionary entry of a comment on the national and cultural specifics of the phraseological unit.

Keywords: phraseological unit, national-cultural specificity, evaluation, diffusion, cultural-linguistic analysis, praise

Введение

Актуальность исследования обуславливается необходимостью исследования национально-культурных особенностей ФЕ в значении похвалы в русском и немецком языках с целью выявления их специфичности в сопоставительном аспекте.

Целью настоящей статьи является исследование национально-культурных особенностей ФЕ со значением «похвала / Lob» на материале русского и немецкого языков.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) изучить научную литературу по теме исследования для составления теоретической базы;

2) провести лингвокультурологический анализ ФЕ со значением «похвала / Lob» с целью выявления их национально-культурных особенностей в русском и немецком языках;

3) провести сравнительно-сопоставительный анализ на предмет наличия сходств и различий национально-культурной специфики ФЕ в русском и немецком языках.

Научная новизна исследования заключается в выявлении национально-культурных особенностей ФЕ со зна-

чением «похвала / Lob» посредством устойчивых или подвижных оценочных компонентов в их семантике.

Теоретическая значимость исследования обуславливается возможностью дальнейшего совершенствования теории о национально-культурной специфике во фразеологии на основе полученных результатов и выводов исследования.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения полученных результатов на практических занятиях по сопоставительной лексикологии и контрастивной фразеологии, а также в лексикографической деятельности при составлении двуязычных словарей специального типа.

Теоретической базой данного исследования стали труды отечественных языковедов. В коллективной монографии «Аспекты фразеологической устойчивости» [1] рассматриваются общие и частные аспекты фразеологической устойчивости и её относительности в зависимости от внутрисистемных фразеологических, когнитивных, дискурсивных и лингвокультурных факторов с опорой на данные частной и сравнительной фразеологии. А. Е. Гусева и Ю. Г. Кузнецова [2] проанализировали национально-культурные особенности ФЕ лексико-

фразеологического поля «Мыслительная деятельность» на примере семантической группы *think*. А. Е. Гусева в соавторстве с Е. А. Шимко [3] рассмотрела национально-культурную представленность паремий с ключевыми лексемами *der Gevatter* и *кум* посредством сравнительно-сопоставительного этнолингвистического анализа. М. Л. Ковшова [6] подчеркнула необходимость осуществления лингвокультурологического анализа ФЕ с анализом паремий как убедительных фактов национального самосознания и рассматривает фразеологию как особый код культуры, знаки которого хранят и передают культурные смыслы [5]. П. С. Дронов [4] в соавторстве с М. Л. Ковшовой определил типичные пути осмысления концепта *обида* в русской языковой картине мира посредством совокупности семантического, когнитивного и лингвокультурологического анализа. В. Н. Телия выявила функцию знакового замещения не только самого объекта обозначения, но и отношения к этому объекту со стороны субъекта у большинства ФЕ [9].

Основное содержание исследования

Рассматривая фразеологию как уникальный культурный код, посредством знаков данного кода, которые содержат и отражают культурные смыслы, можно уловить и понять мировоззрение народа, говорящего на данном языке.

Большую роль в самой природе значения ФЕ играют фоновые знания говорящих на данном языке, их реальный опыт и культурно-исторические традиции. Изучение ФЕ позволяет выявить специфику каждого национального языка. Так, Ю. П. Солодуб справедливо отмечает, что фразеологический образ в большинстве случаев сохраняет национальную специфику ФЕ. В его понимании ФЕ, как правило, исходят из реалий, известных представителям одной нации, следовательно, вербализация данных реалий связана со специфическим отбором лексических составляющих ФЕ [8, с. 58].

Культурная специфика ФЕ «определяется лингвокультурологическим методом соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, сведениями из его истории, верований, обычаев» [5, с. 91]. Для выявления специфичности ФЕ, по мнению М. Л. Ковшовой, «лингвисты неизбежно переходят в область культуры, и углубление в пространство культуры требует умения описывать связь культуры и языка на метаязыке лингвокультурологии» [5, с. 91].

Культурно-языковое значение ФЕ «является не столько производным от того или иного события, образно описанного в языковом знаке, сколько порождением самой культуры, требованием запечатлеть ценностно значимые смыслы для их трансляции в виде экспрессивных знаков языка, всегда ярко и действенно выражающих оценочность и вызывающих эмоциональное отношение к происходящему» [5, с. 91].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу ФЕ, следует обратиться к теоретическим аспектам описания русского коммуникативного поведения в сопоставлении с немецким коммуникативным поведением, в частности, такого параметра общения, как комплиментарность общения.

Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин определяют низкую степень проявления данного параметра для русского коммуникативного поведения. Compliments / похвала в русской коммуникативной культуре, по мнению исследователей, многими рассматриваются как «проявление неискренности, как неискренняя похвала, в силу чего они как бы оказываются чуждыми русской коммуникативной культуре» [7, с. 127–128]. Complimentarity общения в немецкой коммуникативной культуре, напротив, используется часто.

Далее проведём лингвокультурологический анализ ФЕ со значением «похва-

ла / Lob» на материале русского и немецкого языков.

Анализ языкового материала (русский язык)

Рассмотрим, например, ФЕ *гладить по голове* в значении *потакать, поощрять кому-либо; хвалить*. Фразеологический словарь русского языка под редакцией Е. Н. Телия¹ включает следующий культурологический комментарий, раскрывающий образ данной ФЕ, а именно: ФЕ *гладить по голове* сочетает в себе два кода культуры – антропный и соматический. Символика компонентов предполагает: компонент *гладить* как символ выражения одобрения чьих-либо правильных, обдуманных действий и поступков; компонент *голова* имеет символическое значение обдуманности, правильности, что позволяет говорить о положительных оценочных компонентах данной ФЕ.

Несмотря на наличие положительных оценочных компонентов ФЕ и её второго значения – *похвалы*, что является также положительным оценочным компонентом в семантике ФЕ, частотность употребления данной ФЕ в двух значениях свидетельствует об устойчивой отрицательной оценочности, на что также указывают стилистические пометы – *разг. ирон.; неодобр.* Подтверждением этому могут служить следующие примеры: *А хотите вот таких, – ткнул он в студента, – воспитывать, по голове гладить, по голове.* [Гавриил Троепольский. Белый Бим черное ухо (1971)]; *Как сказал Александр Браверман, первый замминистра госимущества РФ: «Когда ты стремишься наверх, никто не будет подсаживать и гладить по голове».* [А. Шубин. Путь к благополучию (2000)]; *В «Новости» экземпляра не посылал, ибо*

они по принципиальной вражде к «Новому времени» реклам суворинским изданиям не делают и сотрудников по голове гладят только против шерсти. [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1887)]².

ФЕ *похвальное слово* со значением «похвала» также свидетельствует о положительной оценочности компонента в её семантике, что подтверждается следующим примером употребления: *Говоря об оркестре, о музыкантах, о творческих проблемах, об успехах – особенно о последних, – никак нельзя не сказать похвального слова об администраторе.* [Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)]; *Директор сказал пару скупых похвальных слов и вручил завучу – еще молодой даме – банальное изображение парусника.* [В. А. Швец. Дневник (1978)]. Контекстуальное употребление рассматриваемой ФЕ в последнем примере отражает негативную оценку прямыми оценочными характеристиками похвалы с элементами иронии. Следовательно, одна и та же ФЕ может выражать как отрицательную, так и положительную оценку похвалы, что говорит о примере диффузности оценочного значения данной ФЕ.

Подобная ситуация обстоит с ФЕ *осыпать похвалами*. Данная ФЕ имеет положительный оценочный компонент в своём значении, что подтверждается следующими примерами: *Их можно осыпать похвалами и благодарностями, но последователей они имеют уже не могут.* [С. Н. Южаков. Жан-Жак Руссо. Его жизнь и литературная деятельность (1894)]; *Лучезаров взывал к моему благо разумию и привычной сдержанности, которую осыпал похвалами; я, напротив, взывал к его гуманности.* [П. Ф. Якубович. В мире отверженных. Том 2 // «Русское богатство», 1898]; *Все, волею или неволею, осыпали похвалами Ибрагимова, обижен-*

¹ См.: По голове не гладить [Электронный ресурс] // Фразеологический словарь русского языка (Е. Н. Телия): [сайт]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/1139/po-golove-negladit.htm> (дата обращения: 14.09.2022).

² Здесь и далее примеры взяты из НКРЯ. См.: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search> (дата обращения: 09.09.2022).

ного тем, что его не сделали адъюнктом, и поздравляли с блестящими успехами его учеников. [С. Т. Аксаков. Собрание бабочек (Рассказ из студенческой жизни) (21.07.1858)]. Последний пример демонстрирует, наоборот, негативную оценку, которую содержит исследуемая ФЕ.

Рассмотрим ФЕ **превозносить / возносить до небес** в значении *чрезмерно расхваливать, восхвалять кого-л. сверх меры*. Несмотря на этимологию¹ данной ФЕ, которая восходит к Библии, и отсутствие негативной оценки компонентов, рассматриваемая ФЕ употребляется в негативном ключе, на что указывает устойчивый отрицательный оценочный компонент в семантике ФЕ. Далее приведём примеры употребления данной ФЕ. Обязательно найдется какой-нибудь ишак, который будет **превозносить до небес** «аргонавтов вселенной», а заодно и самого себя за мудрое руководство упомянутыми аргонавтами. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Страна багровых туч (1952–1957)]; *Вы станете меня **превозносить до небес** лишь бы только я от вас провалился сквозь землю ...* [П. А. Каратыгин. Дом на Петербургской стороне (1838)]; *По возвращении на свою родину он написал книгу «о России», в которой выставил какие-то неслыханные злодеяния русского правительства по отношению к политическим преступникам, а этих последних **превознес до небес**.* [М. Л. Казем-Бек. Дневник (1890)].

Анализ языкового материала (немецкий язык)

Отрицательная оценка, которую выражает ФЕ со значением «похвала» также имеется и в немецком языке. Так, например, ФЕ **jmdn. in den Himmel heben** (ugs.) является калькой для русской ФЕ **превозносить / возносить до небес** в значении *чрезмерно расхваливать, восхвалять кого-л. сверх меры*. Рассмотрим примеры

употребления, которые подтверждают наличие устойчивой отрицательной оценки данной ФЕ: *Eigentlich kann ich es nicht mehr hören und lesen, diese Masern-Impfhysterie, die Horrormeldungen von Komplikationen etc. Eigentlich warte ich immer noch auf eine halbe Seite in der Zeitung, um auch einmal die andere, impfkritische Seite zu hören. Es geht mir dabei nicht darum, eine Seite zu verteufeln und die andere **in den Himmel zu heben**, zu bestimmen, was richtig und was falsch ist, sondern darum, sich eine umfassende Meinung über dieses brisante Thema zu bilden.* [A08/MAI.00058 St. Galler Tagblatt, 02.05.2008, S. 7; Rabenmutter mit Masernkindern?]; ... *Wir sollten keinen Menschen **in den Himmel heben** – und uns andererseits auch nicht zu sehr wundern, dass alle Menschen fehlbar sind.* [U14/FEB.00539 Süddeutsche Zeitung, 05.02.2014, S. 4; BLICK IN DIE PRESSE]².

ФЕ **jmdm. Lob spenden** в значении *хвалить кого-л.* обладает как положительным, так и отрицательным оценочным знаком, последний вариант является высокочастотным. Рассмотрим примеры: *OECD-STUDIE Der Anteil der deutschen Hochschulabsolventen ist bei 25-Jährigen genauso niedrig wie bei 55-Jährigen. Koreas Akademiker stehen auf Platz eins in der OECD. Gutachter **spenden** zwiespältiges **Lob** für Berufsausbildung.* [T10/SEP.00976 die tageszeitung, 08.09.2010, S. 01; 30 Jahre Bildungsschlaf]; *Herr Dr. Schuh kann also der "Barbara-Karlich-Show" etwas Positives abgewinnen. Ich halt's für reinen Zynismus, der Institutionalisierung der Volksverblödung **Lob** zu **spenden**.* [PRF06/MAR.00002 profil, 06.03.2006, S. 6; Leserbrief].

ФЕ **jmdm. ein Lob aussprechen** в значении *выражать признательность; хвалить кого-л.* содержит положительную оценку, что подтверждается следующими

¹ См.: Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. С. 466.

² Здесь и далее примеры взяты из Deutsches Referenzkorpus. См.: Archiv der Korpora geschriebener Gegenwartssprache 2022-I, Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 12.09.2022).

примерами: ... *In diesem Zusammenhang möchte ich der Gemeinde Lichtensteig ein großes Lob aussprechen, welche auch für die Fußgänger gute Bedingungen schafft.* [A13/FEB.05202 St. Galler Tagblatt, 13.02.2013, S. 39; Gratis Eistanz]; *Toni Lässer zeigte sich nach den beiden Partien glücklich, nachdem er vor Spielbeginn etwas angespannt gewirkt hatte: «Ich hatte zu Beginn etwas Bedenken, ob sich die veränderte Zusammensetzung mit teilweise neuen Positionen bewähren würde. Doch die Jungs haben alles gut umgesetzt, und ich möchte dem ganzen Team ein großes Lob aussprechen.»* [A13/MAI.02456 St. Galler Tagblatt, 06.05.2013, S. 44; Meister schon wieder in Führung]; ... *In der Anlaufspur bewegte sich sein Quartett auf höchstem Niveau. Er konnte Thomas Lamparter, Jürg Egger und Alex Baumann, mit dem er im Zweier Silber geholt hatte, ein Lob aussprechen.* [A14/FEB.01189 St. Galler Tagblatt, 23.02.2014, S. 35; «Die Hoffnung stirbt am Schluss»]. Примеров диффузности оценочного значения данной ФЕ зафиксировано не было.

Рассмотрим ФЕ *eine Lobeshymne auf jmdn., etw. anstimmen* в значении *чрезмерно хвалить кого-л., что-л. перед другими*. Несмотря на отрицательный компонент в семантике данной ФЕ, имеются примеры наличия положительной оценки, что говорит о подвижности оценочного компонента в его семантике. *Über übersieht und überfährt bis dato bewusst eingespielte Markt- und Wettbewerbsregeln, und versteht es geschickt, alte und neue Gesetzeslücken zu finden. Die Internetplattform Airbnb startete wie alle «digitalen Errungenschaften» innovativ und originell. Doch mit der Zeit zeigt sich auch dort der Januskopf. Nicht*

nur in Venedig oder Barcelona, auch in vielen anderen Touristenorten gibt es nicht wenige Einheimische, die alles andere als eine Lobeshymne auf dieses «Hotel» anstimmen. [A20/FEB.11004 St. Galler Tagblatt, 28.02.2020; Digitale Errungenschaften]; *Lieber Herr Zeller, es ist klar, dass Sie sich vorhin nicht in der Lage sahen, über die Leistungen von Ulrich Müller zu sprechen, was den Bodenseeraum angeht. Das liegt daran, dass Sie dabei Ihre Zeit überschritten hätten, weil Sie eine Lobeshymne hätten anstimmen müssen.* [PBW/W14.00042 Protokoll der Sitzung des Parlaments Landtag von Baden-Württemberg am 02.04.2008. 42. Sitzung der 14. Wahlperiode 2006-2011. Plenarprotokoll, Stuttgart, 2008 [S. 2911]]; *Die Rede ist von Mario Räuschl, vereinsintern auch Handschuh OJackie oder Laonga genannt. Seit 22 Jahren steht der Keeper für den SV Neuaiigen auf der Torlinie. Für den Verein Grund genug, eine Lobeshymne auf den Spieler anzustimmen.* [NON18/MAI.19351 Niederösterreichische Nachrichten, 18.05.2018; *Die treuste Seele der Liga: Mario Räuschl*]

Заключение

На основе лингвокультурологического анализа можно сделать вывод о том, что закреплённость оценочного знака за той или иной ФЕ или же возможная диффузность оценочного компонента обусловлены не только контекстуальным употреблением, но и определёнными традициями и ценностными предпочтениями представителей той или иной лингвокультуры.

Дата поступления в редакцию 14.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты фразеологической устойчивости: коллективная монография к 110-летию проф. И. И. Чернышевой / отв. ред. Е. Н. Цветаева. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. 177 с. DOI: 10.52070/978-5-00120-352-0_2022.
2. Гусева А. Е., Кузнецова Ю. Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов лексико-фразеологического поля "мыслительная деятельность" (на примере семантической группы "think") // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 12.09.2022).
3. Гусева А. Е., Шимко Е. А. Национально-культурная представленность паремиологических единиц с ключевыми лексемами "der Gevatter" и "кум" в рамках сравнительно-сопоставительного

- этнолингвистического анализа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 6. С. 113–116.
4. Дронов П. С., Ковшова М. Л. Образы обиды в русской лексике и фразеологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 188–195.
 5. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 90–102.
 6. Ковшова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. 2013. №3 (33). С. 79–84.
 7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2006. 193 с.
 8. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. 1990. № 6. С. 55–65.
 9. Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1990. С. 32–47.

REFERENCES

1. Tsvetayeva Ye. N., ex. ed. *Aspekty frazeologicheskoy ustoychivosti: kollektivnaya monografiya k 110-letiyu prof. I. I. Chernyshevoy* [Aspects of phraseological stability: a collective monograph dedicated to the 110th anniversary of Professor I. I. Chernysheva]. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2022. 177 p. DOI: 10.52070/978-5-00120-352-0_2022.
2. Guseva A. Ye., Kuznetsova Yu. G. [Cultural identity of idioms of phraseological-lexical field “mental activity” (based on the semantic group “think”)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2015, no. 1. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru> (accessed: 12.09.2022).
3. Guseva A. Ye., Shimko Ye. A. [Explication of national and valuable parameter in paremiological units with key lexemes of “Die Witwe” and “Widow” in the concept of the comparative ethnolinguistic analysis]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series “Humanities”], 2019, no. 6, pp. 113–116.
4. Dronov P. S., Kovshova M. L. [The images of grievance in Russian lexis and phraseology]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 1, pp. 188–195.
5. Kovshova M. L. [Cultural and national specificity of phraseological units and explication of their cultural meanings]. In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2016, no. 30, pp. 90–102.
6. Kovshova M. L. [Evaluative feature of idioms and folk ethics of paroemias: cultural-linguistic aspect of research]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2013, no. 3 (33), pp. 79–84.
7. Prokhorov Yu. Ye., Sternin I. A. *Russkiye: kommunikativnoye povedeniye* [Russians: communicative behavior]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 193 p.
8. Solodub Yu. P. [National specificity and universal properties of phraseology as an object of linguistic research]. In: *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 1990, no. 6, pp. 55–65.
9. Teliya V. N. [Semantics of idioms in functional-parametric mapping]. In: *Frazeografiya v Mashin-nom fonde russkogo yazyka* [Phraseography in the Machine Fund of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 32–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальцева Лилия Геннадьевна – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lilia G. Maltseva – Postgraduate Student, Department of Germanic Philology, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальцева Л. Г. Национально-культурные особенности фразеологизмов со значением «похвала / Lob» (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-82-89

FOR CITATION

Maltseva L. G. National and cultural features of phraseological units with the meaning of “praise / Lob” (on the material of Russian and German languages). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-82-89

УДК 81.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

САКРАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Пашков С. М.*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Волховский филиал**187400, Ленинградская обл., г. Волхов, ул. Октябрьская набережная, д. 1а,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть категорию сакральности в качестве текстообразующей на материале английских религиозных текстов.

Процедура и методы. Применяются методы дефиниционного, интерпретативного и лингвостилистического анализа.

Результаты. Основные результаты исследования состоят в обосновании сакральности как текстообразующей категории в религиозной коммуникации. Показана необходимость разведения понятий сакрального и религиозного текстов, а их структурно-смысловое взаимодействие целесообразно рассматривать в контексте понятий интекста и интертекста соответственно. Предложено единое основание для классификации религиозных текстов (гносеологическая контекстуализация сакральности) и проведён лингвистический анализ одной из выделенных групп данных речевых произведений. Операциональной единицей анализа рассматривался интекст. В зависимости от типа сакрального знания, репрезентируемого интекстом, предложена их классификация: сакрально-ономатологические, сакрально-императивные и сакрально-эсхатологические интексты. Описаны механизмы текстообразования в богословском, агиографическом и теологическом текстах.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в развитии теоретических положений деривационной лингвистики в области текста. Практическое применение полученных результатов возможно в учебных курсах по лингвистике текста и теолингвистике.

Ключевые слова: интекст, интертекст, религиозный текст, сакральная плотность, сакральность, сакральный текст, текстообразование

SACREDNESS AS A FACTOR OF TEXT FORMATION IN RELIGIOUS COMMUNICATION

S. Pashkov*The Herzen State Pedagogical University of Russia, Volkhov branch**Oktyabrskaya naberezhnaya 1a, Volkhov 187403, Leningrad Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To substantiate sacredness as a text forming category on the material of English religious texts.

Methodology. The methods of definitive, interpretative and linguo-stylistic analysis have been applied.

Results. The main result of the research is substantiation of sacredness as a text forming category in religious communication. The notions of sacred and religious texts have been differentiated, their structural and meaning interaction being treated within the frame of intext and intertext respectively. Gnoseological contextualization of sacredness has been suggested as a ground for religious texts classification, and linguistic analysis of one of the identified groups has been carried out. The notion of intext has been treated as an instrumental unit in analyzing language material. Given the type of sacred knowledge represented by intexts, their classification has been proposed: sacral-onomatological, sacral-imperative, and sacral-eschatological texts. The ways of text formation in liturgical, hagiographical, and theological texts have been described.

Research implications. The theoretical significance of the paper consists in the development of the derivational linguistics in the context of text studies. The obtained results may be used in teaching text linguistics disciplines as well as theolinguistics.

Keywords: intext, intertext, religious text, sacred density, sacredness, sacred text, text formation

Введение

Религия, искусство, философия и наука, если перефразировать Ю. М. Лотмана, суть четыре «глаза», с помощью которых человек смотрит на мир, познаёт его, оценивает, принимает или отвергает. В разные исторические периоды и в разных социокультурных контекстах данные формы постижения реальности получали различные оценки, значимость некоторых порой полностью отрицалась. Так, в эпоху Просвещения религия подвергается остракизму, а в период классического позитивизма наряду с метафизикой объявляется областью фиктивного знания; наука, в свою очередь, занимает доминирующее положение, формируется культ научной рациональности.

Необходимо помнить, что уникальность религиозной, художественной, философской и научной оптик настолько высока, что дискредитация любой из них неизбежно ведёт человека к серьёзным последствиям. Об этом предостерегал в своё время В. И. Вернадский: «Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. ... все эти стороны человеческой души *необходимы* для ее развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идет научная деятельность» [5, с. 58] (курсив наш. – С. П.).

Современное познание определяется тремя эпистемологическими вехами в развитии европейской мысли: 1) возрастающий интерес к феномену человека, а не мира («антропологический поворот»); 2) акцент на познании языка в связи с сознанием и духовной жизнью человека («лингвистический поворот»); 3) тенденция к интеграции теологического знания в мировоззрение и культуру («теологический поворот») [13, с. 110]. В гуманитарных науках, в частности, в лингвистике отмечается «религиозный поворот», т. е. усиливающееся стремление к лингвистическому изучению непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих основ в жизни человека [10, с. 988, 995].

Всё вышесказанное, а также тот факт, что абсолютное большинство современных филологических исследований сопряжено с текстовой проблематикой [6, с. 89; 16], поднимает целый ряд актуальных вопросов относительно текстов, обслуживающих религиозную сферу, а именно: номенклатура, основания для классификации данных текстов, выявления их функциональной направленности, механизмы текстообразования и др.

Сакральный текст как текстопорождающая монада

Анализ работ, посвящённых исследованию текстов религиозной сферы, свидетельствует о весьма разнообраз-

ной терминологии: сакрально-мистический художественный текст, религиозный текст, сакральный текст, священный текст, духовный текст, текст Священного Писания, сакрализированный текст. Кроме того, довольно часто весьма разнородные речевые произведения получают одинаковую текстотипологическую квалификацию. Так, в литературоведческом словаре термин «священные книги» (Sacred books) определяется следующим образом:

– “literature connected with any specific religion; works of spiritual guidance, rules, hymn books, liturgies, any kind of record made of the utterances of holy men, prophets or sages”¹.

К священным (сакральным) книгам, как видим, предлагается относить достаточно большой массив текстов. Однако разница между Библией и «Исповедью» Августина, которая рассматривается автором словарной статьи в качестве священной книги, всё же достаточно велика.

Очевидно, что многочисленные тексты религиозной сферы того или иного вероисповедования должны иметь некий один Текст, который порождает все прочие. Разумно в связи с этим вспомнить мысль М. М. Бахтина: «Текст как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [3, с. 299]. В иудаизме данной монадой является Танах, в христианстве – Библия, в исламе – Коран. В неавраамических религиях, к сакральным текстам относятся Типитака (буддизм), Бхагавадгита (индуизм), Авеста (зороастризм) и т. д. Представляется оправданным квалифицировать сакральными только эти тексты, поскольку они уникальны, культурогенны и лежат в основе соответствующих религиозных цивилизаций (исламской, буддийской христианской и пр.). Разумеется, степень культурогенности сакральных текстов вариативна, что подтверждается, в частности, фактом существования мировых религий.

В науке довольно часто встречаются возражения следующего характера: не существует текста, признаваемого всеми в качестве сакрального, а значит невозможно сформулировать дефиницию сакрального текста [7, с. 13]. Эти возражения преодолеваются, если сакральность рассматривается в качестве содержательной категории сакральных текстов, имеющей план содержания и план выражения. Кроме того, необходимо разводить понятия сакрального и фидеогенного текстов. Сакральный текст необязательно меняет мировоззрение адресата, его функциональная направленность – осознание адресатом репрезентированного в нём сакрального знания. Если же определённый сакральный текст меняет веру у адресата, или он принимает его учение, то для него данный текст является фидеогенным (от лат. *fides* – вера). В логике данного рассуждения обосновываются понятия психологического и эмотивного текстов. В первом случае текстообразующей основой выступает психологизм [14], во втором – эмотивность [13]. Читатель может над «вымыслом слезами не обливаться», однако данные тексты сохраняют свою текстотипологическую отнесённость.

Исходя из предложенного понимания сакральности, сакральный текст определяется как система вербальных знаков, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, имеющая письменную фиксацию и репрезентирующая сакральное знание в рамках определённой конфессии [11, с. 170]. Сакральное знание, или сакральность, таким образом, рассматривается в качестве текстообразующей основы сакральных речевых произведений [9].

Все остальные речевые произведения, в основе которых лежит сакральный текст, являются *религиозными текстами*. Их целесообразно классифицировать в зависимости от типа гносеологической контекстуализации сакрального текста. Под последней понимается инкорпо-

¹ См.: Cuddon J. A. Dictionary of Literary Terms and Literary theory. London: Penguin Books, 1998. P. 776.

рирование сакрального текста или его фрагмента в контекст той или иной формы постижения реальности, осуществляемой посредством естественного языка: религии, философии, искусства и науки. При данном подходе к классификации религиозных речевых произведений важно подчеркнуть следующее: *не каждое включение сакрального текста в речемыслительную деятельность автора ведёт к образованию религиозных текстов. Их продуцирование осуществляется только тогда, когда инкорпорация сакрального текста определяющим образом влияет на содержательно-концептуальную информацию текста, иными словами, формирует его концептуальность* (ср. оду Г. Р. Державина «Бог».).

В настоящей работе операциональной единицей анализа деривационных отношений между сакральным и религиозным текстами рассматривается интекст – текстовое включение различной протяжённости – на уровне слова, словосочетания и текста (цитаты, аллюзии и пр.) [2, с. 415]. Включение интекста в иное текстовое целое ведёт к образованию определённого интертекста. Следовательно, религиозная коммуникация, осуществляемая посредством текстуально организованной информации, представляет собой совокупность религиозных интертекстов.

Сакральное знание представляет собой трёхкомпонентную структуру (знание о Боге, знание об отношении Бога к человеку, знание о посмертной участи человека), следовательно, интексты могут быть трёх видов: сакрально-ономатологические, сакрально-императивные и сакрально-эсхатологические. Первые репрезентируют Имена Бога (греч. ὄνομα – имя), вторые – заповеди, третьи (греч. ἔσχατος – последний) – посмертную участь человека. Данные интексты вступают в различные диалогические (смысловые) отношения с религиозными текстами. Разумеется, границы между обозначенными видами интекстов в религиозных речевых произведениях не

следует абсолютизировать, поскольку они могут взаимодействовать. Это взаимодействие объясняется, в частности, онтологическими отношениями Имени Бога и Его заповеди: заповедь часто отражает Того, Кто даёт её («Ибо Я – Господь, Бог ваш: освящайтесь и будьте святы, ибо Я свят» (Лев. 11: 44)).

В логике сказанного представляется возможным выделить четыре группы религиозных текстов:

- собственно религиозные;
- религиозно-философские;
- религиозно-художественные;
- религиозно-научные.

Собственно религиозные тексты – речевые произведения, функционирующие в сфере религиозного дискурса (богослужебные, теологические, агиографические, гомилетические и др.). Религиозно-философские и религиозно-художественные тексты относятся к области философского (религиозная философия) и художественного (религиозное искусство) дискурсов соответственно. Основанием для выделения религиозно-научных текстов служит тот факт, что в настоящее время отмечается становление теoантропоcмической парадигмы постижения лингвистической реальности, в основании которой лежит идеал цельного знания. В рамках данной парадигмы формируется синтетическая дисциплина – теoлингвистика, изучающая взаимосвязи языка и религии. Следует, однако, иметь в виду, что не всякое теoлингвистическое исследование ведёт к образованию религиозно-научных текстов. Отмечается теоретическая возможность построения многих вариантов теoлингвистики, которые будут иметь различный эпистемологический статус. О религиозно-научных текстах правомерно вести речь в том случае, если теoлингвистический подход учитывает принцип онтологизма, т. е. представление о сущностной (бытийной) связи между языком и реальностью. В этом случае в религиозно-научных текстах, например, христианских,

осмысливается следующая проблематика: сотворение мира словом, райский язык, глоссолалия, литургический язык, священнобезмолвие и др. [12, с. 35, 192, 203]. Разумеется, конвенциональная связь между языком и реальностью не отвергается при данном теолингвистическом подходе. Речь идёт о дополнении принципа конвенционализма принципом онтологизма при осмыслении разнообразной лингвистической реальности. О важности принципа дополнительности напоминает В. И. Карасик: «... я не согласен с одномерной моделью как языка, так и сознания. Общенаучный принцип дополнительности Н. Бора требует от исследователя увеличивать аспекты рассмотрения научного объекта» [8, с. 15].

Поскольку в рамках статьи невозможно представить анализ всех групп религиозных текстов, ограничимся лишь собственно-религиозными речевыми произведениями, а именно богослужебными, агиографическими и теологическими.

Собственно религиозные тексты

Богослужебные тексты

Функционирование сакрального текста в религиозной сфере наиболее органично и обуславливает создание собственно религиозных речевых произведений, в частности, богослужебных текстов.

«Богослужение, – пишет А. Шмеман, – есть соборная молитва, кафолическое священнодействие Церкви, в котором она *едиными устами и единым сердцем* исповедует свою веру, приносит молитву, ходатайствует, благодарит и славословит Бога» [15, с. 174] (курсив наш. – С. П.). Совершается богослужение по уставу, т. е. по определённым правилам и установленному порядку. Исходя из данного понимания богослужения, возможно следующим образом определить функциональную направленность богослужебных текстов: фиксация правильной соборной молитвы и правильного совершения свя-

щеннодействий. Данный тезис подтверждается тем, что в богослужебных текстах отсутствуют языковые единицы (речения), репрезентирующие теологумы, т. е. богословские мнения по тем или иным вопросам религии, не являющиеся обязательными для всех последователей определённого религиозного учения (ср. идеи апокатастасиса (Григорий Нисский), имяславия (С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев)).

Регуляция богослужения в анализируемых текстах реализуется посредством языковых единиц с модальным значением (*ought to, shall, be (not) to*), а также лексем с темпоральной семантикой (*now, during, thereafter, then, when, while, after, meanwhile, until*), репрезентирующих последовательность богослужебных действий и речений участников службы (священника, диакона, певчих, прихожан). С большой степенью вероятности можно утверждать, что модальные и темпоральные языковые репрезентанты регуляции носят универсальный характер, поскольку они являются воплощением фундаментальных понятийных категорий должествования и темпоральности [4, с. 79].

“During the singing of the Alleluia the Deacon shall take the censer with the incense, and approaching the Priest shall receive his blessing. And shall thereafter cense the holy altar round about, and all the sanctuary, and the Priest. Now the Priest standing before the holy table shall say this prayer”¹.

В приведённом фрагменте описываются детальные указания (что делать и какую молитву произносить) диакону и священнику перед чтением Евангелия.

Сакральная плотность богослужебного текста, т. е. степень включённости сакрального текста в его глубинно-смысловую и поверхностно-формальную структуры, максимальна. Этот факт, видимо, объясняет то, что иногда богослужебный текст рассматривается в качестве сакрального.

¹ См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. Great Britain: Oxford University Press, 1982. P. 47–48. Далее – Buckley E. The Orthodox liturgy.

Ведущим механизмом текстообразования здесь выступает парафраза и цитирование, причём последнее имеет ряд особенностей. Во-первых, цитата в богослужебном тексте, в отличие от научного, порождает всегда однозначные диалогические (смысловые) отношения – благоговейное согласие. Уместно обратиться к идеям М. М. Бахтина о том, что формы диалогизма весьма вариативны – от грубых (спор, полемика, пародия) до рафинированных (доверие к чужому слову, благоговейное приятие авторитетного слова, множественные градации согласия) [3, с. 317]. Во-вторых, цитирование не сопровождается интерпретацией «чужого голоса». В-третьих, как правило, цитаты не имеют формальных маркеров (кавычек), поскольку сакральные интексты характеризуются высшей степенью прецедентности (узнаваемости).

Обратимся к литургии Иоанна Златоуста, в которой насчитывается более 150 ссылок на сакральный текст. В данном богослужебном тексте репрезентировано множество Имён Бога, среди которых: *Master, Father, Son, the Holy Ghost, the Lord, God, Sovereign Lord, Merciful, Word of God, Immortal, Son of God, the Holy Spirit, Holy, Strong, Almighty Lord, THOU ART, Saviour Jesus Christ, Dread God, Heavenly God, Light.*

“O Holy God, Holy and Strong, Holy and Immortal, have mercy upon us”¹.

“Holy, holy, holy is the Lord of Sabaoth: heaven and earth are full of thy glory. Hosanna in the highest. Blessed is he that cometh in the name of the Lord; Hosanna in the highest”².

Приведённые сакрально-ономатологические интексты состоят из незначительно изменённых цитат Ветхого и Нового Заветов и содержат выраженные эксплицитно и перифрастически восемь Имён Бога: Крепкий (*Strong*), Бессмертный (*Immortal*), Святой Бог (*Holy God*), Святой (*Holy*), Господь Саваоф (*the Lord of Sabaoth*), Господь (*the Lord*), Славный

(*heaven and earth are full of thy glory*), Спаситель (*Hosanna in the highest*). Имена Творца, репрезентируемые приведёнными языковыми единицами, не подвергаются интерпретационному анализу автора; не является их функциональной направленностью и увеличение эстетической / информативной насыщенности текста, которая изучается в контексте традиционных интертекстуальных концепций на материале художественной литературы [2, с. 416]. Их включение в речемыслительную деятельность автора – механизм текстообразования, а именно механизм порождения богослужебного текста, фиксирующего молитвенное общение творения с Творцом.

Агиографический текст

Агиографический текст (житийный текст) определяется как текст, повествующий о жизни святого человека. В связи с этим нелишне отметить необходимость различения святости Бога и святости персонажа жития. В первом случае святость является онтологической, первичной, во втором – реляционной, вторичной: человек освящается, становится святым посредством соблюдения заповедей. Именно поэтому агиографические тексты характеризуются высокой сакрально-императивной плотностью (превалирование сакрально-императивных интекстов).

Описание благочестивых деяний святого в определённых пространственно-временных координатах, иллюстрирующих исполнение определённой заповеди, иными словами, нарративность – суть текстообразующий механизм агиографических речевых произведений. В науке нарративность понимается как «специфическая стратегия текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история ...» [1, с. 43].

«If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven”.

¹ См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. P. 46.

² См.: Buckley E. The Orthodox liturgy. P. 72–73.

... Antony immediately left the church and gave to the townspeople the property he had from his forebears – three hundred arurae, very fertile and beautiful to see. He did not want it to encumber him self or his sister in any way whatever. He sold all the rest, the chattels they had, and gave the tidy sum he received to the poor, keeping back only a little for his sister»¹.

Включение заповеди из Нового Завета (*If thou wilt be perfect, go sell all that thou hast, and give it to the poor: and come, follow me and thou shalt have treasure in Heaven*), абсолютизирующей примат духовности над материальностью, поясняет читателю последующее поведение Антония Великого и свидетельствует о том, что его жизнь соответствует духу Евангелия.

Святость человека, и, следовательно, должное исполнение заповедей, часто проявляется в его способности к чудотворству.

“There was, for example, a man named Fronto, hailing from Palatium. He had a dreadful disease, for he was continually biting his tongue, and his eyesight was failing. He came to the mountain and asked Antony to pray for him. The latter prayed and then said to Fronto: “Go, and you will be cured”. ... He was well according to the instructions of Antony which he had learned from the Savior in prayer”².

В приведённом фрагменте описывается исцеление больного. Важно отметить, что чудо в агиографических текстах – не порождение волшебства как способности персонажа совершать ирреальные действия, что является дистинктивной характеристикой волшебной сказки [7, с. 14]. В житии чудо совершается Богом по молитве святого человека, т. е. с упоминанием Имени Творца (*He was well according to the instructions of Antony which he had learned from the Savior in prayer*).

Теологические тексты

Теология понимается как система обоснования религиозных учений о Боге, человеке и церкви³. Причём, если в религиозной философии данное обоснование осуществляется в системе понятий без непосредственного обращения к авторитету, то теология базируется на вере и апеллирует в первую очередь к сакральному тексту как авторитету⁴. Таким образом, функциональная направленность теологического текста – обоснование сакрального знания в контексте теологической рефлексии. Разумеется, о «чистоте» данной рефлексии говорить невозможно, лишь о её превалировании, поскольку известно, насколько сильно повлиял неоплатонизм на богословскую мысль первых веков христианства.

Рассмотрим сакрально-эсхатологический интекст в теологическом тексте Иоанна Дамаскина “*On the resurrection*”.

“Furthermore, we also believe in the resurrection of the dead, for there really will be one, there will be a resurrection of the dead. Now, when we say resurrection, we mean a resurrection of bodies. For resurrection is a raising up again of one who has fallen. But, since souls are immortal, how shall they rise again? Well if death is defined as a separation of soul from body, the resurrection is the perfect rejoining of soul and body, and the raising up again of the dissolved and fallen animal. Therefore, the very body which is corrupted and dissolved will itself rise up incorruptible. For He who formed it in the beginning from the slime of the earth is not incapable of raising it up again after it has again been dissolved and returned to the earth whence it was taken by the decision of its Creator.

... Moreover, sacred Scripture, too, testifies to the fact that there will be a resurrection of the body”⁵.

¹ См.: St. Athanasius. The Life of Saint Antony / translated by Robert T. Meyer. New York: Newman press, 1978. P. 19–20. Далее – St. Athanasius. The Life of Saint Antony.

² St. Athanasius. The Life of Saint Antony. P. 69.

³ См.: Религиоведение: словарь / отв. ред. Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2007. С. 499.

⁴ Там же. С. 408.

⁵ Saint John of Damascus: Writings. A New translation by Frederic H. Chase, Jr., vol. 37, New York: Fathers of the Church, 1958. P. 401–402.

Согласно сакрально-эсхатологическому знанию библейского текста, после смерти человек воскреснет нетленным телом (*a resurrection of bodies, incorruptible*), которое соединится с бессмертной душой (*the resurrection is the perfect rejoining of soul and body*). Логическое рассуждение, обосновывающее данный догмат, репрезентируется союзами (*for, since, but*), наречиями (*therefore, furthermore, moreover*), вопросительным предложением (*how shall they rise again?*). В конечном итоге, обоснование эсхатологического учения строится на апелляции к авторитету – сакральному тексту (*... sacred Scripture, too, testifies to the fact that there will be a resurrection of the body*). Если наука не имеет данных о воскресении человека, то для Иоанна Дамаскина при обосновании данного догмата достаточно упоминания Имени Бога (*Creator*), для Которого нет ничего невозможного. Таким образом, ведущим механизмом текстообразования в теологических текстах является интерпретация сакрального знания, сопровождаемая обязательной ссылкой на авторитет.

Заключение

Сакральность, изначально являясь текстообразующей категорией сакральных текстов, впоследствии становится фактором текстообразования в гносеологически гетерогенной коммуникации. Религиозная контекстуализация сакральности, т. е. включение сакрального текста в религиозные дискурсивные практики, ведёт к образованию собственно религиозных текстов. Предложенная классификация сакральных интекстов (сакрально-ономатологические, сакрально-императивные, сакрально-эсхатологические) позволяет системно описать деривационные отношения между сакральным и религиозным текстами. Проведённый анализ богослужебного, агиографического и теологического текстов даёт основание утверждать о вариативности сакральной плотности и языковых механизмах тексто- и смыслопорождения.

Дата поступления в редакцию 04.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань: Бук, 2019. 320 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 448 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 173 с.
5. Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. 334 с.
6. Гончарова Е. А. Текстовые категории и стиль // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 89–97.
7. Гриненко Г. В. Логико-семиотический анализ сакральных текстов и сакральной коммуникации : автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 2000. 37 с.
8. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
9. Клейменова В. Ю. Языковые формы репрезентации реальности и вымысла в английской волшебной литературной сказке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2015. 42 с.
10. Найденова Н. С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 988–1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
11. Пашков С. М. Языковые средства репрезентации категории сакральности (на материале англоязычного текста Библии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 168–174. DOI: 10.30853/phil201032.
12. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.
13. Постовалова В. И. Человек как микротеос в православном мирозерцании и пути его восхождения к обожению (опыт концептуального осмысления) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 4(4). С. 110–127.

14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
15. Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. 896 с.
16. Щирова И. А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. 210 с.

REFERENCES

1. Andreyeva V. A. *Literaturnyy narrativ: zona formirovaniya smyslov* [Literary narrative: the zone of meaning formation]. Kazan, Buk Publ., 2019. 320 p.
2. Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2010. 448 p.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Bondarko A. V. *Grammaticheskoye znachenie i smysl* [Grammatical meaning and denotation]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 173 p.
5. Vernadskiy V. I. *Trudy po vseobshchey istorii nauki* [Proceedings on the general history of science]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 334 p.
6. Goncharova E. A. [Text categories and style]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2019, no. 194, pp. 89–97.
7. Grinenko G. V. *Logiko-semioticheskiy analiz sakral'nykh tekstov i sakral'noy kommunikatsii : avtoref. dis. ... dokt. filosof. nauk* [Logical-semiotic analysis of sacred texts and sacred communication: abstract of D. thesis in Philosophical Sciences]. Moscow, 2000. 37 p.
8. Karasik V. I. *Yazykovyye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
9. Kleymenova V. Yu. *Yazykovyye formy reprezentatsii real'nosti i vymysla v angliyskoy volshebnoy literaturnoy skazke: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Language forms of representation of reality and fiction in the English magical literary tale: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 42 p.
10. Naydenova N. S. [Modern linguistics through post-secular perspective]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2018, vol. 22, no. 4, pp. 988–1000. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000.
11. Pashkov S. M. [Linguistic means to represent the category of sacredness (by the material of the English Bible translation)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 168–174. DOI: 10.30853/phil201032.
12. Postovalova V. I. *Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya: V poiskakh integral'nykh paradigm* [The science of language in the light of the ideal of integral knowledge: In search of integral paradigms]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 272 p.
13. Postovalova V. I. [Human being as a microtheos in orthodox Christian worldview and the ways of human movement towards theosis]. In: *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* [Tula scientific bulletin. History. Linguistics]. 2020. № 4(4). S. 110–127.
14. Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.
15. Shmeman A., archpriest. *Sobraniye statey. 1947–1983* [Collection of articles. 1947–1983]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2009. 896 p.
16. Shchirova I. A. *Khudozhestvennoye modelirovaniye kognitivnykh protsessov v angloyazychnoy psikhologicheskoy proze XX veka* [Artistic modeling of cognitive processes in English psychological prose of the XX century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2000. 210 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашков Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Волховский филиал);
e-mail: s.p.n1980@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey M. Pashkov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Education and Educational Technologies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Volkhov branch;
e-mail: s.p.n1980@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пашков С. М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 90–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

FOR CITATION

Pashkov S. M. Sacredness as a factor of text formation in religious communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 90–99.

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-100-108

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В НАЗВАНИЯХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

Степанова Е. С.*Самарский государственный медицинский университет**443099, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89, Российская Федерация*

Аннотация

Цель данной работы состоит в описании семиотических и концептуальных параметров античного мифа, репрезентированного в номинации лекарственного растения.

Процедура и методы. В работе описан основной способ использования античных мифонимов во вторичной номинации в процессе референции. Выделяются существенные свойства первоначального референта и переносятся на объект вторичной номинации (в нашем случае на название лекарственного растения). Прослеживается процесс референции между новым нарицательным словом и образом антропоморфного античного бога или героя. Отмечается, что имя, взятое из мифологии, в номинации лекарственного растения репрезентирует сюжет мифа с помощью различных мотивировочных признаков, которые могут быть интерпретированы реципиентом на основе экстралингвистических знаний или различного рода ассоциаций. В работе были использованы семиотический анализ, семантический анализ и лингвокультурологический анализ.

Результаты. Показано, что в процессе семиотизации мифологемы (сюжета античного мифа) участвуют различные типы мифонимов, создающие объективное представление о соответствующем прецедентном феномене, который активизируется в номинации лекарственного растения. Одновременно античные мифонимы участвуют во вторичной номинации, то есть в процессе референции (отнесённости актуализированных имён к объектам действительности), в нашем случае к названию лекарственного растения). Сделан вывод о том, что мифоним как антропонимический код культуры участвует в семиотизации мифологемы в номинации лекарственного растения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение специфики античного мифа как части языковой картины мира, которая заключается в репрезентации определённого фрагмента культуры посредством номинации лекарственного растения.

Ключевые слова: античный миф, номинация, языковая картина мира, мифоним, семиотизация

REPRESENTATION OF THE ANCIENT MYTH IN THE NOMINATION OF MEDICINAL PLANTS

E. Stepanova*Samara State Medical University**ulitsa Chapayevskaya 89, Samara 443099, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to describe the semiotic and conceptual parameters of the ancient myth, represented in the nomination of a medicinal plant.

Aim. To describe the semiotic and conceptual parameters of the ancient myth represented in the nomination of a medicinal plant.

Methodology. The main way of using ancient mythonyms in the secondary nomination in the process of reference is described in the paper. The essential properties of the initial referent are identified and transferred to the object of the secondary nomination (in our case, the name of a medicinal plant). The process of reference between a new common meaning of the word and the image of an anthropomorphic ancient god or hero is traced. It is noted that the name taken from mythology in the nomination of a medicinal plant represents the plot of the myth with the help of various motivational features that can be interpreted by the recipient on the basis of extralinguistic knowledge or various associations. The semiotic analysis, semantic analysis and linguocultural analysis were used in the work.

Results. It is shown that various types of mythonyms are involved into the process the mythologeme semiotization (the plot of the ancient myth), thus creating an objective idea of the corresponding precedent phenomenon, which is activated in the medicinal plant nomination. At the same time ancient mythonyms participate in the secondary nomination, that is, in the process of reference of the actualized names to the objects of reality (in our case, to the name of a medicinal plant). It is concluded that mythonym as an anthroponymic code of culture is involved in the semiotization of the mythologeme in the nomination of a medicinal plant.

Research implications. The results of the research contribute to the study of the ancient myth specifics as part of the linguistic picture of the world, which consists in representation of a certain fragment of culture through the nomination of a medicinal plant.

Keywords: ancient myth, nomination, language picture of the world, mythonym, semiotization

Введение

Номинация растений отражает окружающую действительность на основе жизненного опыта человека. Названия растений концептуализируют национально-специфичные модели, которые имеют общие черты. В номинации растений фиксируются свойства растений, их целебное воздействие, а также отображается концептуальная часть картины мира, то есть совокупность наглядных образов культуры.

На формирование лексики флоры оказывают влияние степень познания фитонимии народами мира, а также мифологические представления о целебных или ядовитых свойствах растений. Например, «если родовое обозначение номенклатурного наименования указывает на форму листа, цветка, то эта форма соотносится с мифическими героями или существами» из древнегреческой или древнеримской мифологии [10, с. 313]. Таким образом, античная мифология становится источником номинации.

Предметом исследования являются античные мифы как часть языковой кар-

тины мира, связанные с языковым освоением растительного мира.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты вносят вклад в изучение специфики античного мифа как способа концептуализации действительности, который заключается в репрезентации определённого фрагмента культуры посредством номинации лекарственного растения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что проанализированные способы актуализации античного мифа в номинации лекарственного средства могут быть использованы при описании концептуальных и семиотических параметров мифа как фрагмента культуры в рамках определённого культурного контекста.

Научная новизна исследования заключается в лингвистическом анализе мотивировочных признаков в мифологической номинации растений.

Цель исследования состоит в описании семиотических и концептуальных параметров античного мифа, репрезентированного в номинации лекарственного растения.

Обозначенная цель обусловила задачи исследования:

1) определить концептуальные основания для репрезентации античного мифа в номинации лекарственного растения;

2) проиллюстрировать мотивировочные признаки (цвет, символическое или священное предназначение, форма и внешний вид, место локализации), с помощью которых актуализируется античный миф в названии лекарственных трав.

Обзор литературы

Изучению античного мифа как способа концептуализации действительности посвящено множество исследований [1; 3; 6; 7; 11]. Античный миф фиксируется в памяти индивидуумов в терминах-мифонимах, «составляющих ономастическое пространство, в которое входят имена людей, животных, растений, в действительности никогда не существовавших, а известных народу из мифов» [5, с. 152]; формирует концепт античности «на базе античных мифонимов в процессе вторичной номинации, репрезентируя оценочные знания в картине мира немецко- и русскоговорящего сообществ» [8, с. 124]; передаёт ценностное содержание, сформированное в культуре, транслирует первоначальные смыслы, коннотации культуры, значимые для сознания современного носителя языка [4, с. 366].

Мифонимы не только актуализируют в памяти знание мифов, но и являются репрезентантами мифологем – единиц сознания, сформировавшихся на базе мифов и заключающих в себе чувственное воплощение образов коллективного бессознательного. Архетип представляет собой постоянный элемент инвариантного ядра, основу мифологических событий. Мифологема при этом динамична, может видоизменяться в отличие от архетипа¹. Мифонимы участвуют «в про-

цессе семиотизации мифологем, то есть распространённое в лингвокультурном обществе представление о реальности» названо собственным именем (в нашем исследовании мифонимы участвуют в семиотизации мифологемы в названии растения) [4, с. 190].

Интерпретация концептуального содержания мифонима в процессе семиотизации предполагает наличие различного рода знаний – культурных, исторических и географических. При интерпретации концептуального содержания мифонима формируется когнитивный ореол, который создаёт основу для оценочных смыслов, что создаёт предпосылки для процесса референции, а именно для первичной и вторичной номинации [8, с. 124].

Экстраполируя и уточняя данное положение в рамках нашего исследования, можно утверждать, что в процессе вторичной номинации у античных мифонимов изменяется референциальная отнесённость, выделяются существенные признаки первоначального референта и переносятся на объект вторичной номинации (в нашем случае на название лекарственного растения).

Методология и материалы исследования

В качестве источников фактического материала нами были выбраны ботанический словарь Роса Бейтона (Ross Bayton) «Ботанический сад садовника: энциклопедия латинских названий растений» (“The Gardener’s Botanical: An Encyclopedia of Latin Plant Names”)² и научно-популярная работа Аннет Гизеке (Annette Giesecke) «Мифология растений: ботанические знания Древней Греции и Рима» (“The Mythology of Plants: Botanical Lore from Ancient Greece and Rome”)³, в кото-

¹ См.: Мифологема // Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. С. 103.

² Bayton R. The Gardener’s Botanical: An Encyclopedia of Latin Plant Names. Princeton: Princeton University Press, 2020. 352 p.

³ Giesecke A. The Mythology of Plants: Botanical Lore from Ancient Greece and Rome. Los Angeles, CA: J. Paul Getty Museum, 2019. 144 p.

рой с помощью античных мифов и легенд раскрывается этимология названий лекарственных растений в английском языке. Выборка составила 1000 мифологических номинаций лекарственных растений.

В работе применялись следующие *методы исследования*: семиотический анализ, раскрывающий способы семиотизации мифологемы в номинации растений с помощью различных видов мифонимов; семантический анализ, включающий содержательную интерпретацию мифологических номинаций растений; лингвокультурологический анализ, выявляющий типы информации, которые актуализируются в сознании носителя языка.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных учёных в области исследования лингвокультурной специфики терминов-мифонимов [5] и мифонима как антропонимического кода культуры [4].

В коллективной памяти представителей определённой лингвокультуры проявляется интертекстуальная связь мифонима с определённым культурным кодом, что создаёт предпосылки для культурной референции, обеспечивающей взаимодействие языка и культуры [9, с. 14].

Интертекстуальные связи активизируются в процессе референции, то есть отнесённости имён собственных, которые являются частью культуры, к объектам внеязыковой действительности. Декодированная из антропонимического кода культурная информация соединяется со словесными знаками языка (в нашем случае номинациями лекарственных растений), отражает эмоциональные или оценочные оттенки в их семантике, выражает культурные традиции общества.

В процессе референции осуществляется связь между значением нарицательного слова и образом антропоморфного героя. В результате появляется понятие с иным содержанием, которое содержит мифологическую подоплёку. Таким об-

разом, мифонимы актуализируют сюжет мифа, вызывая в коллективном сознании исходные образы, детально описанные в том или ином мифе.

Культурно значимая информация репрезентирована в собственных именах, которые широко распространены в мифах народов мира. Мифонимы актуализируют мифологемы, то есть мифологические сюжеты, характеризующиеся глобальностью, универсальностью. Информация о мифологических персонажах, их ценностях или антиценностях хранится в коллективном сознании.

Исходной предпосылкой для нашего исследования является гипотеза о том, что мифонимы интерпретируются в слое культуры; в процессе референции мифонимов к пространству культуры у имён образуются культурные коннотации, которые добавляются в семантику названий (в нашем случае лекарственных растений) и могут служить основой для их интерпретации [4, с. 197].

Мифоним как антропонимический код культуры характеризуется такими концептуальными признаками, как культурно-историческая обусловленность, интертекстуальность, социально-прагматическая предопределённость реализации [2, с. 12]. Различные типы мифонимов, актуализируют античный миф с помощью вербальных средств через активизацию инварианта восприятия или через какую-либо деталь, атрибут или символ, условного репрезентанта прецедентного феномена.

Результаты и обсуждение

Как показал анализ, в процессе семиотизации мифологемы (сюжета античного мифа) участвуют различные типы мифонимов, создающие объективное представление о соответствующем прецедентном феномене, который активизируется в номинации лекарственного растения. Мифоним в номинации лекарственного растения может быть «говорящим» именем или индексом стереотипных пред-

ставлений, сформированных на основе знаний или различного рода ассоциаций. Декодирование этих представлений является значимым для коммуникантов в процессе интерпретации вида лекарственного растения, его свойств и места произрастания. Одновременно античные мифонимы участвуют во вторичной номинации, то есть в процессе референции (отнесённости актуализированных имён к объектам действительности) (в нашем случае к названию лекарственного растения).

Античный миф актуализируется в названии лекарственного растения с помощью следующих типов мифонимов: 1) мифоним, ассоциирующийся с именем античного бога или богини; 2) мифоним, ассоциирующийся с именем античного героя; 3) мифоним, связанный с античным географическим названием.

1. Мифоним, ассоциирующийся с именем античного бога или богини

Anemone coronaria (англ. *poppy anemone*), нежный цветок, похожий на бархатистый мак, в сфере мифов тесно связан с трагической историей Венеры и прекрасного юноши Адониса. Поражённая стрелой Купидона Венера так полюбила Адониса, что покинула своё уютное убежище, чтобы сопровождать его в суровой пустыне, куда он отправился на охоту. Напрасно она предупреждала его об опасностях охоты: охотник мог совершенно случайно убить священного для богов зверя, совершив наказуемое святотатство, – и сам мог стать добычей. В основе номинации растения лежит мотивировочный признак – ярко красный цвет мака, который впечатляет окружающих и ассоциируется с ослепляющей любовью Венеры к Адонису. *Laurus nobilis* (англ. *bay laurel*) в различных мифах лавр – священное растение Аполлона. В основе почитания лежит миф, рассказанный Овидием, в котором Аполлон отчаянно влюбился в нимфу Дафну, дочь речного бога Пеней. Несмотря на то, что Дафна не ответила на любовь Аполлона, он всячески преследовал её. Впоследствии Дафна была превра-

щена в лавровое дерево. В основе номинации растения лежит мотивировочный признак – священное предназначение. С одной стороны, лавр ассоциируется со священной любовью Аполлона к Дафне, с другой – с символом высшего статуса, поскольку лавровый лист использовался для изготовления лаврового венка, в качестве приза на Пифийских играх, которые проводились в честь Аполлона. *Anthyllis barba-jovis* (англ. *Bearded Jove*), растение Язвенник «Борода Юпитера», средиземноморский представитель семейства гороховых, широко известный как серебряный кустарник. В основе номинации растения лежат мотивировочные признаки – форма и внешний вид. Плотные большие вечнозелёные серебристо-белые листья данного растения напоминают гигантскую бороду, которую, согласно легенде, отрастил Зевс (Юпитер). Борода у Зевса серебристо-белого цвета, напоминающего цвет облаков, которыми он однажды будет править. *Scándix pécten-veneris* (англ. *Venus's comb*), гребешок Венеры, придорожная трава в Европе, относящаяся к семейству сельдерейных. В основе номинации растения лежат мотивировочные признаки – форма и внешний вид. Когда цветки данного растения опыляются, их пестики превращаются в длинные, узкие, сухие плоды, напоминающие зубцы гребешка Венеры.

2. Мифоним, ассоциирующийся с именем античного героя

Hyacinth (англ. *Hyacinth*), обычное садовое растение, является одним из самых трудных для ботанической идентификации растений в «Метаморфозах» Овидия. Согласно Овидию, алый гиацинт вырос из крови фаворита бога Аполлона, Гиацинта, красивого спартанского юноши, смертельно раненного отлетевшим диском. На лепестках этого растения был знак, напоминающий греческую надпись «ай, ай», в которой запечатлелось горе Аполлона по поводу кончины юноши. В основе номинации данного растения лежит мотивировочный признак – алый

цвет, который ассоциируется с кровью прекрасного юноши Гиацинта. *Commiphora myrrha* (англ. *Common Myrrh*), как и все ароматические вещества, мирра ассоциируется с Афродитой, богиней чувственности и любви. Смирна, прекрасная дочь ассирийского царя Фея, отказала всем своим многочисленным женихам, тем самым опозорив Афродиту и её роль в создании брачных союзов. Те, кто разгневали богов, всегда платили цену, и Смирна тоже. Для того чтобы отомстить, Афродита заставила Смирну влюбиться в собственного отца. В результате девушка борется с кровосмесительным желанием и тяжестью социальных табу. Смирна за свои грехи была обращена Афродитой в благовонное дерево. В основе номинации коммифоры мирровой лежит мотивировочный признак – внешний вид смолы, которая напоминает слёзы Мирры. *Artemisia* (англ. *wormwood*), полынь, ассоциируется с царицей Артемизией Галикарнасской, которая сражалась на стороне персидского царя Ксеркса в пятом веке до н. э. Этимология названия растения может быть связана с этой могущественной женщиной-воительницей. Артемизия известна в истории своей необычайной скорбью по поводу смерти мужа Мавсола. Согласно содержанию мифа, она подмешивала его прах в ежедневный напиток и постепенно чахла в течение двух лет, на которые она его пережила. Очевидно, что символическое значение вдовства и печали лежит в основе номинации данного растения и служит мотивировочным признаком. *Tillandsia caput-medusae* (англ. *Bromeliad*), Тилландсия «Голова медузы», вид однодольных растений рода Тилландсия (*Tillandsia*) семейства Бромелиевых (*Bromeliaceae*). У большинства представителей данного семейства листья толстые, ксероморфные, с завернутыми краями, густо покрыты чешуями, часто перекрученные. В основе номинации растения лежат мотивировочные признаки – форма и внешний вид. Когда это растение вырастает и созревает, то оно висит вниз

головой, как голова Горгоны, свисающая с пояса Персея.

3. Мифоним, связанный с античным географическим названием

Nyssa (англ. *Tupelo*), крупное листопадное дерево, происходит от названия гористой местности Нисы (древн. греч. *Nύσα*), где воспитывался молодой бог Дионис. Гомер в «Илиаде» упомянул место Нисейон, где Диониса воспитали нимфы Нисейды. В основе номинации данного растения лежит мотивировочный признак – место произрастания растения. *Oenone* (англ. *Podosome*), растение, которое можно встретить в водах с сильным течением – водопадах и реках. Его название происходит от древнего названия острова Энона, который позже был назван в честь Эгины, дочери речного бога Асопа. В основе номинации данного растения лежит мотивировочный признак – место локализации растения. *Heliconia* (англ. *Lobster claw plant*) – род травянистых растений семейства геликониевых. Это большие, часто громоздкие травы, которые растут в глубокой тени или проникают в промежутки после того, как большие деревья с кронами падают после штормов или землетрясений. Цветки геликонии – эфемеры, но их прицветники держатся на растении дольше. Они часто окрашены в контрастные оттенки жёлтого или алого цвета. Этимология данного растения связана с названием горы Геликон. Музы в древнегреческой мифологии предпочитали высокие горы. Особенно музам нравилась гора Геликон, где у муз был храм. В этом храме музы занимались танцами и пением. В основе номинации данного растения лежит мотивировочный признак – место произрастания растения.

В результате метода сплошной выборки было установлено, что чаще всего античный миф актуализируется в номинации растений с помощью таких мотивировочных признаков, как форма и внешний вид (35%) и цвет (32%), реже всего с помощью такого мотивировочного признака, как место локализации (13%) (см. рис. 1).

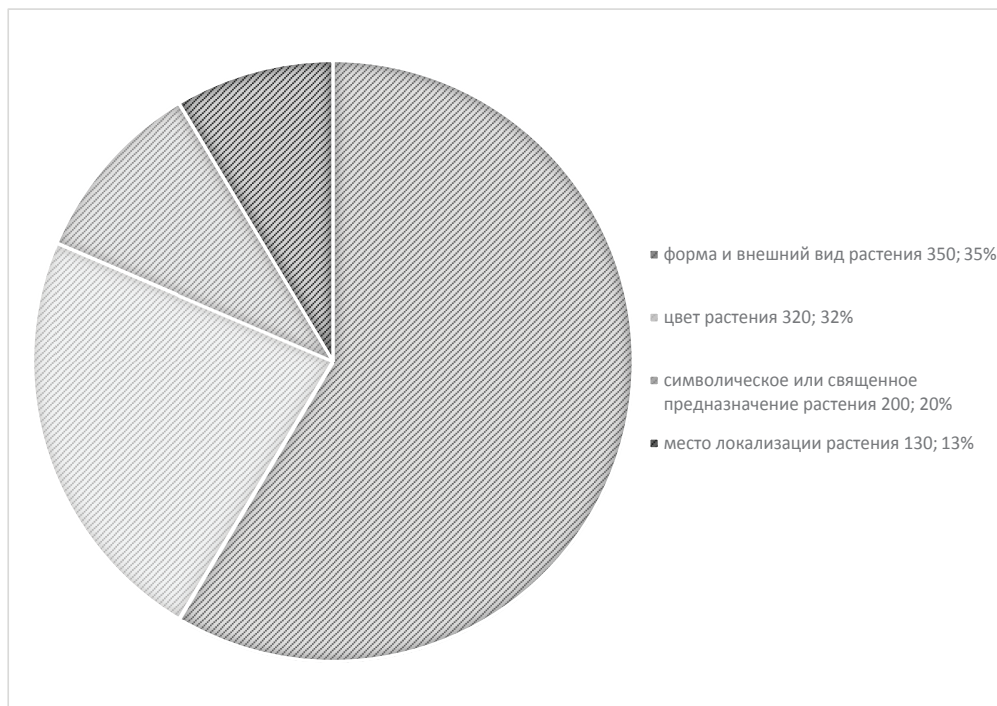

Рис. 1 / Fig. 1. Количественное и процентное соотношение мотивировочных признаков, активизирующих античный миф в номинации лекарственных трав / Quantitative and percentage ratio of motivational signs that activate the ancient myth in the nomination of medicinal herbs

Источник: составлено автором

Высокая частотность использования таких мотивировочных признаков, как форма, внешний вид и цвет в процессе именования лекарственных растений с помощью соответствующей языковой единицы эксплицируется сходством лекарственных растений либо с мифологическими персонажами, либо с мифологическим сюжетом. Что касается использования такого мотивировочного признака, как символическое или священное предназначение, то в данном случае акцентируется символизм растения в определённой лингвокультуре. Относительно использования такого мотивировочного признака, как локализация, связанного с античным географическим названием, необходимо отметить, что подчёркиваются особенности места и условия произрастания растения.

Выводы

Античный миф актуализируется в номинации лекарственного растения с помощью различных типов мифонимов, которые участвуют в семиотизации мифологемы. Мифоним в номинации растения усиливает образность, развивает сюжетность, инициирует коммуникантов на креативную доработку образа. Мифоним как антропонимический код культуры характеризуется различными признаками, которые способствуют реализации античного мифа в номинации лекарственного растения.

В основе мотивировки мифологических номинаций растений лежат разные признаки растений: форма, внешний вид, цвет, символическое или священное предназначение и место локализации. Самыми частотными из них являются форма и внешний вид растения. Данные

признаки отражают экстралингвистические знания представителей лингвокультурного сообщества об окружающем растительном мире. Большинство мифологических номинаций лекарственных растений обладают легко восстанавли-

ваемой прозрачной внутренней формой, которая хранит в себе образы античной мифологии.

Дата поступления в редакцию 27.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
2. Бурова Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 48 с.
3. Владимирова Т. Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 161–174. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.
4. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2021. 400 с.
5. Кучешева И. Л. Лингвокультурная специфика терминов-мифонимов (на материале английского языка) // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 152–154.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2021. 448 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.
8. Сапожникова Л. М. Когнитивный ореол античных мифонимов в русской и немецкой лингвокультурах // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 36. Тверь: Тверской гос. университет, 2016. С. 123–130.
9. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
10. Трафименкова Т. А. Номенклатурные номинации растений в мотивационно-этимологическом аспекте // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 311–314.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2017. 235 с.

REFERENCES

1. Berezovich Ye. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskiye issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p.
2. Burova G. P. *Farmatsevticheskiy diskurs kak kul'turnyy kod: semioticheskiye, pragmaticheskiye i kontseptual'nyye osnovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pharmaceutical discourse as a cultural code: semiotic, pragmatic and conceptual foundations: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Stavropol, 2008. 48 p.
3. Vladimirova T. E. [Semantic continuum of myth]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 161–174. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.
4. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: anthroponymic code of culture]. Moscow, Lenand Publ., 2021. 400 p.
5. Kucheshcheva I. L. [Linguistic culture peculiarity of terms-mythonyms (on the material of English language)]. In: *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2012, no. 5 (112), pp. 152–154.
6. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, AST Publ., 2021. 448 p.
7. Meletinskiy Ye. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 480 p.
8. Sapozhnikova L. M. [Cognitive aura of ancient mythonyms in the Russian and German linguacultures]. In: *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty. Vyp. 36* [Foreign languages: linguistic and methodological aspects. Iss. 36]. Tver, Tver State University Publ., 2016, pp. 123–130.
9. Teliya V. N. [Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, pp. 13–24.

10. Trafimenkova T. A. [The nomenclature nominations of plants in motivational and etymological aspect]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2015, no. 2, pp. 311–314.
11. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moscow, Akademicheskiy proyekt Publ., 2017. 235 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета;
e-mail: pretty.step@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Stepanova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University;
e-mail: pretty.step@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова Е. С. Репрезентация античного мифа в названиях лекарственных растений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 100–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-100-108

FOR CITATION

Stepanova E. S. Representation of the ancient myth in the nomination of medicinal plants. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 100–108.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-100-108

УДК 82-1/-9:316.776

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-109-117

ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Цепелева А. Н.

Московский государственный областной педагогический университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются литературно-художественные тексты на английском и французском языках, содержащие специальную лексику, с целью определения их жанрового статуса, а также выявления особенностей приёмов межкультурной передачи.

Процедура и методы. В работе используется комплексная методика в рамках сравнительно-сопоставительного метода как общего направления исследования: описательный метод, основанный на наблюдении и анализе иллюстративного материала; сопоставительный метод для сравнения элементов исходного и переводного текстов; общие и специальные лингвистические методы – семантический и контекстуальный анализ при анализе текстового окружения исследуемой лексики; компонентный анализ при толковании актуализированных и контекстных смыслов; социологические приёмы – приём нормативно-стилевых характеристик, указывающих на национальную (социальную) принадлежность; лингвокультурная характеристика как отражение внеязыковой действительности на этапе интерпретации текста переводчиком.

Результаты. Уточнено понятие литературного жанра, коррелирующего с понятием художественного стиля. Жанр романа характеризуется соответственно его принадлежности к литературному роду, способу построения художественного образа, объёму и сложности сюжетной линии произведения. Поджанры выделяются на тематической основе. Главной отличительной чертой поджанра можно считать наличие пласта тематически маркированной лексики. В исследуемом романе Ж. Кесселя “Le lion” («Лев») лексика этнографической тематики отражает реалии кенийского природного парка, способствуя созданию эффекта причастности читателя к конфликту внутритекстовых событий. По этому параметру исследуемый в статье текст может быть отнесён к сложному поджанру тематически маркированной литературы приключений.

Теоретическая значимость результатов исследования статьи исследования состоит в уточнении и соотношении понятий жанр/поджанр и выявлении статусной характеристики тематически маркированного литературно-художественного текста. **Практическая значимость** состоит в возможности использовать полученные результаты и обработанный фактический материал исследования в преподавании практики и теоретических дисциплин по переводу, культурологии английского, французского языков на разных уровнях обучения.

Ключевые слова: художественная литература, жанр, общелитературный язык, специальная лексика, информативно-фактуальный компонент, тематическая маркированность, лингвокультурная характеристика

GENRE CHARACTERISTICS OF THEMATICALLY MARKED LITERARY AND ARTISTIC TEXTS

A. Tsepeleva

Moscow Region State Pedagogical University

ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To review literary and artistic texts in English and French, containing special vocabulary, in order to determine their genre status, as well as to identify the features of interlingual transmission techniques.

Methodology. The work uses a complex methodology within the framework of the comparative method as a general area of research: a descriptive method based on observation and analysis of illustrative material; comparative method for comparing elements of source and translated texts; general and special linguistic methods – semantic and contextual analysis in the analysis of the text environment of the studied vocabulary; component analysis in the interpretation of actualized and contextual meanings; sociological techniques – normative and stylistic characteristics, indicating national (social) affiliation; linguistic and cultural characteristics as a reflection of extralinguistic reality at the stage of text interpretation by a translator.

Results. The notion of literary genre, which correlates with the notion of artistic style, has been clarified. The genre of the novel is characterized according to its belonging to the literary genre, the method of constructing the artistic image, the volume and complexity of the storyline of the work. Subgenres are distinguished on a thematic basis. The presence of a layer of thematically marked vocabulary can be considered as the main distinguishing feature of the subgenre. In the novel by J. Kessel under study “Le lion” (“The Lion”), the vocabulary of ethnographic themes reflects the realities of the Kenyan natural park, contributing to the reader's involvement in the conflict of intertextual events effect creation. According to this parameter, the text studied in the article can be attributed to a complex subgenre of thematically marked adventure literature.

Research implications. The theoretical significance of the results of the study is in clarification and correlation of the concepts of genre/subgenre and identification of the status characteristics of thematically marked literary and artistic texts. The practical significance lies in use of the results obtained and the processed factual material in teaching practice and theoretical disciplines in translation, cultural studies of English and French at different levels of education.

Keywords: fiction, genre, general literary language, special vocabulary, informative and factual component, thematic marking, linguocultural characteristics

Введение

В рамках общей проблемы жанра реалистического романа [12] в статье проведён сопоставительный анализ лексики современного французского романа “Le lion”¹ и его перевода на английский язык “The lion”². Сюжет романа основан на реальных событиях, происходивших в се-

редине прошлого века в национальном природном парке Кении, описываемых от лица автора. Соответственно, в тексте романа содержится пласт специальной лексики, представляющей животный и растительный мир Африки, а также национальные особенности быта местных племён. Перевод данной лексики требует от переводчика не только знания иностранного языка, но и владения профессиональными знаниями в этих областях лингвокультурного пространства [13].

¹ Kessel J. Le lion. Paris: Editions Gallimard, 1958. 250 p. Далее – Le lion.

² Kessel J. The lion / transl. from French by Peter Green. New York: Alfred A. Knopf, 1959. 244 p. Далее – The lion.

Актуальность исследования определяется тем, что выявление особенностей лексического состава тематически маркированного художественного текста способствует решению вопроса о его жанровой квалификации и включении в жанровый перечень наряду с сагой, ЖЗЛ, автобиографическим, женским, историческим романом и пр.

Научная новизна состоит в том, что при определении спорного вопроса жанровой принадлежности используется лингвокультурологическая характеристика исходного текста для выявления сходств и различий лингвокультурных пространств сопоставляемых языков. Впервые вопрос жанровой принадлежности решается с использованием методики сравнительно-сопоставительного анализа (в том числе лингвокультурных пространств).

Цель исследования состоит в составлении квалификационной жанровой характеристики тематически маркированного художественного текста в сопоставлении двух языков.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- уточнить понятия литературного жанра/поджанра;
- выявить значимость лексического состава тематически маркированных исследуемых художественных текстов для определения их жанровой принадлежности;
- подтвердить необходимость учёта специальной информации для достижения адекватности перевода исследуемых текстов.

В работе используется комплексная методика в рамках сравнительно-сопоставительного метода как общего направления исследования: описательный метод, основанный на наблюдении и анализе иллюстративного материала; сопоставительный метод для сравнения элементов исходного и переводного текстов; общие и специальные лингвистические методы – семантический и контекстуальный анализ при анализе текстового окружения

исследуемой лексики; компонентный анализ при толковании актуализированных и контекстных смыслов; социологические приёмы – приём нормативно-стилевых характеристик, указывающий на национальную (социальную) принадлежность; лингвокультурная характеристика на этапе интерпретации текста переводчиком. Ориентация на оригинал и рассмотрение стоящей за ним ситуации образуют единое, неразрывное целое, в чём проявляется соотношение языковых и внеязыковых аспектов [11, с. 50].

Художественная литература характеризуется особым функциональным стилем [2; 6]. В действительности наблюдения над языком конкретных произведений свидетельствуют о его сложности и разнообразии: в художественной литературе используется не только функциональная разновидность литературного языка, но и элементы просторечия, диалектизмы, разновидности жаргонизмов, включая социальный и профессиональный жаргон, а также отраслевая терминология [5]. Отбор и использование языковых средств в художественном произведении подчиняется законам жанра, соответствующего эстетико-когнитивной функции, которая трансформирует все другие функции языка для решения задач, поставленных автором-писателем.

В понимании художественной литературы как вида искусства она сопоставима с другими видами искусства по такому параметру, как художественный стиль, определяемый как «... соотносимый с культурой сквозной принцип связи содержания и формы, придающий произведению внутреннюю цельность, общую тональность и колорит» [9]. Стиль формирует образную систему произведения, опирающуюся на выразительные средства, свойственные данной эпохе. Признаки и характерные черты художественного стиля словесности, следующие:

- форма и вид: письменные, в виде описания, повествования, монолога (диалога, полилога);

– сфера общения: словесно-художественное творчество;

– функция: единство коммуникативной и эстетической функций с целью воздействия на воображение, чувства и мысли человека;

– жанры: эпический, лирический, драматический.

К особенностям художественного стиля относятся следующие характеристики:

– авторская индивидуальность, непустимость стандарта и шаблона, образно-эмоциональная, субъективная сущность фактов, явлений; художественная форма текста содержательна и используется автором как форма имитации реальности;

– использование лексики и фразеологии других стилей (публицистического, научного и отраслевого, разговорного стилей, просторечия, диалектов);

– использование в большей степени, по сравнению с другими стилями, образительно выразительных лексических и синтаксических средств. По богатству, разнообразию и выразительным возможностям языковых средств художественный стиль стоит выше других стилей, считаясь наиболее полным выражением литературного языка [9].

В литературе, как и в других видах искусства, творческий успех определяется талантом автора, но зависит также от мастерства, умения использовать художественные средства «воспроизведения реальности в искусстве», от созвучия философско-эстетического кредо автора общественным настроениям и запросам. Эмотивно-эстетическая функция художественной литературы предполагает обязательное владение автором национальной языковой картиной мира.

Приведённая выше характеристика отражает такую специфику художественного текста, как креативный характер внутритекстовой действительности по отношению к внетекстовой реальности. В любом литературном жанре, включая

реалистическое направление, внутритекстовая действительность создана воображением и творческими усилиями автора, то есть представляет собой вымышленный мир. В этом вымышленном мире изображаемая действительность соотносится с реальной опосредованно, преломляясь через индивидуальное авторское восприятие, преобразуясь в соответствии с интенцией автора [8].

Результаты исследования

Соотношение понятий «жанр» / «поджанр»

В вопросе о литературных жанрах, история которого восходит к эллинской эпохе [1], до настоящего времени остаются спорные положения в связи с появлением новых видов и форм художественного стиля. Жанровая типология основана на разных принципах, при этом разделение прозаического / стихотворного видов текста – прозы и поэзии, основанное на признаке особой рифмованной, ритмически организованной речи поэтического текста, считается основным в жанровой типологии. В художественной литературе жанр определяется на основе следующих признаков:

Принадлежность произведения к литературному роду (который, в свою очередь, определяется преобладанием эстетического качества, например, сатирического, патетического, трагического).

Способ построения образа (документальность, символика, аллегория). Различаются жанры: эпический (роман, рассказ, героическая поэма), лирический (ода, элегия, стихотворение, песня), драматический (драма, комедия).

1. По принципу объёма произведения выделяются роман, повесть (рассказ, новелла).

2. По принципу формы восприятия адресатом (визуальное / аудиовизуальное) роман противопоставлен поэзии и пьесе (драме, трагедии, комедии). По мнению Л. Л. Нелюбина, жанровая диф-

ференциация текстов имеет решающее значение при выборе переводческой стратегии [7]. «Прежде всего переводчик должен сделать принципиальный выбор – сохранить ли конвенции исходного текста или заменить их конвенциями языка перевода»¹.

В настоящее время термин «поджанр» практически не используется в литературной критике и заменён термином «жанр» в конкретизированном понимании, например, в жанре детектива выделяются жанр женского детектива, любовного детектива, детектива-экшн и проч. В результате термин «жанр» приобрёл свойства полисемии и используется в широком и узком значениях. В нашей статье термин «жанр романа» обозначает родовое понятие, а «поджанр» – специализированный разряд при классификации романа.

Поджанры выделяются на разных принципах. Так, на тематической основе в жанре романа выделены среди многих других поджанр семейного романа (сага), исторического романа (и в этих рамках военно-исторический (документальный) роман), биографического романа (например, серия ЖЗЛ), поджанр научной фантастики (science-fiction), поджанр детектива; по гендерному признаку выделяется в особый жанр женский (любовный) роман; по возрастному признаку выделяется как поджанр приключенческая литература (для юношества) и сказка (для детей младшего возраста).

Вопрос о жанре тематически маркированного романа решается в статье на материале текста французского приключенческого романа «Le lion» в сопоставлении с его переводом на английский язык. Жанровые характеристики исследуемого текста определяют его как роман приключенческой литературы этнической тематики.

Маркированность фактуального компонента текста

Художественный текст представляет собой мир-fiction, в котором изображаемая действительность соотносится с реальной опосредованно, преломляясь через индивидуальное авторское восприятие, в соответствии с интенцией автора. Этот мир приближённо отражает объективную действительность в её реальном воплощении. В исследуемом тексте можно выделить содержательно-концептуальный и содержательно-фактуальный компоненты. Первый определяется как философское осмысление противостояния двух культур, находящихся на разных ступенях цивилизации [3]. Содержательно-фактуальный компонент текста представляет собой описание персонажей и действий, происходящих в Королевском парке Кении. Содержательно-фактуальная информация эксплицитна по своей сути, т. е. всегда выражена вербально. Единицы языка в этом случае обычно употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закреплённых за этими единицами социально-обусловленным опытом [4].

В тексте исследуемого романа, основанного на реальных событиях, содержательно-фактуальный компонент включает тематически маркированную лексику [10]. Автор детально, с подробностями, свидетельствующими о его знании предмета, описывает природу африканской саванны и её обитателей:

¹ См.: Жанровая дифференциация текстов // Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь; 3-е изд., перераб. М: Флинта: Наука, 2003. С. 54.

Французский язык

“*Le buffle* qui, devant nous, se roulait dans la vase liquide avait un caractère infernal. Le vieil *éléphant* aux défenses cassées aimait à s’amuser autant que le plus jeune de la horde. Mais sa grande *femelle*, d’un gris presque noir, celle qui en ce moment poussait de la trompe ses trompe ses petits vers l’eau, son goût de la propreté devenait une manie” [Le lion, p. 28].

Английский язык

“*The buffalo* we could see wallowing about in the water hole clearly had a chronically bad temper. *The old elephant* with worn, broken tusks enjoyed a romp as much as *the youngest of his great-grandchildren*; but his wife, a big, slate-gray creature, who was at the moment engaged in pushing her young down to the water with her trunk, had a sense of propriety that almost amounted to an obsession” [The Lion, p. 21].

Представление читателю этого «царства зверей» построено на контрасте: за описанием мощного буйвола, единственного, кто не страшится хищников, следует описание семейства слонов, демонстрирующих иерархию между членами семьи и заботу о воспитании подрастающего поколения. Противопоставляя красоту силе, автор описывает удивительно грациозных антилоп импала и зебр, поражающих воображение чёрно-белой полосатой раскраской:

Французский язык

“Parmi *les impalas* qui portaient sur chacun de leurs flancs dorés une flèche noire, et qui étaient les plus gracieuses *des antilopes*, et les plus promptes à l’effroi, Patricia montrait celles qui la recevaient sans crainte. Et chez les tout petits *bushbucks* aux cornes en vrille, et si courageux malgré leur fragilité, elle était l’amie des plus batailleurs. Dans les troupesaux *de zèbres*, il y en avait un, disait-elle, qu’elle avait vu échapper à un incendie de brousse. On le reconnaissait aux traces du feu, semées entre les rayures noires comme des tâches de rousseur” [Le lion, p. 28].

Английский язык

“I studied *the impalas*, who bore a black arrow-like marking on each golden flank, and who were the most elegant as well as the most easily alarmed of *the antelope* species. Patricia pointed out the ones who let her approach them without showing fear. Then there were the tiny *bush bucks*, with their spiraling horns, infinitely brave for all their fragile appearance: the toughest fighters among them accepted Patricia as a friend. Then she turned to *the zebras*. There was one, she told me, that she had seen escape from a bush fire. It could easily be identified by the burns and scorch marks that freckled its body between the black stripes” [The Lion, p. 21].

И снова контраст в представлении огромного носорога – воплощения устрашающей доисторической силы – и жирафов, преисполненных изяществом и элегантно-стью:

Французский язык

“Elle avait assisté à un combat de *rhinocéros*, et le *mâle énorme*, immobile à quelques pas de nous, sa corne dressée vers le ciel, comme un bloc de la préhistoire, avait été le vainqueur. Mais il gardait cette longue, profonde et affreuse cicatrice que l’on découvrait soudain quand s’envolait de son dos l’essaim tourbillonnant des blanches aigrettes qui lui servaient d’oiseaux pilotes. Et les *girafes* aussi avaient leur chronique, et les *grands gnous bossus*, et les adultes, et les petits, génération par génération. Jeux, luttes, migrations, amours” [Le lion, p. 27].

Английский язык

“She had once witnessed a *rhinoceros* fight: *the huge male* now standing a few yards away from us, horn in air, a granite chunk of prehistory, had been the victor. But the battle had left its mark on him, in the shape of a frightful scar, as deep as it was long. This scar suddenly became visible when the fluttering mass of white egrets who served him as tick-scavengers flew up off his back. *The giraffes* too had their private history, as did *the big hump-backed gnus*, old and young, generation after generation: a chronicle of frisking pleasures, grim struggles for supremacy, the vicissitudes of migration and rut- thing desire” [The Lion, p. 20].

В результате наблюдений над фактологическим материалом составлена тематическая классификация этно-лексики французского романа "Le lion" и его английского перевода "The lion", представленная на французском и английском языках с указанием средств перевода¹.

1. Животный мир Национального парка

Французский язык: les impalas, des antilopes, les bushbucks, les zèbres, rhinocéros, le mâle énorme, les girafes, les gnous bossus, le buffle, l'éléphant [Le lion, p. 27–28].

Английский язык: the impalas, the antelopes, the bush bucks, the zebras, the rhinoceros, the huge male, the giraffes, the hump-backed gnus, the buffalo, the elephant [The lion, p. 20–21]. При межъязыковой передаче лексики животного мира используются одни и те же термины-названия с незначительными вариациями, обусловленными правилами орфографии французского и английского языков: antilope / antelope, rhinocéros / rhinoceros, mâle / male, bushbuck / bush buck, zèbre / zebra, girafe / giraffe, gnou / gnu, buffle / buffalo, éléphant / elephant.

2. Растительный мир Национального парка

Французский язык: les fourrées, les collines, les taillis, les savannes de la Réserve [Le lion, p. 26–28].

Английский язык: the bush, the plains, the jungle, the savannahs of the Reserve [The lion, p. 26–28]. В переводе названий растений используется: словарный перевод – taillis/bush, colline/plain; интернационализмы с соответствующей данному языку орфографией – savanne/savannah; гипонимический перевод – fourrées/jungle.

3. Традиционное жилище

Французский язык: la hutte, le site pour le séjour [Le lion, p. 146].

Английский язык: the hut, the camping-site [The lion, p. 141]. В переводе названий жилища местных племён используются

словарные значения – hutte/hut, site pour le séjour/camping-site.

4. Названия местных племён

Французский язык: Embu, Wakamba, Kikouyou, Méru, Jalluo, Kipsigui, Moranes, Masai [Le lion, p. 82].

Английский язык: Embu, Wakamba, Kikuyu, Meru, Jalluo, Kipsigui, Moranes, Masai [The lion, p. 75]. В переводе названий местных племён используются автохтонные кальки в тексте оригинала и в переводном тексте с учётом правил французской и английской орфографии.

5. Имена местных жителей

Французский язык: Oriounga, Bogo, Kihoro, Ol'Kalou [Le lion, p. 133, 75, 74, 146].

Английский язык: Oriunga, Bogo, Kihoro, Ol'Kalu [The lion, p. 128, 70, 69, 141]. В переводе имён местных жителей используется калькирование как в оригинальном, так и в переводном текстах с учётом различий правил орфографии французского и английского языков.

В исследуемом романе драматургия сюжета основана на конфликте цивилизаций: традиционное убийство льва во время инициации юношей племени Масаи, с одной стороны, с другой – принципы и практика Национального парка, направленные на сохранение местной природы. Лексика этнографической тематики с акцентом на описание растительного и животного мира, отражая реалии жизни персонажей – сотрудников кенийского природного заповедника, способствует созданию эффекта причастности читателя к внутритекстовым событиям. По этому параметру исследуемый в статье текст приобретает черты документальности, характерные для эссе, записок путешественника. Акцентированная тематика фактологического компонента романа позволяет квалифицировать его как поджанр тематически маркированной приключенческой литературы.

Заключение

Для квалификационной жанровой характеристики исследуемого текста как

¹ См.: Aron P., Saint-Jacques D., Viala A. Le dictionnaire du Littéraire. Paris: Puf, 2002. 248 p.

цели статьи в рамках сравнительно-сопоставительного метода уточнено понятие литературного жанра, коррелирующего с понятием «художественный стиль», соответственно, жанр романа характеризуется принадлежностью произведения к литературному роду; способом построения образа; объёмом произведения и сложной сюжетной линией. По принципу формы восприятия адресатом роман противопоставлен поэзии и песне.

Поджанры выделяются на тематической основе. Главной отличительной чертой поджанра можно считать наличие пласта тематически маркированной лексики. Наличие этно-лексики (животный и растительный мир, быт коренных племён заповедника, имена собственные)

придаёт роману “Le lion” черты документальности, которые характерны для публицистики, например, записок путешественника. Учитывая эту особенность, роман Ж. Касселя “Le lion” можно отнести к приключенческой литературе этнической тематики.

Таким образом, в нашем исследовании на конкретном материале подтверждена необходимость учёта лингвокультурной характеристики текста на этапе его интерпретации переводчиком для понимания содержательно-фактуальной информации и в целом для достижения адекватности перевода.

Дата поступления в редакцию 28.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб: Азбука, 2000. 119 с.
2. Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И. Стилистика французского языка. М.: Флинта, 2021. 251 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования; изд. 5-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Епифанцева Н. Г. Особенности перевода художественной литературы с элементами отраслевой лексики // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практики перевода: материалы Всероссийской конференции. М.: МГОУ, 2019. С. 116–118.
5. Лиходкина И. А. Функциональные стили речи во французском и русском языках. М.: Эдитус, 2019. 182 с.
6. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 190 с.
7. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М.: Флинта; Наука, 2012. 216 с.
8. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус, 2019. 190 с.
9. Ортега-и-Гассиет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 640 с.
10. Цепелева А. Н. Особенности перевода на русский язык социокультурного компонента английских художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 163 с.
11. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
12. Bawarshi A. S., Reiff M. Jo. Genre: An Introduction in History, Theory, Research, and Pedagogy. Santa Barbara: Parlor Press, 2010. 278 p.
13. Chafe W. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 392 p.

REFERENCES

1. Aristotle. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 119 p.
2. Gavrilov L. A., Zaripov R. I. *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 251 p.
3. Galperin I. R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
4. Epifantseva N. G. [Peculiarities of translation of a literary text containing elements of a professional vocabulary]. In: *Aktual'nyye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoy kommunikatsii v teorii*

- i praktiki perevoda: materialy Vserossiyskoy konferentsii* [Actual problems of cultural linguistics and intercultural communication in the theory and practice of translation: materials of the All-Russian Conference]. Moscow, Moscow Region State University Edd. Office, 2019, pp. 116–118.
5. Likhodkina I. A. *Funktsional'nyye stili rechi vo frantsuzskom i russkom yazykakh* [Functional styles of speech in French and Russian]. Moscow, Editus Publ., 2019. 182 p.
 6. Mikhaylov N. N. *Teoriya khudozhestvennogo teksta* [Theory of artistic text]. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 190 p.
 7. Nelyubin L. L. *Vvedeniye v tekhniku perevoda (kognitivnyy teoretiko-pragmaticheskiy aspekt)* [Introduction to the technique of translation (cognitive theoretical and pragmatic aspect)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2012. 216 p.
 8. Ogneva E. A. *Kontsepty-dominanty kak informativnyye konstrukty tekstovykh mirov* [Dominant concepts as informative constructs of text worlds]. Moscow, Editus Publ., 2019. 190 p.
 9. Ortega y Gasset H. *Degumanizatsiya iskusstva* [Dehumanization of art]. Moscow, Raduga Publ., 1991. 640 p.
 10. Tsepeleva A. N. *Osobennosti perevoda na russkiy yazyk sotsiokul'turnogo komponenta angliyskikh khudozhestvennykh tekstov: dis. ... kand. filol. nauk* [Features of the translation into Russian of the socio-cultural component of English literary texts: PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 163 p.
 11. Shveytser A. D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation theory: Status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p.
 12. Bawarshi A. S., Reiff M. Jo. *Genre: An Introduction in History, Theory, Research, and Pedagogy*. Santa Barbara, Parlor Press, 2010. 278 p.
 13. Chafe W. *Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цепелева Алина Николаевна – аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: alishia2002@mail.ru; ORCID 0000-0001-7138-6818

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina N. Tsepeleva – Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: alishia2002@mail.ru; ORCID 0000-0001-7138-6818

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цепелева А. Н. Жанровая характеристика тематически маркированных литературно-художественных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-109-117

FOR CITATION

Tsepeleva A. N. Genre characteristics of thematically marked literary and artistic texts. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-109-117

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 811.133.1'373

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-118-124

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ ТЕРМИНОВ INTERDIT / INTERDICTION (ОГРАНИЧЕНИЕ, ЛИШЕНИЕ ПРАВА / ЗАПРЕТ) В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Евсеева М. В.

*Московский государственный областной педагогический университет
1414014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – разграничить понятия *interdit / interdiction* при анализе юридических текстов и нормативно-правовых актов, а также определить их особенности функционирования в узкопрофессиональном французском правовом дискурсе. Особенности юридического дискурса представляют наибольший интерес для исследования, так как в законах и правовых актах отражаются динамично развивающиеся жизненные реалии и явления в обществе.

Процедура и методы. Материалом для исследования послужили международные информационные ресурсы, тексты законов, статьи на французском языке, отобранные в результате сплошной выборки. При анализе фактического материала применялись описательный и сравнительно-сопоставительный методы с приёмами лингвистического наблюдения, сравнения и др.

Результаты. В результате проведённого исследования были выявлены различия и особенности функционирования терминов *interdit / interdiction* в юридических текстах французского языка в период 2018–2021 гг.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты исследования правовых понятий *interdit / interdiction* и их функционирования вносят вклад в теорию лингвистики, а также вместе с отобранным для исследования фактическим материалом могут использоваться в преподавании таких вузовских дисциплин, как «Лексикология французского языка», «Стилистика французского языка», «Практический курс французского языка» и др.

Ключевые слова: юридический дискурс, правовое пространство, императив, предписание, ограничение, запрет, запрещающий.

DIFFERENTIATION OF THE TERMS INTERDIT / INTERDICTION (RESTRICTION, DEPRIVATION OF THE RIGHT / PROHIBITION) IN THE CIVIL LAW OF MODERN FRENCH

M. Evseeva

Moscow Region State Pedagogical University

ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To distinguish the concepts of interdit/ interdiction in the analysis of legal texts and regulatory legal acts, as well as to determine their functioning features in the highly professional French legal discourse. The peculiarities of legal discourse are of the greatest interest for research, since laws and legal acts reflect dynamically developing life realities and phenomena in society.

Methodology. The material for the study was international information resources, law texts, articles in French selected through continuous sampling. Descriptive and comparative methods with the techniques of linguistic observation, comparison, etc. were used in the analysis of factual material.

Results. As a result of the conducted research, the differences and peculiarities of the functioning of the concepts interdit/ interdiction in the legal texts of the French language in the period 2018-2021 were revealed.

Research implications. The results obtained in the study of the legal concepts of interdit/ interdiction and their functioning contribute to the theory of linguistics, and combined with the factual material selected for the study can be used in teaching such university disciplines as “Lexicology of the French language”, “Stylistics of the French language”, “Practical course of the French language”, etc.

Keywords: legal discourse, legal space, imperative, prescription, restriction, prohibition, forbidding

Введение

Вопрос о языковой изменчивости составляет постоянное качество языка, которое можно считать центральным для характеристики его словарного состава [3].

Как отмечает В. А. Маслова, в процессе коммуникации вызывает интерес то обстоятельство, каким образом язык функционирует и как отражается языковая личность в языке [1]. Обращает на себя внимание тот факт, что обновление словарного состава языка имеет непрерывный характер, т. е. при любых условиях и событиях, язык постоянно развивается и совершенствуется. Эти изменения в составе языка приводят к лексическим инновациям [6].

Вопросу исследования французских неологизмов посвящены работы отечественных и зарубежных авторов, таких как: Т. В. Попова [2], И. В. Скуратов [3; 4], Н. М. Шанский [6], М. Бергерон [7],

Е. Бёпп [8], А. Дистер [9], В. Фердинанд [10], Хабибуллина Ф. Я. и Агачева С. В. [5] и др.

Чтобы законы оставались созвучными обществу, в котором функционируют, они должны развиваться не только по своему содержанию, но и терминологически. Неологизмы возникают, в основном, для описания новой реальности (например, “vapotage”¹ – курение электронной сигареты, “infonuaigique”² – облачная обработка данных, облачные технологии)

¹ Code de la santé publique: Chapitre III: Produits du vapotage (Articles L3513-1 à L3513-19) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072665/LEGISCTA000032549208/ (дата обращения: 23.02.2022).

² Guide de l'infonuaigique. Vol. 1 Notions fondamentales. Architecture d'entreprise gouvernementale 3.0 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tresor.gouv.qc.ca/fileadmin/PDF/ressources_informatives/architecture_entreprise_gouvernementale/AEG30_Infonuaigique_v1_accessible.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

или для обозначения реальности, которая уже существует, но не имеет точного названия (“covoiturage”¹ – совместная эксплуатация автомобиля двумя лицами или более).

Изучение федеральных законов подтверждает гипотезу о том, что повседневный язык развивается быстрее, чем язык законов. Некоторые слова, недавно введенные в словари французского языка, используются в прецедентном праве в качестве юридических терминов, но нигде в законодательстве не фигурируют.

Перевод юридических текстов имеет долгую историю, его истоки берут начало в античности. В условиях современной глобализации перевод юридических текстов необходим для выполнения своего важнейшего предназначения.

Лингвисты пришли к выводу о том, что добиться абсолютного эквивалента при переводе юридического текста невозможно. Как и любой перевод, перевод юридических текстов предполагает взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических знаний. Однако при рассмотрении деятельности юриста и переводчика можно установить, что у них общая задача – найти смысл выражения.

Специалисты в области права обогащают язык перевода, используя элементы анализа для решения практических задач. Так, многие авторы изучают лексику французского языка и отмечают сосуществование специализированных слов, юридических терминов (*l'antichrèse* – договор ипотеки) и общеупотребительной лексики (*la faute* – вина). Они также отмечают, что слова повседневного употребления, такие как: *le taux* (сумма налога) и *le plancher* (твердая земля), которые становятся специализированными после слияния в составное слово *le taux-*

plancher (осевший налог), обогащают словарный запас и приобретают, иногда, переносный смысл.

Следует отметить, что юридический перевод представляет собой не только перевод с одного языка на другой, но и из одной правовой системы в другую правовую систему. Исходя из того, что правовая система государств тоже является частью культуры изучаемого языка, необходимо учитывать существующую разницу в правовых системах исходного языка и языка перевода. Возможность правильно переводить юридическую лексику и понятия, с ней связанные, предполагает определённые знания о той действительности, в которой эта лексика функционирует.

Право – это один из главных регуляторов общественных отношений. Оно включает в себя определённый набор средств, приёмов и способов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование. Таким образом, к правовым средствам можно отнести запрет и ограничения. Несмотря на то, что данная правовая конструкция активно используется законодателем в различных отраслях права, доктринально данный вопрос мало исследован. Поэтому для эффективного осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности по вопросу установления и реализации запрета и ограничений в праве необходимо исследовать сущность и понятие ограничений в праве.

Во французском юридическом языке многие правовые нормы выражаются через конструкцию: “*il est interdit d' ... ou de ...*”, ещё чаще в правовых текстах используют слово: “*l'interdiction*”, в других нормативно-правовых актах эта лексика квалифицирует объект или запрещённое поведение (*qualification de l'objet ou du comportement “prohibé”*).

В первом случае за выражением следует глагол, поэтому речь идёт об ограничении поведения или действий; во втором – цель состоит в комплексе мер в

¹ Code des transports: Chapitre II: Covoiturage [Электронный ресурс]. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000039784386/#:~:text=Le%20covoiturage%20se%20d%C3%A9finit%20comme,effectue%20pour%20son%20propre%20compte.\(дата обращения: 17.02.2022\).](https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000039784386/#:~:text=Le%20covoiturage%20se%20d%C3%A9finit%20comme,effectue%20pour%20son%20propre%20compte.(дата%20обращения:17.02.2022).)

отношении кого-либо или чего-либо с целью запрета; в третьем – запрет определённых действий. Однако “interdit” имеет силу императива, а “interdiction” – форму предписания.

“Interdit” и “interdiction” (ограничение, лишение права / запрет)

В правовом словаре используется два широко распространённых термина “interdit” / “interdiction” (ограничение, лишение права / запрет) с общей корневой морфемой. Они не означают одно и то же и произносятся по-разному, это не синонимы. Их соответствующее использование в юридических текстах варьируется в зависимости от географических и временных параметров (территория, время, местность). Оба термина характеризуются тенденцией к выражению юридической силы: формировать поведение, позицию или ограничивать силу, деятельность; причём оба термина выражают юридическую ответственность в случае нарушения правовой нормы.

Вопрос дифференциации значения терминов «запрещено» и «запрещать» считается фундаментальным в области права, но он касается не только этих терминов. Приведём пример из Правил дорожного движения Франции.

*Article R. 313-33 du Code de la route: Tout cycle doit être muni d'un appareil avertisseur constitué par un timbre ou un grelot dont le son peut être entendu à 50 mètres au moins. L'emploi de tout autre signal sonore *est interdit*¹. (Статья 313-33 Правил дорожного движения: Каждый цикл должен быть оборудован сигнальным устройством, состоящим из колокола, звук которого слышен на расстоянии не менее 50 метров. Использование любого другого звукового сигнала *запрещено).

Запрет, выраженный пассивной формой “est interdit”, входит в составную часть формулы: “mesures d'interdiction”, объединяющую различные правила, содержащие запреты, обозначающие обязанности или налагающие обязательства. “L'interdit” создаёт две версии, две различные стороны одного и того же события, сказанного в данном пространстве, этот термин не проявляет себя в интерактивности. “L'interdit” используется, когда речь идёт о двух идентичных или похожих объектах или субъектах. В результате, определяя характеристики дилеммы в правовом пространстве, запрет выражает связь между порядком и свободой.

Запрет устанавливает уникальный и объединяющий принцип как основу морального или юридического препятствия. В когнитивном плане он расположен между двумя полюсами разделения и категоризации (bon / mauvais, gentil / méchant, licite / illicite – хороший / плохой, добрый / злой, законный / незаконный).

В любой ситуации в области права утверждение “il est interdit ...” имеет большую силу, чем отрицательная форма глагола: “ne ‘doit’ pas ...”. Глагол, оформленный отрицательными частицами “ne” и “pas”, выражает обязанность, неявно указывая на препятствия для предполагаемого действия (ne ‘doit’ pas). Отрицание в этом случае становится маркером социальной, культурной или правовой нормы в той мере, в какой оно выражает императив.

Приведём ещё пример для термина “interdit”:

*Article 8 du Code de la route: *Il est interdit de couper les éléments de colonnes militaires, de forces de police ou de cortège en marche*². (Статья 8 Правил дорожного движения: *Запрещается вклиниваться в воинские колонны, полицейские отряды или марширующие шествия).

Подобный запрет может относиться и к другому виду поведения или деятельности, например, в отношении коммерческой деятельности:

¹ См.: Code de la route. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legimonaco.mc/305/legismclois.nsf/Code/89A63B1845A13043C125773F002D8C0F!OpenDocument> (дата обращения: 27.02.2022). Далее – Code de la route.

² Code de la route.

*Article L. 3322-6 du Code de la santé publique: *Il est interdit aux marchands ambulants de vendre au détail, soit pour consommer sur place, soit pour emporter, des boissons des quatrième et cinquième groupes¹* (Статья L. 3322-6 Кодекса общественного здравоохранения: *Уличным торговцам запрещено продавать в розницу, потреблять на месте или брать с собой напитки четвертой и пятой групп). Такова сила того, что считается запрещённым. Запрещать – это больше, чем не позволять. Семантика “L’interdit” заключается в «запрете».

Когда запрет оформляется в виде определения, эта модель выражает менее жёсткие санкции (по сравнению с выражением “il est interdit de ...”):

*Article L. 120-1 du Code de la consommation “...les pratiques commerciales déloyales *sont interdites”²*. (Статья L. 120-1 Кодекса прав потребителей: «... недобросовестная деловая практика *запрещена»).

Запрет также может означать блокирование желания или склонности к действию, причины или мотивации поступать иначе, чем предписано; в этом случае глагол не всегда необходим: налагаемые санкции за неповиновение выражают юридический запрет.

Article R. 313-35 du Code de la route выражает запрет, не говоря об этом: *Le fait de détenir, d'utiliser, d'adapter, de placer, d'appliquer ou de transporter à un titre quelconque les timbres ou avertisseurs sonores spéciaux réservés aux véhicules d'intérêt général *est puni de l'amende prévue pour les contraventions de la quatrième classe³*. (Факт удержания, использования, адаптации, размещения, применения или транспортировки по

какой-либо причине специальных звуковых сигналов или предупреждающих устройств, предназначенных для транспортных средств, представляющих общий интерес, *наказывается за правонарушения четвёртой степени, предусматривающей штраф. Эти устройства могут быть изъяты и конфискованы).

Независимо от того, в какой сфере обнаружено нарушение закона: в спортивном мире или литературных кругах, в правовых рамках, – запрет неизменно вписывается как часть закона: *Ces dispositifs peuvent être saisis et confisqués⁴* (Эти устройства могут быть изъяты и конфискованы). Угроза санкции подразумевает приговор, сами санкции, что предполагает ту же степень запрета, что и исключение путём осуждения (bannissement, emprisonnement, internement), а также введение ответственности путём так называемой «стигматизации».

Во многих правовых нормах терминологическое выражение “il est interdit de ...” стало профессиональным клише. В то же время термин “l’interdiction” является более популярным для квалификации запрещённого объекта или поведения. “L’interdit” имеет силу императива, а “l’interdiction” форму предписания.

Если запрет предполагает постоянный самоконтроль или ответственность за другого, т. е. требует постоянного контроля над собой или другим лицом в его отношении в социуме и к окружающему миру, то он подразумевает наказание за проступок. Запрет структурирует корреляцию отношений, констатирует «точку разрыва» в социальной сфере и правовом пространстве. Интервал между социальной сферой и правовым пространством имеет существенное значение для социума и определяет «культуру». Отметим также, что табу и запрет не выполняют одинаковую функцию.

¹ Article L3322-6 – Code de la santé publique [Электронный ресурс] // Légifrance: [сайт]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006688002 (дата обращения: 02.03.2022).

² Article L120-1 (abrogé) – Code de la consommation [Электронный ресурс] // Légifrance: [сайт]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000019293646/2021-09-10/ (дата обращения: 02.03.2022).

³ Code de la route.

⁴ Presentation de l'AGRASC [Электронный ресурс] // Ministère de la Justice: [сайт]. URL: <http://www.justice.gouv.fr/justice-penale-11330/agrasc-12207/> (дата обращения: 04.03.2022).

Заключение

В результате проведённого исследования следует заключить, что перевод правовых документов требует особенного внимания, поскольку он главным образом основывается на абстрактных понятиях, прочно укоренившихся в отечественной культуре, и влечёт за собой переход из одной линвокультуры в другую.

Кроме того, понятия “interdit” и “interdiction” имеют разные значения в зависимости от времени, места, пространства.

Эти два слова происходят от одного и того же глагола «запрещать», однако они не являются ни эквивалентами, ни синонимами.

Термин “interdiction” неизменно является общим существительным, которое может склоняться в единственном или во множественном числе; слово “interdit”,

с другой стороны, можно понимать по-разному: по отношению к глаголу, спрягаемому от настоящего изъявительного наклонения до несовершенного сослагательного наклонения, как уточняющее, аппозитивное или отглагольное прилагательное и как общее существительное.

Таким образом, термин “interdiction” в смысловом отношении выражает более общее понятие и может быть оформлен как в единственном, так и во множественном числе. Термин “interdit” используется в форме настоящего времени изъявительного наклонения и в форме несовершенного вида сослагательного наклонения, а также в функции уточняющего определения, приложения или отглагольного существительного, и даже самого существительного.

Дата поступления в редакцию 25.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 264 с.
2. Попова Т. В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. 96 с.
3. Скуратов И. В. К вопросу об интерпретации неологизмов (на материале французского языка) // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина): сборник материалов Международной конференции (г. Москва, 20 апреля 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 25–27.
4. Скуратов И. В. Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография: на франц. яз.; 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 154 с.
5. Хабибуллина Ф. Я., Агачева С. В. Неологизмы в современной европейской политической лексикографии (на материале немецкого и французского языков) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 3 (35). С. 431–443. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-431-443.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 423 с.
7. Bergeron M.-A. Féminiser la langue pour faire apparaître les femmes // Relations. 2014. No. 775. P. 38–39.
8. Burr E. Gender and language politiques in France // Gender Across languages: The Linguistic Representation of Women and Men. Vol. 3 / eds. M. Hellinger, H. Bußmann. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 119–139.
9. Dister A. De l’ambassadrice à la youtubeuse: ce que disent les dictionnaires de référence sur le féminin des noms d’agent // Revue de Sémantique et de Pragmatique. 2017. No. 41–42. P. 41–58. DOI: 10.4000/rsp.457.
10. Faneau de la Cour (Ferdinand-Valère). Du féminisme et de l’infantilisme chez les tuberculeux : Thèse de médecine de Paris no. 1. Paris: Imp. A. Parent, 1871. 49 p.

REFERENCES

1. Maslova V. A. *Sovremennyye napravleniya v lingvistike* [Modern trends in linguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 264 p.
2. Popova T. V. *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian Neology and Neography]. Yekaterinburg, Ural State Technical University Publ., 2005. 96 p.
3. Skuratov I. V. [The problem of neologisms interpretation (on the basis of the French language)]. In: *Aktual'nyye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, literaturovedeniya, leksikografii, teorii i praktiki obucheniya inostrannym yazykam (k yubileyu Dzh. R. R. Tolkina)* [Actual problems of linguistics, translation studies, literary criticism, lexicography, theory and practice of teaching foreign languages (on the anniversary of J. R. R. Tolkien)]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2017, pp. 25–27.
4. Skuratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow, Moscow Region State University publ., 2021. 154 p.
5. Khabibullina F. Ya., Agacheva S. V. [Neologisms In Modern European Political Lexicography (On The Material Of German And French)]. In : *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2019, vol. 13, no. 3 (35), pp. 431–443. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-431-443.
6. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye publ., 1964. 423 p.
7. Bergeron M.-A. Féminiser la langue pour faire apparaître les femmes. In: *Relations*, 2014, no. 775, pp. 38–39.
8. Burr E. Gender and language politiques in France. In: Hellinger M., Bußmann H., eds. *Gender Across languages: The Linguistic Representation of Women and Men. Vol. 3*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2001, pp. 119–139.
9. Dister A. De l'ambassadrice à la youtubeuse: ce que disent les dictionnaires de référence sur le féminin des noms d'agent. In: *Revue de Sémantique et de Pragmatique*, 2017, no. 41–42, pp. 41–58. DOI: 10.4000/rsp.457.
10. Faneau de la Cour (Ferdinand-Valère). *Du féminisme et de l'infantilisme chez les tuberculeux : Thèse de médecine de Paris no. 1*. Paris, Imp. A. Parent, 1871. 49 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евсеева Мария Владимировна – аспирант кафедры романской филологии Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: evseewamaria@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia V. Evseeva – Postgraduate student, Department of Romance Philology, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: evseewamaria@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евсеева М. В. Разграничение понятий терминов interdit / interdiction (ограничение, лишение права / запрет) в гражданском праве современного французского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 118–124.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-118-124

FOR CITATION

Evseeva M. V. Differentiation of the terms interdit / interdiction (restriction, deprivation of the right / prohibition) in the civil law of modern French. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 118–124.
DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-118-124

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРАГМАТИКА И ДИСКУРС (СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ)

Скуратов И. В.

Московский государственный областной педагогический университет
141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл., Российская Федерация

THE ROMANCE LANGUAGES: PRAGMATICS AND DISCOURSE (MODES OF EXPRESSION AND CONTENTS)

I. V. Skuratov

Moscow Region State Pedagogical University
ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

28–29 июня 2022 года в Московском государственном областном университете проходила VIII Международная научная конференция «Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержание)».

Как говорил Пётр Вяземский:

*«Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной»*

На конференции были рассмотрены актуальные вопросы романских языков с позиций прагматики и дискурса, сделан акцент на современные подходы к изучению лексики, фонологии, фонетики, орфографии, неологии и неографии, социолингвистики, контрастивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, а также затронута роль интеграционных процессов, связанных с использованием

новых информационно-коммуникационных технологий в преподавании романских языков.

В работе конференции приняли участие известные отечественные учёные-романисты, а также зарубежные коллеги из Франции, Швейцарии, Бразилии.

На пленарном заседании были представлены доклады гостей из дальнего зарубежья. Гостья из Бразилии, госпожа **Рита де Кассиа Пайва** затронула проблему преподавания иностранного языка для социально уязвимой молодёжи на примере двуязычного проекта ГУАМА, суть которого заключается в том, что наряду с обучением гражданственности / критической грамотности учащимся предлагаются уроки испанского с влиянием американского языка и культуры, что, по мнению автора, поможет молодым людям выйти на рынок труда.

Выступление научного сотрудника Лингвистического Центра имени Люсьена Теньера (Безансон, Франция) гражданина

Швейцарии **Ивона Борде** было посвящено истории преподавания французского языка с древности до наших дней.

Известный французский учёный **Армель-Жак Андриё** посвятила своё сообщение связи лингвистики с нейрофизиологией, а также новому подходу к овладению динамическими функциями языковой коммуникации.

Доклады отечественных учёных-романистов имели экспрессивный и прагматический эффект, оказывающий воздействие на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы личности носителя языка. Так, профессор **Бойчук Е. И.** познакомила слушателей с ритмической структурой текста, который позволяет отразить наиболее яркие акценты в речи на примере обращений президента Франции Э. Макрона к нации.

Доктор педагогических наук, профессор **Григорьева Е. Я.** представила цивилизационные символы Франции в лингвокультурологическом значении.

Профессор **Епифанцева Н. Г.** сосредоточила внимание участников конференции на определении частеречного статуса междометия во французском языке.

Доктор филологических наук, профессор **Загряжская Т. Ю.** осветила вопрос, касающийся проявления фактора *hybridité* / гибридность в пространстве языка и культуры.

Профессор **Овчинникова Г. В.** посвятила своё выступление развитию теории Н. М. Васильевой о диалогических единствах, что послужило отправной точкой для исследования интеракций и межкультурного взаимодействия на примере переводного произведения Л. Н. Толстого «Детство» на французский язык.

В сообщении профессора **Рыжовой Л. П.** были рассмотрены некоторые грамматические формы французского языка, прагматические характеристики которых выявляются в контексте их использования.

Доклад заведующего кафедрой романской филологии, доктора филологических

наук, профессора **Скуратова И. В.** затронул проблему креативности, которая является универсальной для языка человека и способствует подготовке профессионала к самостоятельному мышлению и развитию навыков в сфере языка и культуры.

Доктор филологических наук **Туницкая Е. Л.** остановилась на академическом правовом дискурсе и специфике употребления союза *si* в данном дискурсе, где он широко используется при аргументации в периферийном значении.

Профессор **Фененко Н. А.** проанализировала реалии-регионализмы, обозначающие предметы традиционной народной одежды Центрально-Черноземного региона России, и особенности их реноминации в процессе перевода на французский язык.

Профессор **Цыбова И. А.** сконцентрировала внимание участников международной конференции на заимствованиях из английского языка в романских языках.

Доктор исторических наук **Баринова И. К.** поделилась новыми понятиями в современной французской лексикографии.

Доктор педагогических наук **Кашук С. М.** продемонстрировала инновационный подход к рассмотрению термина «коммуникация» в рамках обучения иностранным языкам.

Состоявшаяся конференция подтвердила мысль о том, что прагматические исследования основаны на традициях, сложившихся в конкретном национально-территориальном пространстве, что, безусловно, предопределяет национально-специфические особенности лингвистической прагматики. Исследования дискурса как особой категории основываются на ключевых значениях французской научной традиции, связанной с М. Фуко, Ж. Ж. Лаканом, М. Пешё, П. Серрио и выражающейся в политико-идеологическом, историческом и социокультурном аспектах. Дискурсивный анализ отражает общие процессы и тенденции коммуникативно-речевой деятельности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: iv.skuratov@mgou.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Romance Philology, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: iv.skuratov@mgou.ru;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Скуратов И. В. Романские языки: прагматика и дискурс (способы выражения и содержание) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 125–127.

FOR CITATION

Skuratov I. V. The romance languages: pragmatics and discourse (modes of expression and contents). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 125–127.

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ИЛИМК МГОПУ, 2 ДЕКАБРЯ 2022 Г.)

Абрамова Е. И., Шабанова В. П.

*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

VARIATION IN LANGUAGE AND CULTURE. MODERN PROBLEMS (ABOUT THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE, INSTITUTE OF LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION, MOSCOW REGION STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, DECEMBER 2, 2022)

E. Abramova, V. Shabanova

*Moscow Region State Pedagogical University
ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Научное мероприятие, состоявшееся в Институте лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного педагогического университета, было посвящено проблемам вариативности в языке и культуре. Организатором конференции выступила кафедра английской филологии. Авторами идеи и вдохновителями научного мероприятия стали профессор кафедры английской филологии МГОПУ В. В. Ощепкова и профессор МГУ З. Г. Прошина. По результатам конференции к публикации готовится сборник материалов, где будут рассмотрены различные аспекты вариативности на разных языковых уровнях.

На пленарном заседании и секциях выступили специалисты из городов Российской Федерации и зарубежных стран: Москва, Тверь, Ульяновск, Витебск, Гродно, Печ, Тирасполь, Сувалки. Всего в конференции приняли участие 55 человек из четырёх стран (Россия, Беларусь, Венгрия, Приднестровье).

Отметим высокий уровень научного статуса участников конференции, среди которых 8 докторов наук, 20 кандидатов наук. Активное участие в работе конференции приняли аспиранты, магистранты и студенты бакалавриата – 14 человек.

Высокий научный уровень обсуждения проблемы вариативности был задан на пленарном заседании, на котором с интересными докладами выступили профессор З. Г. Прошина, В. Н. Базылев, А. А. Боронин, С. В. Гринёв-Гриневи́ч и Э. А., Сорокина, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Л. А. Телегин, доценты Р. Савова и Е. М. Масленникова. Выступление В. Н. Базылева было посвящено философским вопросам отечественного языкознания (1922–2022), в котором вариативность рассматривается как один из факторов языкового развития.

Профессор С. В. Гринев-Гриневи́ч и профессор Э. А. Сорокина подчеркнули, что понятие «вариативность» является общефилософским проблемным понятием, обусловленным разнообразием всех объектов изучаемого мира. Вариативность в языке стремится отразить физическую вариативность окружающего нас материаль-

ного мира и имеет в каждом национальном языке свои особенности, связанные с национальным менталитетом, характером, нормами языкового строительства, национальными особенностями формирования и развития. Особое внимание в выступлении было уделено вариативности в отраслевом профессиональном языке (ЯСЦ) как отражению исторического развития отрасли и результату контактирования отрасли со смежными отраслями, другими словами, отражению коллективного профессионального и индивидуального типов мышления.

В пленарном докладе профессора МГУ З. Г. Прошиной, одного из вдохновителей конференции, речь шла о лингвометодической парадигме *World Englishes Paradigm*, связанной с глобальным распространением английского языка в мире и его диверсификацией. Докладчик отметил дистинктивные признаки вариантов английского языка, которые опираются на свои лингвокультуры, отражающие менталитет и картину мира их пользователей.

Выступление профессора Л. А. Телегина и старшего преподавателя Д. А. Телегиной было посвящено языковой вариативности как объективному свойству языковой системы, затрагивающей все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане выражения и плане содержания. Вариативность – это форма существования языковых единиц. Авторы исследовали воздействие различных факторов вариативности, таких как метатеза, усечение структуры, чередование и расщепление звуков, на семантически схожие слова разных языков.

Е. М. Масленникова посвятила своё выступление проблеме открытости текста для интерпретации и особенностям получения читательской проекции текста. Докладчица подчеркнула, что принципиальная языковая вариативность делает возможным сохранение инвариантного смысла оригинала разными средствами переводящего языка. Однако при

несоответствии (несовпадении) моделей мира у автора и у читателя коммуникация является неполноценной.

Большой интерес у исследователей вызывает феномен вариативности в дискурсе и в коммуникации. Профессор В. И. Карасик на пленарном заседании рассмотрел дискурсивные векторы языковой вариативности. Пленарный доклад профессора А. А. Боронина был посвящён онтологической инвариантности в вербальной коммуникации в рамках лингвистического подхода. Докладчик акцентировал, что словесная коммуникация, реализующаяся в разнообразных деятельностных контекстах в рамках гетерогенной семиотической среды, представляет собой комбинации из значимых лакун и семантических единиц лингвистического характера. А. А. Боронин выдвигает гипотезу о характере взаимодействия двух базовых дискурсивных категорий, лежащих в основе вербальной коммуникации.

На секционных заседаниях тему дискурса продолжил А. Б. Алексеев. Он рассмотрел различные критерии выделения дискурсивных пространств и отметил, что существует точка зрения, согласно которой, есть только национальный дискурс, а остальные виды дискурса являются его вариациями. А. Б. Алексеев фокусируется на одном виде дискурса – политейнмент, который является гибридной формой, поскольку в современной ситуации категоризация дискурсивных практик затруднена. Л. Н. Великова в своём выступлении рассмотрела письменные варианты институционального таможенного дискурса и предложила авторскую типологию англоязычного таможенного дискурса. Докладчица подчеркнула, что выявленные варианты таможенного дискурса представляют собой гибриды, контаминированные элементами «сопряжённых» дискурсов. В докладе Н. В. Башкатовой отмечается, что масс-медийная сфера формируется различными видами дискурсов, например:

официально-деловым, художественным, религиозным, справочным, научным, и, конечно же, разговорным. Автор проанализировала границы сверхкоротких текстов разговорного дискурса и их интеграцию в масс-медиаальное пространство. Е. Г. Иванова, Т. А. Кобзина и Н. А. Скитина в своём выступлении проследили, за счёт каких языковых средств происходит искажение медиасобытия, что приводит к двусмысленности в медиадискурсе. Доклад В. С. Забабуркиной посвящён вариативности репрезентации гендера в мейнстримном американском мультипликационном дискурсе, который, по мнению автора, достигается лингвистическими средствами при допущении бинарного подхода к гендеру как социальной категории и семиотическими экстралингвистическими средствами для конструирования гендера.

Вариативность присутствует на всех уровнях языковой системы, на лексическом и грамматическом. В ряде докладов анализировались варианты онимов. Доклад Е. И. Абрамовой был посвящён вариативности в топонимии Шотландии, которая проявляется в использовании разноязычных топонимов в разных речевых ситуациях для номинации одного объекта. Докладчица описала социально-политический подход к иерархии разноязычных топонимов на дорожных знаках и сделала вывод о необходимости стандартизации вариантов топонимов с учётом социального, исторического и политического факторов. В. В. Дабеза проанализировала вариативность календарных имён на примере имён *Дмитрий* и *Дмитри* как графических вариантов (аллонимов) одного и того же мужского имени, имеющих общую этимологию, структуру и значение. Имя *Дмитрий* – нормированное, имя *Дмитри* – вариант, возникший в силу широкого распространения имени и его видоизменения в различных языках. Оба имени равноправны, могут использоваться в официальных документах, заключила В. В. Дабеза.

В ряде выступлений речь шла о лексической вариативности. Е. Д. Павлычева рассмотрела роль клише как языкового средства выразительности в выступлениях англоязычных политических деятелей, его вариативность и прагматичность. В выступлении Ю. С. Сорокиной анализируется явление лексико-грамматической вариативности фразеологических единиц, совпадающих по своей структуре, форме и константно-фразовому значению. Автор рассматривает феномен вариативности на примере текстов современных англоязычных популярных песен и приводит примеры наиболее характерных для этих текстов фразеологических единиц с лексическим, грамматическим и лексико-грамматическим варьированием. Вариативность между двумя языками содержит различные способы передачи лексических значений. В данном случае английский язык является в первую очередь источником прогресса. О. Ю. Нуждина и А. А. Головлева посвятили своё выступление исследованию новой лексической вариативности в эпоху глобализации английского языка. А. А. Лось рассмотрела вариативность русских лексем, описывающих эквивалентные тактильные признаки в английском языке, и показала различия в смыслах, передаваемых разными русскими лексическими вариантами, соответствующими каждому из английских обозначений перцептивных признаков.

В докладе А. А. Парфиненко описано явление языковой вариантности на морфологическом уровне, сопровождающей процесс языкового изменения на материале английского языка. Особое внимание докладчик уделяет анализу действия языковой аналогии как внутрисистемного адаптационного механизма.

Не осталось без внимания исследование вариативности в смежных науках – литературоведении и лингводидактике. Е. Ю. Пугачева и У. М. Чалая посвятили своё выступление лексико-стилистическому анализу внутреннего мира пьес

Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь» и «Буря». Авторы сделали литературоведческие выводы, что в творчестве Шекспира одной из сюжетообразующих функций является функция сна: она проходит красной нитью по всему творческому пути и отрабатывается в каждой последующей пьесе с новыми вариациями на тему. Ю. Э. Бызова и Е. В. Павлова выступили с докладом о вариативности подходов в лингводидактике и их взаимодействиях при изучении иностранного языка (на примере английского языка).

Результаты работы научного мероприятия и спектр охваченных вопросов, связанных с вариативностью, подтверждают, что вариативность представляет собой актуальную проблему, связанную с познанием мира и отражающую фундаментальное свойство языковой системы. Большинство выступающих отметили необходимость продолжения дискуссии о вариативности в языке и культуре и востребованность дальнейшего развития научных исследований проблемы вариативности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Елена Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: ei.abramova@mgou.ru

Шабанова Вероника Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: vp.shabanova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Abramova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of English Philology, Moscow Region State Pedagogical University; e-mail: ei.abramova@mgou.ru

Veronika P. Shabanova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German Philology, Moscow Region State Pedagogical University; e-mail: vp.shabanova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абрамова Е. И., Шабанова В. П. Вариативность в языке и культуре. Современные проблемы (о международной научно-практической конференции, ИЛИМК МГОПУ, 2 декабря 2022 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 128–131.

FOR CITATION

Abramova E. I., Shabanova V. P. Variation in language and culture. Modern problems (about the international scientific and practical conference, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State Pedagogical University, December 2, 2022). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 128–131.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным педагогическим университетом выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru, www.linguamgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2023. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты: www.linguamgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 14.02.23. Выход в свет: 27.02.23. Заказ № 2023/02-11.

Отпечатано в МГОПУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А